

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ
В СОВРЕМЕННОЙ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

Сборник научных трудов

**МОСКВА
2017**

ББК 66.3 (0)
П 50

Серия
**«Проблемы общественной трансформации
стран Восточной Европы и России»**

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Отдел Европы и Америки
Сектор Восточной Европы

Редакционная коллегия:

Т.Г. Биткова – канд. филол. наук, *Л.С. Лыкошина* – д-р ист. наук, *О.Н. Новикова* – канд. ист. наук, *А.С. Стыкалин* – канд. ист. наук, *Л.Н. Шаншиева* – канд. филос. наук (отв. ред.).
Ответственный за выпуск – *А.Ф. Дырина*

Политические лидеры в современной Восточной Европе:
П 50 Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Европы и Америки. Сектор Вост. Европы; Отв. ред. Шаншиева Л.Н. – М., 2017. – 195 с. – (Сер.: Проблемы обществ. трансформации в странах Вост. Европы и России).
ISBN 978-5-248-00830-8

Рассматривается деятельность ведущих восточноевропейских политиков и их роль в смене общественных систем в конце XX в., создании рыночной экономики и плюралистической демократии. Выявляются позиции лидеров в сфере социальной политики, их методы политической борьбы и механизмы вхождения во власть. Анализируются отношения восточноевропейских политиков к развитию связей с Россией, к евро-атлантической интеграции и глобализации.

Для преподавателей, студентов, исследователей, интересующихся социально-политическим развитием стран Восточной Европы.

The authors consider the activities of the famous East European politicians and their role in the change of social system in the late 20 th century, the creation of a market economy and pluralist democracy. They reveal the social and political orientation of the leaders and their methods of political struggle and mechanisms of entry into power. As well as the authors analyze the attitude of Eastern European politicians to the development of relations with Russia, to Euro-Atlantic integration and globalization.

For teachers, students, researchers who are interested in social and political development of the countries of Eastern Europe.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

ББК 66.3 (0)

ISBN 978-5-248-00830-8

© ИНИОН РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

СТАТЬИ

<i>Е.Л. Валева.</i> Желю Желев – философ во главе государства	11
<i>Н.А. Подчасов.</i> Бойко Борисов: Факты биографии	31
<i>Л.С. Лыкошина.</i> Президент Лех Качиньский и легенда о нем	39
<i>Т.Г. Биткова.</i> Траян Бэеску и перипетии румынской политики ...	68
<i>И.С. Пуятина.</i> Зоран Джинджич в общественно-политической жизни Сербии (конец 70-х годов XX в. – начало 2000-х)	87
<i>В.Н. Бабенко.</i> Политические лидеры Украины: От обещаний процветания страны к ее развалу (1991–2014)	115
<i>Е.Б. Калоева.</i> Неототалитаризм при постсоциализме: Штрихи к политическому портрету Ф. Туджмана	138

ОБЗОРЫ И РЕФЕРАТЫ

<i>А.Ф. Дырина.</i> К вопросу о политическом лидерстве (Реферативный обзор)	155
<i>МакАллистер Ян, Уайт Ст.</i> Лукашенко и его избиратели (Реферат)	163
<i>Клаус В.</i> Что мы чувствуем через двадцать лет после краха коммунизма. – В кн.: Клаус В. Мы, Европа и мир (Реферат)	176
<i>Кайзер Д.</i> Вацлав Гавел (Реферат)	185
Сведения об авторах	194

CONTENT

Introduction	5
--------------------	---

ARTICLES

<i>E.L. Valeva.</i> Zhelyu Zhelev – philosopher at the head of the state	11
<i>N.A. Podchasov.</i> Boyko Borisov: Biographical facts	31
<i>L.S. Lykoshina.</i> President Lech Kaczynski and the legend about him ...	39
<i>T.G. Bitkova.</i> Traian Basescu and the vicissitudes of Romanian politics	68
<i>I.S. Putyatina.</i> Zoran Djindjic in social and political life of Serbia (the end of 70s of XX century – the beginning of the 2000s)	87
<i>V.N. Babenko.</i> The political leaders of Ukraine: From the promises of prosperity of the country to its disintegration (1991-2014)	115
<i>E.B. Kaloeva.</i> Neototalitarizm at postsocialism: Touches to the political portrait of F. Tudjman	138

ABSTRACTS AND REVIEWS

<i>A.F. Dyrina.</i> On the question of political leadership (Abstract review)	155
<i>McAllister Ian, White St.</i> Lukashenko and His Voters (Abstract)	163
<i>Klaus V.</i> What we feel twenty years after the collapse of communism. – In the book: Klaus W. We, Europe and the world (Abstract)	176
<i>Kaiser D.</i> Vaclav Havel (Abstract)	185
About the authors	194

ВВЕДЕНИЕ

Волна демократических перемен, начавшаяся в странах Восточной Европы на рубеже 1980–1990-х годов, вынесла на поверхность общественной жизни политиков разного направления. Одни из них выросли из оппозиционных и диссидентских движений, другие трансформировались из бывших руководителей эпохи социализма в лидеров «бархатных революций», третьи заявили о себе в период кардинальных экономических и политических реформ. Естественно, формирование, становление политиков, их деятельность всегда вплетены в ткань общественной жизни: с одной стороны, они находятся под воздействием происходящих процессов, с другой – сами принимают существенные решения, влияющие на выбор вектора движения.

События 1990-х в восточноевропейском регионе рассматривались большинством исследователей в парадигме транзита, трансформации, понимаемых как уход от плановой экономики и однопартийной системы к рыночному хозяйству, политическому плюрализму и демократии. Опыт последующего развития стран, находившихся в переходном периоде, показал, что не получается линейного движения общества по прямой: от пункта А (смена системы) в пункт Б (рыночная экономика и демократия). Есть разрушенная прежняя система, на руинах которой следует целенаправленно, долго, с ограниченными материальными и людскими ресурсами воссоздавать новую конструкцию.

Царившая после смены режимов эйфория оставляла в тени зреющие проблемы, конфликты, социальное напряжение. Между тем слышались отдельные голоса, предупреждавшие о грядущих сложностях. К примеру, известный социолог Р. Дарендорф в одном из интервью предполагал, что народам Восточной Европы еще предстоит пройти через «долину скорби». Позже, как известно, этот тезис нашел свое подтверждение.

Спустя десятилетие анализ проведенных реформ показал, насколько далеки были реальные итоги от желаемого результата. К примеру, один из немецких исследователей, обращаясь к показателям социально-экономической трансформации в Восточной Европе, приводил весьма плачевные данные межрегионального сравнения. Согласно им, в 2000 г. по показателю количества социального продукта на душу населения Чехия и Венгрия находились на таком же уровне, как Габон, Тринидад и Тобаго; Болгария на уровне – Папуа–Новой Гвинеи; Россия – рядом с Намибией, Польша – с Ботсваной. «Если это должно означать конец трансформации, то действительно возникает вопрос, стоило ли это таких усилий?» [Müller, S. 1155]. Даже Восточная Германия, в которой смена системы происходила по благоприятному сценарию (встраиванию всех государственных и общественных институтов в готовую работающую модель, при мощной финансовой поддержке Запада), до сих пор не преодолела различий в уровне экономического и социального развития восточных и западных федеральных земель.

Вместе с тем в «новой Европе» к началу 2000-х годов все же удалось осуществить ряд экономических преобразований, хотя и сопровождавшихся негативными социальными последствиями: ростом безработицы, снижением уровня социальной защиты со стороны государства, развалом системы бесплатного образования и медицинского обслуживания и т.п. При этом следует подчеркнуть, что практически во всех странах региона наблюдалось несоответствие темпов экономических и политических реформ: на фоне «увязания» в экономической трансформации произошел бурный всплеск политической активности. Это выразилось в создании множества политических партий, конкурентной политической борьбе, росте общественных движений, реформировании избирательной системы, введении института президентства и т.д. Все это стало, без сомнения, той питательной средой, которая способствовала появлению ярких политических лидеров.

Среди политических лидеров современного европейского Востока есть и истинные философы, ставшие во главе государств, и авторитарные правители, и яркие популисты, приумножающие свой политический капитал в условиях противоречивых процессов европейской интеграции. Биография любого из них (как, впрочем, и обстоятельства жизни всякого человека) полна драматических подробностей, испытаний, противоборства, иногда им сопутствует удача, а подчас восхождение на политический олимп трагически обрывается. В целом, на наш взгляд, роль лидеров в современных

обществах заметно усиливается. При общей тенденции снижения активности избирателей электоральную поддержку получают те кандидаты, которые обладают личной харизмой и качествами лидера [см.: Тарасов И.Н., 2007].

Отдел Восточной Европы ИНИОН РАН уже обращался к теме политического лидерства и политических элит. На протяжении 1990-х и 2000-х годов было подготовлено и издано несколько сборников, посвященных деятельности видных восточноевропейских политиков в период смены систем и последующей трансформации. В частности, в 2003 г. увидел свет сборник «Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе» [Политические лидеры..., 2003], где нашли отражение политические взгляды и биографии А. Квасьневского, Л. Бальцеровича, В. Гавела, В. Клауса, И. Илиеску, В. Коштуницы. Там же была опубликована обобщающая статья о психологических профилях политических лидеров России, Украины и Белоруссии.

С тех пор страны региона продвинулись далеко по пути европейской и евро-атлантической интеграции, большинство из них вошло в состав Евросоюза и НАТО. В центре внимания все больше оказываются вопросы новой идентичности восточноевропейских народов, степени суверенитета этих стран в современных условиях, социальные и этнонациональные противоречия. Страны Восточной Европы вступали в один союз – экономический, а оказались, по сути, уже в другом, хотя и с тем же названием. Став свободными после выхода из «соцлагеря», восточноевропейские государства вынуждены и в новом союзе расстаться с частью суверенитета. Более того, по мере преобразования самого ЕС все активнее ставится вопрос о новых уступках стран-членов в части национального суверенитета. А это все больше не нравится ни Будапешту, ни Праге, ни Варшаве.

Эти обстоятельства наряду с глобальным экономическим кризисом в значительной мере способствовали росту протестных настроений в обществах региона и усилению позиций праворадикальных политических сил. Ярким примером стал приход к власти правых партий в Польше и Венгрии. Сегодня Будапешт можно считать лидером группы стран-«евроскептиков». Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, кардинально изменивший свои взгляды за последние 15 лет, превратился из классического либерала в борца за консервативные ценности и национальные интересы своей страны.

Не меньшими «евроскептиками» и радетелями национальных интересов стали и польские правые. В статье Л.С. Лыкоши-

ной, посвященной политической биографии погибшего президента Польши Леха Качиньского, с привлечением большого числа документов показано, как формировалось его мировоззрение в качестве лидера партии «Право и справедливость» и как в польском общественном сознании создается миф о новом национальном герое. Несмотря на то что с момента смоленской катастрофы прошло уже несколько лет, Лех Качиньский продолжает играть активную роль в польской политике, превратившись в некий миф, легенду III Речи Посполитой.

В работе Е.М. Валевой затрагивается дискуссионная тема о болгарском диссидентстве. Автор показывает, как возникала и проявляла себя оппозиция коммунистическому режиму в лице Желю Желева (автора нашумевшей книги о фашизме), избранного в 1990 г. новым демократическим парламентом президентом страны. Философ, диссидент, лидер антикоммунистической оппозиции в конце 1980-х годов, он возглавлял страну в трудный переходный период с 1 августа 1990 г. по 22 января 1997 г.

Совершенно другой тип политического деятеля современной Болгарии описан в статье Н.А. Подчасова. Бойко Борисов, начавший свой карьерный путь с руководителя службы охраны (сначала Т. Живкова, а затем царя Симеона II, вернувшегося из изгнания), быстро дошел до звания генерал-лейтенанта, создал новую политическую партию и упрочил свои позиции на посту премьер-министра. Причем, многие обстоятельства его биографии являются весьма загадочными и вызывают много вопросов.

Как известно, история балканских государств зачастую сопровождается острой политической борьбой, противоборством партий и личностей, иногда и загадочными убийствами. Все это довольно подробно освещается в статье И. Путятиной на примере биографии Зорана Джинджича. Автор отмечает, что до сих пор этот политик оценивается весьма противоречиво, его образ формируют два противоположных мифа: 1) миф о предателе национальных интересов Сербии; 2) миф об интеллигенте-реформаторе. Приведенные в статье факты и подробное описание становления З. Джинджича как политического лидера позволяют лучше понять суть процессов, происходивших в сербском обществе. И здесь не обходится без детективного поворота событий, поскольку карьера этого политика закончилась трагически.

Еще одной противоречивой личности в истории Югославии – Ф. Туджману – посвящена статья Е.Б. Калоевой. Его политическая деятельность на посту президента Хорватии рассматривает-

ся через призму мировоззренческой эволюции: от титулованного генерала СФРЮ, потерявшего после распада Югославии должность, почет, заслуги, до оппозиционера и активного борца за независимое хорватское государство.

Статья Т.Г. Битковой отражает деятельность неординарного румынского политика – Траяна Бэсеску. На протяжении десяти лет своего президентства он пережил два импичмента и сумел пробыть на этом посту до конца своего второго мандата в 2014 г. во многом благодаря той популистской политике, которая отличала его стиль руководства. Вместе с тем определенную роль в прочности занимаемых им позиций сыграли его личностные качества, некий образ «политика-спасителя», вызывавший доверие к нему со стороны избирателей.

В работе В.Н. Бабенко рассматривается деятельность ведущих украинских политиков после создания независимого украинского государства. Это и те, кто оказался у власти в 1991 г., кто определял постсоциалистический путь развития в последующие годы, и те, кто привел страну к кризису в 2013 г., к расколу украинского общества, военному противостоянию регионов и к открытому конфликту с Россией.

В целом материалы предлагаемого читателям сборника дают представление об известных политических деятелях восточноевропейских стран, занимавших и занимающих ответственные государственные должности. При подготовке текстов основное внимание уделялось непосредственной деятельности того или иного политика, факторам формирования его взглядов, анализу условий и особенностей развития конкретной страны, при которых он становился лидером. Составители и авторы данного издания не ставили своей целью рассмотреть теоретические вопросы политического лидерства, хотя краткое представление об этом содержится в реферативном обзоре А.Ф. Дыриной. Во втором разделе представлены также два реферата Ю.А. Щербаковой, где нашли отражение политические взгляды бывших чешских президентов – В. Гавела и В. Клауса. В реферате статьи, посвященной А. Лукашенко, излагаются взгляды зарубежных политологов на природу лидерства белорусского президента. Как представляется, материалы сборника помогут исследователям-обществоведам лучше понять происходящие перемены в восточноевропейском регионе, который продолжает сохранять свою специфическую роль и в начале XXI в.

Список литературы

- Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Отв. ред. – Шаншиева Л.Н. – М., 2003. – 236 с.
- Тарасов И.Н. Электоральное измерение образов политических лидеров (На примере стран Центрально-Восточной Европы) // Известия Саратовского университета. – 2007. – Т. 7. Сер.: Социология. Политология. – Вып. 2. – С. 90–97.
- Müller K. «Countries in transition»: Entwicklungsfade der osteuropäischen Transformation // Osteuropa. – Stuttgart, 2001. – H. 10. – S. 1146–1167.

Л.Н. Шаншиева

СТАТЬИ

Е.Л. Валева ЖЕЛЮ ЖЕЛЕВ – ФИЛОСОФ ВО ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА*

Ключевые слова: Болгария; демократические перемены; диссидентское движение; болгарские интеллектуалы; «круглый стол»; политический плюрализм.

Keywords: Bulgaria; democratic change; dissident movement; Bulgarian intellectuals; «round table»; political pluralism.

Доктор Желю Желев – знаковая фигура в истории Болгарии, человек, узаконивший демократические перемены в стране после окончания холодной войны. Философ, диссидент, лидер антикоммунистической оппозиции в конце 1980-х годов, он возглавлял страну в трудный переходный период с 1 августа 1990 г. по 22 января 1997 г.

Будущий диссидент и президент родился 3 марта 1935 г. в бедной крестьянской семье в селе Веселиново Шуменской области. Закончил философский факультет Софийского государственного университета в 1958 г., в 1961–1964 гг. учился в очной аспирантуре на кафедре диалектического и исторического материализма. Некоторое время работал учителем в провинции, где вступил в 1960 г. в ряды Болгарской коммунистической партии (БКП). Будучи гимназистом и студентом, Желев с энтузиазмом воспринимал коммунистические идеи. Но вопиющее несоответствие между словами и делами, между повседневной реальностью и идеологическими миражами рождало сомнения в официальной идеологии. Его первый крупный конфликт с властями начался с абстрактного философского вопроса.

* Статья подготовлена в рамках программы ОИФН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы» (грант «Евразийство в политических проектах стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX в.»).

В подготовленной Желевым диссертации «Философское определение материи и современное естествознание», а также в ряде сданных в печать статей молодой ученый подверг критике марксистско-ленинскую теорию, призвав к «полному и окончательному разгрому догматизированного марксизма-ленинизма и его институтов»¹. Отпечатав свой диссертационный труд в 200 экз. на ротатипе, он распространял его в кругах научной и художественной интеллигенции, за что в 1965 г. был исключен из БКП как «антимарксист и антиматериалист», а позже уволен из университета и лишен временной прописки в Софии. Диссертацию к защите не допустили. Желев поселился в селе Грозден Бургасского округа, откуда родом была его жена Мария. Над ним висел запрет на профессию и право публикаций. Такая научная изоляция продолжалась целых восемь лет. Все же философ остался непреклонным и оказался в числе тех немногих представителей болгарской интеллигенции, которые не пошли на компромисс с совестью.

Некоторая либерализация режима позволила Желеву вернуться в Софию в 1972 г. и получить работу специалиста-социолога в Центре художественной самодеятельности. В 1974 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Возможность, действительность, необходимость», и с 1975 г. работал научным сотрудником, а с 1979 г. старшим научным сотрудником в Научно-исследовательском институте культуры. В 1988 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Реляционная теория личности» в Институте философии БАН.

Десятилетие 1972–1982 гг. прошло для Желева относительно спокойно. В этот период (называемый эпохой «застоя») ученый пытался издать законченный им еще в 1967 г. в селе Грозден научный труд «Фашизм», который в то время носил название «Тоталитарное государство». В нем автор подверг тщательному анализу фашистские режимы в Германии, Италии и Испании и описал их основные поведенческие принципы. После выхода в свет книга получила небывалый резонанс в болгарском обществе, а также за рубежом. Хотя в работе не было ни строчки против коммунизма, читателю становилось очевидным сходство характеристик обоих режимов и используемых ими методов. Красноречивы уже сами названия глав, наводившие читателя на серьезные размышления: «Сращивание государственного аппарата с партией», «Всеобщий

¹ Подробнее см.: Симеонов П. Голямата промяна. 10. XI. 1989–10. VI. 1990: Опит за документ. – София, 1996.

охват населения основными организациями», «Авторитарное мышление с культом национального лидера» и т.д. «Не то же ли самое и у нас?» – такова была типичная реакция болгар, читавших книгу. Подкупал их и социальный оптимизм автора, убежденного в неизбежности распада тоталитарных систем и перехода к многопартийной либеральной демократии.

Понятно, что в условиях авторитарного режима с изданием книги возникли колоссальные трудности. На протяжении почти 15 лет Желев неоднократно предлагал свою рукопись софийским издательствам, но ее всегда возвращали под предлогом перегруженности издательских планов или из-за пресловутого отсутствия бумаги. Тем временем его работа распространялась «самиздатовским» способом как в столице, так и в провинции. Ее первым читателем и распространителем был известный поэт-сатирик Радой Ралин. Наконец в 1982 г. рукопись рискнуло опубликовать 10-тысячным тиражом издательство «Народна младеж»¹, но... спустя три недели книга была запрещена и исчезла с полок книжных магазинов и библиотек, а изъятые экземпляры уничтожены. Правда, большая часть (около 6 тыс. экз.) уже находилась на руках у читателей. Кстати, имелась она и в советских библиотеках, в частности в Библиотеке иностранной литературы.

По реакции в обществе, по эмоциональному подъему, охватившему часть интеллигенции, болгарские власти поняли, что на открытое обсуждение поставлены самые болезненные вопросы, в том числе – о судьбе «социалистического строя». Последовали репрессии в отношении тех, кто был связан с изданием книги: уволили трех редакторов, строгие партийные взыскания получили рецензенты – профессора К. Василев и Н. Генчев (последнего заставили также подать в отставку и с поста декана исторического факультета Софийского университета).

Разумеется, наказанию подлежал и автор книги, но так как он был уже давно исключен из партии, оставались только административные санкции: Желева сняли с должности заведующего сектором в Институте культуры и вывели из состава Ученого совета института. Соответствующие отделы ЦК БКП организовали написание разгромной рецензии на книгу «Фашизм», которая вышла в журнале «Философская мысль» (№ 12 за 1982 г.) под характерным названием «За научный, марксистско-ленинский анализ фашизма». Помимо обвинения, что книга написана не с марксист-

¹ Желев Ж. Фашизмът. – София, 1982.

ско-ленинских позиций, автора обвинили еще и в плагиате. Желев направил открытое письмо в редакцию, в котором требовал или извинений, или доказательств подобного обвинения. В этот трудный момент поддержку Желеву оказали некоторые видные представители болгарской интеллигенции, при этом активные члены компартии. Они обратились к главному редактору «Философской мысли» с письмами в защиту ученого.

Интерес к книге был уже настолько велик, что действия властей лишь подливали масла в огонь. Даже никогда не читавшие политической литературы люди бросились искать работу Желева у знакомых. Книга превратилась в заметное политическое событие. Возникло спонтанное движение в защиту пострадавших редакторов и рецензентов. Книга «Фашизм» породила настоящий политический фольклор, множились слухи, сочинялись легенды, ставшие основой для политических анекдотов. В предисловии ко второму изданию своей книги (1989)¹ Желев приводит несколько таких анекдотов. В одном из них, например, сравнивались явно несопоставимые вещи. «Что сделали народы Восточной Европы после Второй мировой войны?» – вопрошал рассказчик и сам отвечал: «Венгры в 1956 г. подняли восстание, чехи в 1968 г. начали “Пражскую весну”, поляки в 1980 г. создали “Солидарность”, болгары в 1982 г. издали “Фашизм”...» Разумеется, сравнение выхода книги с массовым народным восстанием или организационным оформлением диссидентских проявлений безосновательно, но показательно как своеобразный индикатор умонастроений болгарского общества.

Книга сделала Желю Желева ярким выразителем оппозиционных взглядов, личностью, известной всей Болгарии. Не случайно именно он возглавил зарождавшееся в стране в конце 1980-х годов диссидентское движение.

Организованное проявление недовольства социалистическим режимом, которое принято называть диссидентским движением, появилось в Болгарии лишь в конце 1980-х годов, что дало историкам основание назвать его «запоздалым»². В Болгарии отсутствовали диссидентские организации, подобные «Хартии 77» в Чехословакии, «КОС-КОР» и «Солидарности» в Польше или группам, работавшим в середине 1980-х годов над созданием про-

¹ В 2012 г. увидело свет третье дополненное издание книги под названием «Тоталитарные близнецы: “Фашизм” тридцать лет спустя».

² Калинова Е., Баева И. Българските преходи 1939–2005. – София, 2006. – С. 231.

граммы преобразования социалистических порядков в Венгрии. Болгарское общество не выдвинуло из своей среды организаторов борьбы с коммунистическим режимом, соответствующих духовных лидеров, не знало своего В. Гавела или Л. Валенсу, не говоря о таких масштабных фигурах, как А. Сахаров или А. Солженицын. В стране не получили сколько-нибудь заметного распространения русофобия, антисоветизм, нередко, как это видно на примере некоторых других стран, срачивавшихся с антикоммунизмом. Не пользовалась влиянием и церковь, которая не могла претендовать на роль кристаллизующего ядра альтернативной политической субкультуры, подобно польскому костелу. Болгарские диссиденты в большинстве своем – атеисты и люди, которым именно коммунистическая власть помогла реализоваться, подняться над их средой. Бунт диссидента в Болгарии чаще всего был результатом личного разочарования или разочарованием в вождах коммунистической верхушки, или в коммунистической идеологии, или и в том и другом одновременно.

В силу своей специфики болгарское диссидентство до сих пор вызывает неоднозначные оценки как среди болгарских, так и зарубежных исследователей (многие авторы даже берут это слово в кавычки)¹. Одни убеждены, что в Болгарии, в отличие от других стран Восточной Европы и СССР, диссидентства вообще не существовало или что оно возникло едва ли не после отстранения от власти Т. Живкова в 1989 г.², другие называют диссидентством любое выражение недовольства режимом, будь то в форме анекдотов или «разговоров на кухне». Нам представляется справедливой позиция самого Желю Желева: если под диссидентами понимать людей, которые не согласны с политическим режимом и открыто, публично выражают свое несогласие, тогда в Болгарии существовало диссидентство³. Тем не менее до ноября 1989 г. оппозиция как реальная политическая сила в Болгарии отсутствовала. В то же время заслугой болгарских

¹ См., например: Христова Н. Историографски интерпретации на проблема «българско дисидентство» // Предизвикателствата на промяната. Национална научна конференция. София, 10–11 ноември 2004 г. – София, 2006. – С. 324–330.

² На пленуме ЦК БКП 10 ноября 1989 г. часть партийной номенклатуры во главе с А. Лукановым и П. Младеновым отстранила Живкова от власти, надеясь укрепить позиции компартии и свои личные, воспользовавшись славой реформаторов. Болгарский переходный период начался как внутрипартийный переворот, сыгравший роль катализатора назревавших в стране событий.

³ Иванова Е. Българското дисидентство. 1988–1989. Част 1. – София, 1997. – С. 36.

диссидентов является то, что за недолгий период своей деятельности они сумели подготовить общество к переменам, показали, что и в Болгарии ведется борьба за демократию и права человека.

Катализатором оформления диссидентского движения стали экологические проблемы: сигналы об экологической катастрофе, нависшей над пограничным дунайским городом Русе в виде хлорных выбросов химических заводов румынского города Джурджу. Общественный комитет по экологической защите г. Русе (или Русенский комитет), созданный 8 марта 1988 г., считается первой неформальной протестной организацией¹. Позже, в апреле 1989 г., как продолжение Русенского комитета было создано независимое общество «Экогласность», положившее начало движению «зеленых» в Болгарии.

Ж. Желев принимал самое активное участие в его становлении. На собраниях, состоявшихся в Институтах философии и социологии БАН, он разъяснял цели и задачи общества, агитировал за привлечение в его ряды коллективных и индивидуальных членов. По его мнению, цель «Экогласности» состояла в том, чтобы «научить людей демократии, побудить их выходить на открытые собрания и митинги, активизировать их политическое мышление». Создание Русенского комитета стало кульминационным моментом пробуждения в Болгарии будущего гражданского общества: впервые после 1944 г. часть интеллектуальной элиты посмела нарушить негласно заключенный с властями договор о лояльности в обмен на стабильность и обеспеченное существование. Тревожный для властных структур сигнал был ими услышан: уже спустя два дня после образования Русенского комитета заработал штаб в составе ответственных партийных работников для изучения фактов, связанных с созданием комитета. Партийные структуры и силы госбезопасности заставили учредителей Русенского комитета отказаться от дальнейших действий.

Первой чисто политической организацией, которая уже не скрывалась за той или иной неполитической проблемой, а открыто ставила наиболее острые вопросы и призывала общество включиться в их обсуждение, стал Клуб в поддержку гласности и перестройки (впоследствии он трансформировался в Федерацию клубов в поддержку гласности и демократии). Его учредительное собрание

¹ Русенският комитет. Документален сборник с материали от Централен държавен архив и архива на Общественият комитет за екологична защита на град Русе. – София, 2002.

прошло 3 ноября 1988 г. в Софийском университете, превратившемся к тому времени в центр инакомыслия.

Среди учредителей и активистов клуба были виднейшие болгарские интеллектуалы, причем как члены БКП (профессор К. Василев, поэт Хр. Радевски), так и беспартийные, уже известные в качестве оппонентов коммунистического режима – Ж. Желев, поэтесса Б. Димитрова, писатель Р. Ралин. Председателем был избран писатель П. Симеонов. Желев был одним из основных инициаторов и организаторов клуба, членом его оперативного бюро. Он развил большую активность, разрабатывая и распространяя основополагающие документы и материалы и привлекая новых членов. С целью защиты клуба от репрессий со стороны властей в его руководство было включено много представительных и уважаемых фигур, академиков и профессоров, а также так называемых «активных борцов против капитализма и фашизма»¹. Позже Ж. Желев признавал, что «активные борцы» были выведены на передовую вполне сознательно: «Я хотел, чтобы мы создали оппозиционную организацию, с которой режим не мог бы справиться и которая стала бы прикрытием для других организаций... Для этого была необходима широкая политическая спина „активных борцов“, против которых режим не имел ни морального, ни политического права действовать»².

Документы БКП, в которых анализируется сам факт создания клуба и его деятельность, демонстрируют беспомощность и озлобление властей. Так, в справке Софийского комитета БКП говорилось, что позиция клуба находится «в грубом противоречии с партийным пониманием социалистического плюрализма», что в ходе проводимой партией перестройки нашлись люди, «превратно понимающие созданные условия для демократизации нашего общества, стремящиеся занять позиции в обществе, руководствуясь своими личными корыстными интересами»³. Однако властям не удалось задуть Клуб в поддержку гласности и перестройки в зародыше, как это было сделано с Русенским комитетом.

Исследователь болгарского диссидентства проф. И. Баева полагает, что создание названного клуба знаменует собой новый

¹ Привилегированная прослойка в болгарском обществе времен социализма, аналогичная «старым большевикам» в СССР.

² Цит. по: Иванова Е. Българското дисидентство. – С. 59.

³ Шесто управление срещу неформалните организации в България 1988–1989 г. – София, 1999. – С. 116–117.

этап в разделении болгарского общества накануне переходного периода. Если до 1988 г. можно было говорить лишь о молчаливом, пассивном или индивидуальном несогласии с властями, то с возникновением клуба оформилась группа критиков режима, публично выражавших свои позиции¹. Клуб подготовил почву для общественного противостояния режиму Живкова, которого открыто называли помехой на пути демократизации.

Клуб в защиту гласности и перестройки, остро реагировавший на все, что происходило в зарождавшемся оппозиционном движении, стремился стать объединительным центром ранее существовавших и новых диссидентских организаций. В сентябре состоялась встреча представителей клуба, независимого профсоюза «Подкрепа» («Поддержка»), «Экогласности», Союза репрессированных, Независимого общества в защиту прав человека, показавшая, что болгарские диссиденты уже осознавали необходимость совместных действий. В начале ноября 1989 г. на собрании клуба Желев открыто выдвинул идею объединения всех неформальных структур в общий фронт борьбы за демократию².

Во время проходившего с 16 октября по 3 ноября 1989 г. в Софии международного экофорума «неформалы» организовали в центре Софии сбор подписей против одного из правительственных проектов и были жестоко избиты милицией на глазах у иностранных журналистов. 3 ноября 1989 г. состоялась первая за 45 лет болгарского социализма массовая демонстрация протеста, участники которой (около 4 тыс. человек) впервые скандировали слова «демократия» и «гласность»³. Буквально через неделю, 10 ноября, Живков был отстранен от власти на пленуме ЦК БКП.

Во время проведения экофорума Желев особенно активизировал свою деятельность. Он установил и поддерживал тесные контакты с руководителями всех неформальных структур, которые согласовывали с ним свои намерения и действия, присутствовал на большинстве их мероприятий. Понятно, что Желев и руководимый им клуб находились в центре внимания западных радиостанций. В своих интервью радиостанциям «Дойче велле» («Немецкая вол-

¹ Баева И. Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройство и ролята му за началото на прехода – 1988–1989 гг. // Известия на държавните архиви. – София, 2004. – Т. 87. – С. 3–32.

² Симеонов П. Голямата промяна. 10. XI. 1989–10. VI. 1990. Опит за документ. – София, 1996. – С. 626.

³ Независимо сдружение Екогласност 1989 г. / Съставители Л. Александриева, А. Каракачанов. – София, 2009. – С. 167–168.

на»), «Свободная Европа», «Би-би-си» и «Голос Америки», а также на встречах с иностранными дипломатами Желев открыто заявлял, что он убежден в крахе социализма как системы и что необходимо создать в стране «многопартийность и вернуть частную собственность», так как существующее государство предоставляет «экономическую основу для бесконтрольной власти партии». Еще в мае 1989 г. в интервью корреспонденту «Свободной Европы» Желев зачитал «Декларацию об основных принципах гласности и перестройки в Народной Республике Болгария», содержавшую требования правового государства, политического плюрализма, свободы слова и информации, свободы объединений, равноправия национальных меньшинств. 12 мая клуб внес эту декларацию, которую подписало более 120 человек, в парламент страны.

Понятно, что подобная активность и огромная популярность Желева не могли не привлечь внимания болгарских спецслужб. Еще в октябре 1983 г. органы госбезопасности Болгарии начали его оперативную разработку под кодовым названием «Философ». Весной 1989 г. Шестое управление Комитета государственной безопасности при Министерстве внутренних дел НРБ (внутренняя безопасность и политический сыск) предложило Главному следственному управлению начать против Желева предварительное следствие по ст. 273 Уголовного кодекса – антигосударственная деятельность. Только ускорившиеся перемены в Советском Союзе, Центральной Европе и в самой Болгарии сорвали намечавшийся судебный процесс.

По требованию Политбюро ЦК БКП Комитет госбезопасности Болгарии подготовил 4 ноября 1989 г. подробную справку о Ж. Желеве. В ней отмечалось, что «в разговорах со своими близкими и знакомыми Желев развивал чуждые марксизму-ленинизму идеи и взгляды по поводу научного, культурного и социально-экономического развития страны. Злословил, что существуют два типа социализма – научный и реальный, причем научный не является реальным, а реальный не является научным. Социализм в нашей стране имел якобы два этапа: первый – ошибки роста и второй – рост ошибок, на котором мы в настоящее время и находимся»¹. В справке констатировалось, что в условиях происходящей в Болгарии перестройки Желев заметно активизировал свою

¹ Анатомия конфликтов: Центральная и Юго-Восточная Европа: Документы и материалы последней трети XX века. – СПб.: Алетейя, 2013. – Т. 2: Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. – С. 180–184.

деятельность: по различным поводам и в разных кругах он неоднократно выражал свое негативное отношение к социалистической действительности. Считал, что в Болгарии «перестройка – это перепечатка» и существуют «гласность и властность». Заявлял, что право голоса завоевывается в борьбе и что он «всегда готов на свой страх и риск выступить с декларацией, “письмом”»¹.

После пленума ЦК БКП 10 ноября 1989 г. в Болгарии в считанные месяцы сформировалась мощная оппозиция, для которой отставка Живкова была лишь первым шагом к более глубокой трансформации политической системы. Об этом свидетельствовал первый митинг «неформальных организаций» во главе с клубом в поддержку гласности и перестройки, конфедерацией труда «Подкрепа» и «Экогласностью», проведенный 18 ноября 1989 г. в центре Софии и собравший около 100 тыс. человек. Главными ораторами на нем были Ж. Желев, П. Симеонов, Б. Димитрова, Р. Ралин.

1–2 декабря Клуб в поддержку гласности и перестройки провел общее собрание уже в новых условиях. В докладе его неформального лидера впервые открыто говорилось о чисто политическом характере этой организации и о его будущем в качестве «политического движения болгарской интеллигенции за демократию и демократическую перестройку современной Болгарии». В принятой резолюции четко просматривалось намерение руководства клуба разработать общую программу для всех диссидентских организаций, которые уже вели конкретные переговоры об объединении². Фактически идеи клуба, его деятельность были нацелены на формирование реальной политической альтернативы БКП.

Тем не менее до создания объединенной оппозиции ни одно из новых общественно-политических формирований не могло составить самостоятельную конкуренцию БКП, насчитывавшей более 980 тыс. членов и имевшей разветвленную сеть местных организаций³. Появлением на политической сцене действительно влиятельной антикоммунистической оппозиции в Болгарии считается создание 7 декабря 1989 г. коалиционного Союза демократических сил (СДС). Председателем Национального координационного совета СДС был избран Желю Желев. В своей Учредительной

¹ Симеонов П. Голямата промяна. Указ. соч. – С. 622–626.

² Баева И. Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройство то и ролята му за началото на прехода – 1988–1989 г. // Известия на държавните архиви. – София, 2004. – Т. 87. – С. 18.

³ Работническо дело. – 1990. – 31 януари.

декларации СДС не ограничивался общими требованиями политического плюрализма, правового государства, рыночной экономики (надо заметить, что такие же термины вскоре стали широко использоваться и в новых документах БКП). В декларации провозглашались и более конкретные цели: равноправие всех форм собственности перед законом; новое трудовое законодательство и создание независимых профсоюзов; принятие новой демократической конституции; проведение демократических выборов в Народное собрание; полная, без каких-либо ограничений свобода слова, печати, собраний и объединений и др.¹

Роль СДС в развитии политических процессов в Болгарии неуклонно возрастала. Итогом нескольких бурных недель ежедневных митингов, шествий и демонстраций стали созыв Национального «круглого стола» (НКС) для диалога между властью (в феврале 1990 г. образовалось однопартийное коммунистическое правительство) и оппозиционным СДС, отмена первого параграфа Конституции, закреплявшего руководящую роль БКП в обществе, восстановление гражданских свобод и свободы печати, подготовка первых свободных парламентских выборов. Начавшийся с конца 1989 г. бурный процесс политизации и поляризации болгарского общества привел к тому, что за короткое время в стране сформировалась двухполюсная политическая система из противостоявших друг другу БКП/БСП² и оппозиционного союза – СДС.

Декларация о роли и статусе НКС провозглашала целью «круглого стола» «осуществление мирного перехода от тоталитарного к демократическому общественному устройству»³, т.е. трансформацию политической системы. Заседания НКС проходили в январе-мае 1990 г. в обстановке острого противоборства по всем обсуждавшимся вопросам. Делегацию оппозиции возглавлял Желю Желев, БКП – новый лидер партии А. Лилев. После долгих дебатов были оформлены договоренности о мирном переходе к демократии и плюралистической политической системе, о введении института президентства, о роспуске партийных организаций по месту работы и деполитизации армии, МВД, органов госбезопасности, суда, прокуратуры, МИД, о порядке созыва Великого

¹ Демокрация. – 1990. – 9–10 февруари.

² На прошедшем в апреле 1990 г. референдуме было принято решение переименовать БКП в социалистическую партию – БСП.

³ Кръглата маса: Стенографски протоколи (3 януари – 15 май 1990). – София, 1990.

народного собрания для принятия новой Конституции, о порядке проведения свободных демократических выборов. Однако, несмотря на то что стороны достигли принципиальных договоренностей по фундаментальным идеологическим вопросам, не были разработаны механизмы по их реализации, что обусловило сохранение противостояния основных политических сил.

Позже Желева обвиняли, что его слова о двух сторонах «круглого стола» способствовали поляризации общества и рождению двухполюсной политической модели. Во вступлении к публикации стенографических протоколов заседаний НКС Желев так ответил на эти обвинения: «НКС по необходимости был вынужден иметь две стороны (правящие и оппозиция), поскольку при иной конфигурации состава участников он превратился бы в говорильню и никогда не проделал бы той огромной работы по разрушению тоталитарной системы, которую он реально осуществил... Лучше, когда проблемы решаются за круглым столом, а не гражданской войной»¹.

В своей политической автобиографии Желев писал, что «круглый стол», на котором были намечены параметры мирного перехода к демократии, представлял собой самое большое достижение в новейшей истории Болгарии². Но у Желева был и личный повод для гордости: наконец-то власть не только выслушала его, но и признала его право на инакомыслие. Путь диссидента закончился. Начался путь политика и президента.

НКС положил начало фактическому перераспределению власти между БСП и оппозицией. Уже во время заседаний НКС оппозиция остро критиковала всевластие коммунистов во всех сферах экономики и политики. Положение СДС в обществе как главной антикоммунистической политической силы значительно укрепилось. Число его сторонников молниеносно выросло, особенно среди молодежи. Надо при этом отметить, что в СДС приходили люди, несогласные с прошлым, но не обладавшие необходимыми политическими качествами и навыками. Фактически в СДС сразу же стали формироваться три группировки: умеренно-центристская, склонная к диалогу с БСП для обеспечения мирного перехода к новым порядкам; правоцентристская, стремившаяся противостоять БСП; радикально-экстремистская.

¹ Кръглата маса: Стенографски протоколи (3 януари – 15 май 1990). – София, 1990. – С. 11.

² Желев Ж. Въпреки всичко. Моята политическа биография. – София, 2005.

10 и 17 июня 1990 г. в Болгарии состоялись первые за послевоенное время свободные и демократические выборы в Великое народное собрание (ВНС). Фактически они приобрели характер референдума «за» или «против» существующей системы. В выборах участвовали 40 партий, коалиций, движений. Победу одержала БСП, получившая абсолютное большинство – 211 депутатских мандатов из 400. На долю СДС досталось 144 мандата. Председателем парламентской группы СДС стал Желев. Голосование показало, что БСП продолжает пользоваться немалым авторитетом, особенно в провинции и в селах. Сравнительно низкий результат СДС был для многих разочарованием, он контрастировал с убедительной победой антикоммунистических сил в Центральной и Юго-Восточной Европе. Такие результаты были связаны с тем, что оппозиции не хватило времени для формирования большего электората для противостояния БСП, а также общей неготовностью болгарского общества к переменам: в сознании болгар среднего поколения еще присутствовали воспоминания, связанные с завоеваниями «реального социализма». Выполнив свою главную задачу – утверждение новой, демократической Конституции, ВНС принял 2 октября 1991 г. решение о самороспуске.

Огромная роль Ж. Желева не только в формировании болгарской оппозиции, в разработке ее стратегии и тактики на первых свободных выборах, но и в определении вектора переходного периода в Болгарии принесла ему известность и признание.

1 августа 1990 г. новый парламент избрал его президентом страны. Парадоксально, но противник коммунизма стал главой государства, где коммунисты все еще располагали большинством в парламенте: между БСП и СДС был достигнут исторический компромисс. Для демократов Желев являлся несомненным моральным авторитетом, носителем перемен и свобод. Коммунисты же видели в нем человека, обязанного им своим профессиональным ростом, с которым можно договориться о сохранении своей власти. БСП поддержала Желева в противовес кандидатуре Петра Дертлиева, председателя влиятельной социал-демократической партии – БСДП (слившейся под нажимом коммунистов с компартией в 1948 г. и возродившейся как оппозиционная). У Дертлиева был немалый организационный опыт и авторитет, поэтому БКП сочла его потенциально более опасным оппонентом, чем Желев, который воспринимался ими как беспартийный и «мыслящий глобальными катего-

риями»¹. Впоследствии это обстоятельство послужило поводом к обвинению Желева в сговоре с БСП и предательстве.

Президент Желю Желев останется в истории как самый атакуемый «своими» же вчерашними союзниками. Во-первых, он занял свой пост в наиболее бурные годы переходного периода. Свобода вроде бы пришла, но правительство вновь составили коммунисты. Параграф первый Конституции о руководящей роли БКП отпал, но крупные структуры и институты бывшей власти сохранились. Вся собственность оставалась государственной и с небольшими исключениями контролировалась прежней партийно-государственной элитой. Во-вторых, мандат Желева совпал по времени с восходом и расцветом экстремизма в СДС, когда начались раздоры в самой «синей» коалиции (синий – цвет СДС, оппозиции).

С начала 1990-х годов Болгария переживала системную трансформацию, охватившую все сферы: политическое и экономическое устройство; внешнеполитическую ориентацию; культурную политику; социальные отношения. Отметим, что с 1990 по 2014 г. в постсоциалистической Болгарии девять раз проводились парламентские выборы, из них пять раз досрочно. Было сформировано 16 составов правительства, общей чертой которых являлось более или менее выраженное стремление к либеральным методам руководства. Однако ни наследница компартии БСП, ни СДС, чередовавшиеся у руля правления, так и не сумели разработать четкой стратегии решения серьезных национальных проблем.

На первых прямых президентских выборах (согласно новой Конституции) в январе 1992 г. за Желева проголосовали более двух с половиной миллионов болгар (44,66% голосов в первом туре и 52,85% во втором); шесть месяцев спустя партия, которую он основал, изгнала его из своих рядов, организовывала митинги, требуя отставки.

Его конфликт с СДС начался после того, как 30 августа 1992 г. во время пресс-конференции, запомнившейся под названием «Боянские ливады» по месту ее проведения (на поляне в президентской резиденции «Бояна»), Желев остро раскритиковал правительство Ф. Димитрова (первый кабинет без коммунистов), чья бескомпромиссность при проведении рыночных реформ осложнила его отношения с общественностью, президентом, профсоюзами, парламентариями. В обстановке растущего политического напря-

¹ Режим доступа: <http://www.temanews.com/index.php?p=tema&iid=849&aid=19150>

жения в конце октября 1992 г. Димитров был вынужден подать в отставку. Термин «Боянские ливады» стал нарицательным для обозначения конфликта между президентом и правительством, приведшего к провалу первого кабинета СДС и положившего начало тяжелому политическому кризису.

То, что Желев способствовал падению кабинета своей собственной партии, вызвало мощную волну недовольства в руководстве СДС (к тому времени в союз пробралось много карьеристов, экстремистов, агентов госбезопасности). Ж. Желев не был рьяным антикоммунистом, он был истинным демократом, и в этом причина его столкновения с правым руководством союза. Он оказался «белой вороной» в СДС, одним из немногих его членов, которые понимали, что БКП/БСП не представляет собой монолитную массу, видели человека за партийным билетом. Президента Желева обвиняли в том, что он предпринял коварный, предательский шаг против своих единомышленников, поскольку-де не мог больше управлять СДС закулисно, а его прежняя зависимость (от БКП) становилась все более явной. Началась кампания СДС по очернительству Желева. Его называли ставленником БКП и предателем¹. Он обвинялся в том, что своими действиями или бездействием направил переходный процесс в нужное коммунистам русло, чтобы они смогли трансформировать свою политическую власть в экономическую. В результате массовой пропаганды руководства СДС Желеву стали инкриминировать и то, что он признал «фальсифицированные» результаты выборов в ВНС 1990 г., не дал провести люстрацию, начал нескончаемый «круглый стол», позволивший коммунистам сохранить свои позиции². (Кстати, под конец жизни сам Желев считал, что в первые годы демократизации нужно было действовать более решительно.) Критики настаивали, что нужен был не мирный переход, за который ратовал Желев, а решительные действия против БКП, чтобы покончить с ней раз и навсегда. Заметим, что подобные настроения сохраняются у части болгарского населения и поныне.

Столкновение с СДС в 1992 г. отразилось на Желеве крайне негативно: его энергия и оптимизм уступили место усталости и

¹ Несколько месяцев спустя, в 1993 г., дочь Желева Йорданка покончила с собой. Желев считал, что одним из мотивов самоубийства стала его травля после «Боянских ливад», поскольку девушка была очень чувствительной.

² Режим доступа: <http://www.faktor.bg/politika/na-vseki-kilometar/31198-29-oktomvri-sds-obyavyava-zhelyu-zhelev-za-predatel.html%7D>

скептицизму. С целью отстранения Желева от власти в ходе подготовки к очередным президентским выборам в 1996 г. правые политические силы организовали предварительные выборы («праймериз»). Ставший одновременно подозрительным и податливым внушениям, президент позволил загнать себя в эту ловушку и с треском проиграл малоизвестному тогда адвокату и бывшему заместителю министра Петру Стоянову. После провала Желев снял свою кандидатуру. 3 ноября 1996 г. президентом Болгарии был избран П. Стоянов. В очередной раз подтвердилась историческая истина, что «революция пожирает своих детей».

Не желая быть рядовым членом СДС, Желев создал партию «Либеральная альтернатива», но она не прошла в парламент на выборах в апреле 1997 г. С тех пор он не принимал активного участия в болгарской политике. С 1993 г. являлся патроном Либерального интернационала. Два срока занимал пост президента Балканского политического клуба, основанного 26 мая 2001 г. по его инициативе. В учредительном собрании под лозунгом «Европеизируем Балканы» тогда приняли участие президенты Ион Илиеску, Сюлейман Демирель, Эмиль Константинеску, Киро Глигоров, а также политические лидеры Боснии и Герцеговины, Греции, Албании, Республики Македония, Турции. В январе 1997 г. Желев создал и возглавил фонд «Д-р Желю Желев», который публикует документальные сборники по новейшей истории Болгарии (в настоящее время фонд возглавляет его старшая дочь Станка).

Желев награжден самой высокой государственной наградой Болгарии – орденом «Стара планина» I степени, а также множеством академических и государственных наград как в своей стране, так и за рубежом.

30 января 2015 г., за месяц до своего 80-летия, Желю Желев внезапно скончался и был единодушно провозглашен болгарской политической элитой истинным объединителем нации, на редкость скромным политиком, сторонником компромисса и консенсуса. Был объявлен день национального траура. В письме близким Ж. Желева с выражением соболезнования нынешний президент Болгарии Росен Плевнелиев написал, что первый демократически избранный президент является «символом мирного перехода, толерантности и поисков национального согласия».

Желю Желев – противоречивая личность, как противоречив и болгарский переход от тоталитаризма к демократии. Разноречивы и оценки президента Желева. Для одних он – герой, для дру-

гих – предатель демократии. Одни считают его мягким, уступчивым, склонным к диалогу, скромным и равнодушным к благам власти, другие – мягкотелым, завистливым, трусливым и властолюбивым. Многие заблуждались в отношении Желева – политика и человека. Часто он казался нерешительным и колеблющимся – значит, считали его критики, подвержен влияниям; неопытным – следовательно, склонен к ошибкам. Многие современники явно недооценивали личность и поступки Желева. Но близкое окружение понимало сложность его характера и неоднозначность действий. «Он кажется уступчивым, но у него есть позиции, от которых он никогда не отступит, и хотя он отказывается мягко, но с непреклонностью», – подчеркнула одна его сотрудница¹.

Болгарский историк И. Баева считает, что главная заслуга Желева состоит в утверждении в Болгарии политического плюрализма. Как человека и президента Желева характеризовало уважение к людям, к разнообразию их мнений, к плюрализму идей. Другое его качество – последовательность и убежденность в своих действиях. Последовательность не агрессивная, необязательно сопровождающаяся борьбой, а спокойное, твердое отстаивание своих позиций. Это был самородный болгарский политик, по внешнему виду, по манере говорить, по поведению – скорее человек из народа, чем представитель политической элиты².

Положение Желева при вступлении на пост президента оказалось весьма деликатным – ему предстояло стать президентом всех болгар, не раздражая социалистов, но и не предавая оппозицию; ослабить коммунизм и укреплять страну в то время, когда они еще были объединены в партию-государство. И все это при наличии враждебного парламентского большинства. В отличие от Младенова, Луканова и других своих оппонентов-социалистов, опытных игроков в политике, Желю Желеву пришлось выйти на сцену политического театра без единой репетиции. Поэтому ошибки были неизбежны, однако ни одна из них не оказалась фатальной, что бы там ни говорили социалисты. В некоторых же случаях он проявил исключительное политическое чутье. Его молниеносная реакция на московский путч в августе 1991 г. повысила

¹ Режим доступа: <http://krumblagov.com/portraits/jelev.php>

² Режим доступа: <http://focus-news.net/opinion/2015/02/01/31674/prof-iskra-baeva-d-r-zhelyu-zhelev-e-povratna-lichnost-za-istoriyata-na-balgariya-chovekat-koyto-legitimira-parvite-demokratichni-promeni-v-balgariya-sled-kraya-na-studenatavoyna.html>

международный авторитет Болгарии – он единственный из глав государств, прорвав информационную блокаду, сразу же позвонил Б. Ельцину с выражением своей поддержки¹. По его настоянию Болгария первой признала Республику Македония, оказала ей моральную поддержку при интеграции в Европейский союз. За это Желев был награжден высокой македонской наградой – «Орденом 8 сентября».

Для нации Желев часто выступал на начальном этапе своего президентства не только как политическая, но и как моральная инстанция. Он не поколебался защитить Великое народное собрание, когда в связи с принятием новой Конституции «синие» заклеили его как коммунистическое. Отказался утвердить закон о скандально высоких пенсиях депутатов парламента, поддержанный, естественно, всеми парламентскими фракциями. В отличие от многих представителей новой политической элиты не соблазнился благами, которые сулила власть: долгое время продолжал жить в съемной двухкомнатной квартире и, к ужасу охраны, нередко ходил на работу пешком. Но уже вскоре после победы на президентских выборах в 1992 г. Желеву пришлось шаг за шагом идти на уступки парламентскому большинству. Законы, которые он отклонял, всегда можно было вновь поставить на голосование. Его заставили сменить свою команду, он не сумел отстоять своих старых соратников. Он боролся, но Конституция страны осудила его на проигрыш при любом противостоянии с Народным собранием (Болгария – парламентская республика). «Я не хочу быть президентом-марионеткой», – сказал как-то Желев. Политика, однако, является искусством возможного, а возможности часто расходятся с пожеланиями даже президентов. Политик рано или поздно должен выбирать между верностью принципам и властью. Желев же долго питал иллюзию, что существует четкое разграничение между принципиальными и тактическими, временными компромиссами. Власть все больше «приручала» его с помощью аргументов в пользу «целесообразности» и «политической конъюнктуры»².

В журналистике нередко проводится параллель между В. Гавелом и Ж. Желевым, порой его даже называли «болгарским Гавелом», впрочем, с акцентом на слове «болгарский». Вероятно, тем самым признается, что В. Гавел все же стоит значительно вы-

¹ Режим доступа: <http://www.temanews.com/index.php?p=tema&iid=849&aid=19150>

² Режим доступа: <http://krumblagov.com/portraits/jelev.php>

ше болгарского диссидента и как гражданин, и как писатель, и как мыслитель, и как международный авторитет¹. Желев, например, избежал тюремного заключения, в отличие от Гавела или многих диссидентов в Чехословакии, Польше, Румынии, Венгрии («живковизм» ограничивался «мягкими» мерами – выговорами по партийной линии, увольнением с работы, выселением из столицы). И в сегодняшней Болгарии немало таких, кто сокрушается: нет у нас таких личностей, как Гавел! Есть крестьяне-марксисты, перестройщики...

Тем не менее эта параллель имеет некоторые основания. В Болгарии антикоммунистическое сопротивление началось в рядах интеллигенции, как и в Чехословакии, а не среди рабочих, как в Польше. Поэтому вполне естественно, что падение социалистического режима выдвинуло на первый план лидеров интеллигентов, а не профсоюзных деятелей. Лозунг «Из диссидентов – в президенты!» звучал почти одновременно на митингах в ноябре 1989 г. в Праге и в Софии. Однако на последнем этапе пути диссидентов-президентов Гавела и Желева, до поры до времени схожие, окончательно разошлись. Гавел предпочел свободу критического наблюдателя перед принуждением поступать так, как он не желает.

Желю Желев – философ, который стал политиком по стечению обстоятельств. В период его президентства Болгария переживала трудные времена: небывалый расцвет коррупции, появление преступных группировок, пробуксовку реформ, разграбление государственной собственности бывшей коммунистической номенклатурой, гиперинфляцию и тяжелый экономический кризис зимой 1996/1997 гг. при правительстве социалиста Ж. Виденова. В последней своей книге «Мифы и легенды о болгарском переходном периоде» Желев писал, что «ни у кого не было иллюзий, что переход от коммунизма к демократическому обществу с правовым государством и рыночной экономикой будет легким и безмятежным, но едва ли кто-нибудь предполагал, что он будет таким трудным и мучительным»². Автор анализирует свои отношения с другими знаковыми фигурами периода трансформации, а также обвинения в их адрес, но заканчивает оптимистично: «Так или иначе, но мы, совершившие нежные революции мирным и бескровным путем, оказались счастливым поколением политиков.

¹ Режим доступа. – <http://krumblagov.com/portraits/jelev.php>

² Желев Ж. Митове и легенди за български преход. – София, 2014.

Когда я говорю “мы”, я имею в виду Валенсу, Гавела, Арпада Генца, Шушкевича, Акаева, собственную милость и других политических лидеров...»¹.

Переход из диссидентов в оппозицию, а затем – в управляющие оказался серьезным испытанием для болгарских «неформалов». Диссидент, выдержавший проверку властью, всегда заслуживает уважение. Желев пришел во власть, потому что стремился к ней – как и всякий политик. Но не с целью обогащения, а чтобы использовать ее рычаги для изменения государства и общества, чтобы реализовать свою главную цель – обеспечить ненасильственный переход от коммунистического режима к демократической многопартийной системе. Можно спорить о том, как выполнил Желю Желев свою задачу – лучше или хуже, какие пережил драматические столкновения со своими и чужими, на какие непростые компромиссы пошел, какие опасные повороты на скользком политическом льду Болгарии преодолел. Но сегодня большинство политиков и простых болгар сходятся во мнении, что в истории Болгарии доктор Желю Желев останется одним из тех, благодаря кому при всех неудачах и ошибках на трудном пути трансформации страна ни разу не свернула с дороги демократии и гражданского мира.

¹ Желев Ж. Митове и легенди за български преход. – София, 2014. – С. 201.

Н.А. Подчасов

БОЙКО БОРИСОВ: ФАКТЫ БИОГРАФИИ

Ключевые слова: Болгария; Бойко Борисов; генерал; телохранитель; Тодор Живков; Симеон Сакскобургготский; премьер-министр; протесты.

Keywords: Bulgaria; Boyko Borisov; general; bodyguard; Todor Zhivkov; Simeon Saxe-Coburg-Gotha; Prime Minister; protests.

На настоящий момент историография не располагает биографическим исследованием, которое освещало бы деятельность Бойко Борисова во всей ее сложности и при этом удовлетворяло бы требованиям академической науки. Это понятно: карьера Борисова еще далеко не окончена, документы в большинстве своем не опубликованы, последствия его деятельности только угадываются. Есть, однако, в биографии Борисова несколько бесспорных фактов, которые уже сыграли свою роль в жизни Болгарии и которые уже сейчас можно выделить как основания для дальнейшего изучения его деятельности.

Сталкиваясь с подобными фактами, исследователь должен поставить перед собой ряд вопросов относительно их причин, связанных с ними обстоятельств, роли тех или иных персонажей и, естественно, их последствий. Прежде, однако, необходимо выделить из всей совокупности фактов такие, которые ставят больше всего вопросов. В таких случаях можно сказать, что проявились тенденции, не очевидные для простого наблюдателя, требующие более пристального внимания и дальнейшего изучения.

Если присмотреться к биографии Борисова, то можно увидеть, что она чрезвычайно богата на странности, объяснение которых заставляет журналистов и политологов, за неимением документированных свидетельств, строить гипотезы, граничащие с

конспирологией. Для того чтобы внести в эти дебри свет академической науки, необходимо прежде всего сосредоточиться на констатации подобных явлений, с тем чтобы по мере накопления источникового материала стало возможным составить более надежное представление об окружающей их системе причинно-следственных связей. В этом случае исследователь избежит необходимости давать преждевременные объяснения и не вызовет нареканий за отсутствие доказательной базы.

Начало политической карьеры Борисова можно условно отнести к 1 сентября 2001 г., когда указом президента Болгарии он был назначен на должность главного секретаря МВД [Царят прати., 2001]. К этому времени Борисовым был накоплен своеобразный политический капитал, которого оказалось достаточно для того, чтобы за считанные месяцы превратить частное лицо в одного из самых популярных в Болгарии политических деятелей. На настоящий момент нет возможности обоснованно выделить те механизмы, благодаря которым этот капитал оказался собран, а затем и реализован Бойко Борисовым. Ограничимся лишь констатацией результата.

Накопленный Борисовым политический капитал является по своему уникальным явлением. Дело в том, что к моменту вступления в должность главного секретаря силового министерства Бойко Борисов имел в своем досье должности шефа охраны двух известных политических деятелей Болгарии – Тодора Живкова и царя Симеона II. Одного этого совпадения было достаточно для того, чтобы привлечь к Борисову внимание болгарской общественности.

Правление Тодора Живкова составило целую эпоху в истории Болгарии. За 35 (sic!) лет своего правления Бай Тошо, как его называли в народе, стал живым воплощением социалистического периода болгарской истории со всеми его характерными чертами. Ухудшение экономической ситуации в середине 1990-х годов, недовольство ходом приватизации и прочими негативными чертами нового времени создали в обществе ностальгию по социалистическим временам. Имя Живкова снова стало популярным. В 2010 г., уже будучи премьер-министром Болгарии, Борисов, ссылаясь на популярность генсека в народе, сказал, что хотел бы сделать для страны хотя бы сотую долю того, что сделал для нее Тодор Живков [Опитите., 2011]. При таком отношении к Живкову известность нового главного секретаря МВД в качестве телохранителя старого вождя создало ему среди населения репутацию едва ли не преемника бывшего правителя.

Последний царь Болгарии Симеон II Саксбургготский вернулся на родину в 2001 г. Его решение принять участие в парламентских выборах вызвало настоящий переворот в болгарской политической системе. На фоне накопившегося негатива в отношении «старых» партий – БСП и СДС – и их сателлитов необычность нового движения (созданной Симеоном партии с говорящим названием НДСВ – Национальное движение Симеон Второй), во главе которого стоял бывший законный наследственный царь Болгарии, позволила ему привлечь на свою сторону протестный электорат. В результате на выборах 17 июня 2001 г. НДСВ получило 42,74% голосов.

Триумфальное возвращение царя на родину, его победа на выборах и явление стране в качестве премьер-министра сделали его популярнейшей медиафигурой. Доля общественного внимания выпала и на долю его телохранителя. Образ «защитника царя» некоторое время будет сопутствовать Борису, и после того, как эту функцию возьмет на себя другая организация, а сам он будет приглашен на должность главного секретаря МВД.

Здесь уместно упомянуть, что Б. Борисов обладает высоким ростом и мощным телосложением; имеет 7-й дан по каратэ. После вхождения в систему МВД Борисов в короткий срок преодолел дистанцию от майора до генерал-майора, а позднее – до генерал-лейтенанта. Так сложился узнаваемый и чрезвычайно привлекательный для болгарского общества образ телохранителя-генерала.

Итак, до своего прихода в политику Бойко Борисов выступал в роли главы охрannого ведомства, и среди его клиентов оказались два самых харизматичных лидера в новейшей истории Болгарии. Это первый факт его биографии, на который хотелось бы обратить внимание.

В 2005 г. Бойко Борисов уже становится значимой фигурой в принятии политических решений. Его имя постоянно мелькает в газетах (более 10 тыс. упоминаний в 2002 г., более 16 тыс. – в 2003 г.). Социологические опросы показывают рейтинг в 80–85% (!). В 2002 г. его выбирают человеком года в Болгарии [НИ ЦАР., 2005]. Появляются школьные тетради с его изображением, о нем пишут песни.

Находясь на государственной службе, Борисов все чаще критикует действия профессиональных политиков. Его критика касается не отдельных депутатов или министров и даже не отдельных партий или движений, а всей политической системы, политики как таковой в ее болгарском исполнении. Этим он импонирует

населению, в котором сильны схожие настроения (нельзя здесь не вспомнить слова любимого в Болгарии литературного героя Бая Ганьо: «И те и другие мошенники... Мошенники, все до единого!» [Константинов, 1895, см. главу «Бай Ганьо у Иречека»]).

У Борисова складывается определенный узнаваемый стиль поведения на публике. Его визитной карточкой является простая и несколько грубоватая, неотесанная манера говорить и, главное, искренность. Искренность в том смысле, что он сознательно делает свою речь необработанной, спонтанной, приближенной к повседневной речи: он в прямом смысле «не подбирает выражений». Нередки случаи, когда Борисову приходилось противоречить самому себе, опровергать то, что сказал несколькими часами ранее. Нет никаких свидетельств того, чтобы он жалел о подобных случаях. Что невозможно для других политиков, Борисову сходит с рук, потому что органично вписывается в его образ. Как сказал по этому поводу сам Борисов, «вы простые и я простой, потому друг друга и понимаем» [Вие сте прости..., 2012].

В 2005 г. Борисов пробует силы в качестве депутата от НДСВ. Однако, получив депутатский мандат, отказывается от места в парламенте и остается в МВД. В октябре 2005 г. Борисов ссорится с правительством Тройной коалиции и уходит в отставку [НИ ЦАР..., 2005]. Без особого труда он побеждает на выборах в мэры Софии, затратив минимум средств на предвыборную кампанию. Обвиняя действующую власть в коррупции, Борисов продолжает развивать линию противостояния с «прогнившей системой» [Президентски..., 2006]. В 2006 г. он объявляет о создании собственного движения, которое даже не называет партией, чтобы избежать ассоциации с системой. Его популярность столь значительна, что прогнозы на президентские выборы 2006 г. строятся исходя из того, будет ли Борисов принимать в них участие.

Хотелось бы как следует оценить этот феномен: начинающий политик бросает вызов всему многообразию старых партий и уверенно идет к своей победе. Необыкновенная популярность позволяет ему не искать компромиссов с оппонентами. Как и Симеон Сакскобургготский в 2001 г., Борисов собирает протестный электорат, направляя общественное недовольство на старые партии. При этом нельзя не заметить, что новые партии в Болгарии давно уже не являются редкостью – на большинство из них население не обращает внимания. Появление Симеона II в 2001 г. заинтриговало избирателей совмещением в одном лице царского титула и премьерского кресла. Чтобы повторить успех Сакско-

бургготского, требовалось создать образ, обладающей не меньшей привлекательностью, чем образ царя-политика. Борисов с этой задачей успешно справился.

Летом 2009 г. созданная Бойко Борисовым партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ) триумфально вошла в Народное собрание. 39,72% голосов позволили Борисову сформировать однопартийное правительство. Таким образом, самый популярный политик в Болгарии наконец занял пост главы кабинета. Логика политической жизни страны за предыдущие 20 лет давала основание ожидать, что рейтинг Борисова снизится теперь, когда его репутация находится в прямой зависимости от состояния дел в стране. В целом можно сказать, что эти прогнозы оправдались [Рейтингът., 2011].

В феврале 2013 г., в последний год министерского срока Борисова, в стране разразился энергетический скандал. Непомерно высокие цены на электричество, вводимые частными энергораспределительными компаниями, вызвали массовые народные протесты. Высшей точкой протеста стали акции демонстративных самосожжений перед зданиями правительственных учреждений: доведенные до отчаяния люди обливали себя бензином и поджигали в знак отчаяния и полной беспомощности. Митинги становились все многочисленнее. Отставка министра энергетики С. Дянкова и отзыв лицензии у распределительной компании CEZ не удовлетворили протестующих, которые выступали против всей политической системы. К системе теперь относился и Бойко Борисов.

19 февраля произошли стычки протестующих с полицией. На следующий день Борисов подал в отставку. Он заявил, что уходит, не желая возглавлять правительство, ведущее войну с собственным народом. Тем самым он демонстративно снял с себя ответственность за ситуацию и перешел на сторону митингующих.

В результате правительство досрочно вышло в отставку; власть в стране была принята служебным кабинетом. В мае 2013 г. прошли выборы, на которых партия Борисова набрала 30,535% голосов, став вновь самой крупной силой в парламенте. Борисов вновь превратился де-факто в самого влиятельного политика в стране. В его уходе с поста премьер-министра в момент кризиса многие увидели не бегство капитана с тонущего корабля, а проявление последовательности: Борисов обещал своим избирателям, что будет премьером только пока народ желает видеть его в этой

должности – он сдержал слово и ушел, когда народ выразил ему свое недовольство [Самураят., 2014].

Эта ситуация представляется нам очень необычной и заслуживающей внимания. В новейшей истории Болгарии, начиная с падения режима Тодора Живкова, каждая партия, приходившая к власти, за годы своего правления теряла популярность и на следующих выборах терпела поражение. Первым исключением стала партия Борисова. Пробыв у власти почти все положенные четыре года, к тому же став участником крупнейшего скандала, вызвавшего массовые митинги недовольства и целую череду таких крайних выражений протеста, как публичные самосожжения, партия Борисова уже на следующих выборах вновь оказалась самой успешной и популярной в стране политической силой.

С февраля 2013 г. по ноябрь 2014 г. в Болгарии последовательно сменились три постоянных и два служебных правительства. Протесты 2013 г. закончились отставкой кабинета Борисова; непопулярные действия кабинета П. Орешарского вынудили его сложить полномочия уже в июле 2014 г. Накануне новых выборов в октябре 2014 г. многие аналитики говорили о большой вероятности того, что новое правительство не будет сформировано. По результатам социологических исследований ни одна партия не могла рассчитывать на большинство в парламенте. Это ставило победившую партию перед необходимостью создавать коалицию; однако большая часть партийных деятелей демонстрировала неуступчивость и неготовность к компромиссам. Так, Борисов предупреждал избирателей, что, если его партии не удастся набрать большинство, он, как и в 2013 г., откажется формировать правительство [Борисов., 2014].

Как и предсказывали прогнозы, выборы принесли очередную победу партии Борисова, однако для создания однородного правительства голосов не хватало. В этот момент все зависело от решения самого Борисова: пойдет ли он на компромисс или спровоцирует новые выборы? Учитывая авторитарный стиль правления Борисова в его первый срок, многие склонялись к тому, что он не пойдет на создание коалиции.

Борисов, однако, предпочел остановить хаос в болгарской политике ценой создания широкой коалиции сразу с тремя партиями. Для политологов это решение стало неожиданностью. Однако, разбирая подробно образовавшийся расклад, некоторые стали приходить к выводу, что Борисов от коалиции только выиграл.

Так, внимание экспертов привлекло необычное распределение министерских портфелей. Самые ответственные и значимые министерства Борисов отдал своим союзникам из коалиционной партии Реформаторский блок. Эта партия представляла собой не слишком крепкий союз нескольких правых партий, объединенных стремлением добиваться радикальных реформ. В том, что именно этой партии достались самые ответственные министерства, аналитики увидели тонкий расчет: предоставляя партнерам решать болезненные вопросы, Борисов обеспечивал своему правительству стабильность в случае общественного недовольства. Дальнейшие события показали, что этот расчет удался: в первые полтора года работы правительства из его состава вышли три министра-союзника. Борисов же оказался в роли арбитра между своими министрами и народом.

Кроме того, в первые полтора года своего второго правления Борисов успешно применял тактику, которую аналитики называли тактикой «плавающего большинства» [Преглед., 2014]. Она заключается в том, что правительство в своих законодательных инициативах опирается не только на своих союзников по коалиции, но также и на представителей оппозиционных фракций. По каждому вопросу правящая партия формирует большинство путем переговоров с теми фракциями, которые в данный момент с большей долей вероятности могут поддержать правительственную инициативу. В свой второй срок Борисов проявил себя в новом качестве – тонкого, расчетливого политика, готового добиваться своего путем постоянных переговоров со всеми представителями политического спектра и готовностью идти на взаимные уступки ради победы в главном на данный момент вопросе.

Способность контролировать работу парламента с помощью организации «плавающего большинства», умение представить себя арбитром, стоящим над схваткой, а также хитрое распределение министерских портфелей, позволяющее время от времени выпускать пар общественного недовольства путем отставки очередного министра из числа союзников, снова сделали Борисова самым влиятельным и популярным политиком Болгарии.

В итоге можно констатировать еще один факт политической биографии Борисова. Взяв власть над страной в период чехарды кабинетов, Борисов создал устойчивое правительство, обладающее достаточно большим запасом прочности за счет наличия своеобразного «буфера» из министров-союзников, и наладил работу парламента, несмотря на то что его партия не имеет парламентского

большинства. Другими словами, в 2014 г. Борисову удалось вывести страну из состояния политической турбулентности и стабилизировать работу политической системы.

Список литературы

- Бойко Борисов, премьер-министр Болгарии. – 2010. – 8 июня. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/48minut/685795-echo/> (Дата обращения: 19.07.2016.)
- Бондарев Н.В. Республика Болгария: Перманентный политический кризис // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 1 (28). – С. 9–23.
- Борисов щял да прави кабинет само при налични 110–115 депутати. – 2014. – 2 октября. – Режим доступа: http://offnews.bg/news/n_1/n_396866.html (Дата обращения: 23.07.2016.)
- Вие сте прости и аз съм прост, затова се разбираме. – 2012. – 31 марта. – Режим доступа: <http://www.mediapool.bg/vie-ste-prosti-i-az-sam-prost-zatova-se-razbirame-news191346.html> (Дата обращения: 23.07.2016.)
- Вместо на коалиционните партньори ГЕРБ ще залага на плаващи мнозинства. – 2015. – 6 января. – Режим доступа: <http://www.mediapool.bg/vmesto-na-koalitsionnite-partnyori-gerb-shte-zalaga-na-plavashti-mnozinstva-news228959.html> (Дата обращения: 19.07.2016.)
- Константинов А. Бай / Българско Радио Отзвук. – Режим доступа: http://otzvuk.com/Knigi/New%20books/Bai_ganio.htm (Дата обращения: 23.07.2016.)
- НИ ЦАР, НИ ГЕНЕРАЛ... – 2005. – 17 сентября. – Режим доступа: <http://www.paragraph22.bg/22-sedmichnik/read/ni-car-ni-general> (Дата обращения: 19.07.2016.)
- Опитите да се въздигне Живков едва ли не до водещ български държавник са жалки. – 2011. – 7 декабря. – Режим доступа: <http://www.svobodata.com/page.php?pid=7490&rid=8> (Дата обращения: 23.07.2016.)
- Преглед на печата. – 2014. – 29 октября. – Режим доступа: <http://m.dariknews.bg/bulgaria/pregled-na-pechata-1349282> (Дата обращения: 19.07.2016.)
- Президентски избори 2006 в България: Вот без изненади? – 2006. – 6 апреля. – Режим доступа: http://www.omda.bg/public/bulg/news/Bulgaria/prezidentski_izbori_2006.html (Дата обращения: 23.07.2016.)
- Рейтингът на Борисов трайно се пързая надолу. – 2011. – 31 мая. – Режим доступа: <http://argumenti-bg.com/5212/rejtingat-na-borisov-trayno-se-parzalya-nadolu/> (Дата обращения: 23.07.2016.)
- Самураят Борисов. – 2014. – 8 ноября. – Режим доступа: http://www.standartnews.com/mneniya-analizi/samurayat_borisov-261444.html (Дата обращения: 23.07.2016.)
- Царят прати бодигарда си в МВР. – 2001. – 1 сентября. – Режим доступа: http://www.capital.bg/politika_i_ikonomika/bulgaria/2001/09/01/210793_cariat_prati_bodigarda_si_v_mvvr/ (Дата обращения: 19.07.2016.)

Л.С. Лыкошина
ПРЕЗИДЕНТ ЛЕХ КАЧИНСКИЙ
И ЛЕГЕНДА О НЕМ

Ключевые слова: Польша; Лех Качиньский; Ярослав Качиньский; партия «Право и справедливость»; смоленская катастрофа; политический миф.

Keywords: Poland; Lech Kaczynski; Jaroslaw Kaczynski; the party «Law and Justice»; Smolensk catastrophe; political myth.

В 2015 г. в Польше прошли президентские и парламентские выборы, итогом которых стал триумф партии «Право и справедливость» (ПиС). Именно эта партия получила большинство мест в сейме, что позволило ей (впервые в истории польского парламентаризма после 1989 г.) самостоятельно, не вступая ни с кем в коалицию, сформировать правительство. Победу на парламентских выборах дополнил и успех на президентских выборах кандидата от ПиС Анджея Дуды.

Празднуя победу на парламентских выборах, глава ПиС Я. Качиньский напомнил собравшимся один исторический эпизод, связанный с именем своего погибшего в 2010 г. брата-близнеца: когда в 2005 г. Лех Качиньский был избран президентом Польши, то на праздновании этого события он торжественно отпрапортовал брату, возглавлявшему тогда ПиС, об «исполнении задания». И вот теперь, по прошествии десяти лет, Ярослав Качиньский, партия которого одержала безусловную победу, отпрапортовал Леху: «Господин президент, докладываю о выполнении задания». Вздвигнутый глава ПиС напомнил собравшимся, что без Леха, его успешной работы на посту министра юстиции, не удалось бы создать ПиС,

заслуги президента Леха Качиньского перед Польшей несомненны¹. Одним словом, образ Леха Качиньского незримо присутствовал в этот вечер среди его соратников по партии.

Президент А. Дуда, размышляя о значении Леха Качиньского в своем становлении как политика, подчеркнул огромную роль последнего, заявив: «Я сформировался с точки зрения своего подхода к государству, политических взглядов, убеждений и понимания того, как надо работать для Польши с помощью своих родителей и Леха Качиньского»². Более того, вновь избранный президент даже назвал себя «подмастерьем» Л. Качиньского³.

В десятую годовщину вступления президента Л. Качиньского на пост главы государства сейм принял постановление, отмечающее его заслуги перед страной, начиная со времен «Солидарности» и заканчивая периодом президентства. Примечательно, что, когда один из депутатов сейма предложил принять подобное постановление по поводу президентства Л. Валенсы, инициатива поддержана не была.

В честь Л. Качиньского в Польше названо более 15 улиц, скверов и парков, бюсты и памятники погибшему президенту установлены в Оссове, Седльцах, Радоме, Минске Мазовецком, Грудзензе, Скурче. Планируется возведение памятника в Варшаве⁴.

Что стоит за этим возвеличиванием образа Леха Качиньского? Только ли любовь и привязанность брата-близнеца или действительные достижения трагически погибшего президента Польши? Соответствует ли реальный вклад Леха Качиньского в польскую политику, формирующуюся на наших глазах «легенде о Лехе»?

В политической жизни современной Польши братья Качиньские являются едва ли не ключевыми фигурами. При этом один из них, Лех, погиб в смоленской катастрофе 2010 г., а второй – Яро-

¹ Wybory 2015. Kaczyński: Panie prezydencie, melduję wykonanie zadania! – Mode of access: <http://wyborcza.pl/1,75398,19086112,wybory-2015-kaczynski-panie-prezydencie-melduje-wykonanie.html#TRrelSST>

² Andrzej Duda i Jarosław Kaczyński na promocji książki Cenckiewicz a Chmieleckiego o Lechu Kaczyńskim. – Mode of access: <http://wyborcza.pl/1,75398,20182249,andrzej-duda-i-jaroslaw-kaczynski-na-promocji-ksiazki-cenckiewicz-a-chmieleckiego-o-lechu-kaczynskim.html#ixzz4BvYaAAIv>

³ Burnetko K. Bracia Kaczyńscy: jeden podważa dorobek drugiego. Jarosław kontra Lech. – Mode of access: <http://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1665592,1,bracia-kaczynscy-jeden-podwaza-dorobek-drugiego.read>

⁴ В честь Л. Качиньского названы улицы в Одессе, Тбилиси, Батуми, Кишиневе, Мукачево.

слав – хотя и является главой правящей партии «Право и справедливость», но не занимает никаких государственных постов. Несмотря на то что с момента смоленской катастрофы прошло уже шесть лет, Лех Качиньский продолжает играть активную роль в польской политике, превратившись во многом благодаря усилиям брата в некий миф, легенду III Речи Посполитой.

Представляется, что этот персонаж польской политики благодаря своей не столько реальной, сколько символической роли заслуживает особого внимания и позволяет лучше понять жизнь сегодняшней Польши.

Братья-близнецы Качиньские (р. 1949 г.) вошли в польскую политику еще в далекие 1970-е годы, будучи связанными с движением демократической оппозиции, а позднее с «Солидарностью»¹. Братья были очень дружны между собой и их жизненные пути и политические биографии тесно переплетены. В 1981 г. Лех был интернирован, последующее десятилетие он активно занимался делами «Солидарности» и, что интересно, был весьма дружен со своим будущим политическим противником Д. Туском, публикуя свои статьи в журнале гданьских либералов «Пшеглэнд политычны», бывал у Туска дома.

В конце 80-х братья сблизились с Валенсой, что во многом обеспечило им возможность принять участие в работе «круглого стола», стать депутатами сейма в 1990 г. После победы Валенсы на президентских выборах 1990 г. Лех становится государственным министром, отвечающим за проблемы национальной безопасности. Эта должность, по сути, стала первой в карьере Леха как государственного деятеля III Речи Посполитой. Именно в тот период Лех Качиньский многое узнал о мире высших чиновников ПНР, о спецслужбах. Ведь люди этого уходящего мира всячески пытались обрести свое место в новой действительности и подчас искали благосклонного внимания министра Л. Качиньского. В эти годы Л. Качиньский стал организатором деятельности Бюро национальной безопасности (БНБ), нового института, призванного обеспечить деятельность президента страны в сфере обороны и безопасности государства. Это было, в известном смысле, второе министерство обороны, правда обладавшее только аналитическими и консультативными функциями².

¹ Подробнее о биографии Качиньских см.: Лыкошина Л.С. Братья Качиньские в польской политике // Польско-польская война. Политическая жизнь современной Польши / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – С. 119–157.

² Centkiewicz S. Lech Kaczyński. Biografia polityczna 1949–2005 / Centkiewicz S., Chmielecki A., Kowalski J., Piekarska A. – Poznań, 2013. – S. 488.

Будучи государственным министром, Л. Качиньский получил возможность ближе ознакомиться с закулисной стороной международной политики, что давало богатый материал для размышлений о проблемах безопасности Польши. Он старался пропагандировать идею о необходимости вступления страны в НАТО, хотя в то время не все в Польше поддерживали это мнение. В частности, министр иностранных дел К. Скубишевский придерживался иной позиции.

В известной мере именно вопрос о целесообразности вступления Польши в НАТО стал причиной конфликта Л. Качиньского с президентом Валенсой. Немаловажную роль в возникшем конфликте сыграло и неприятие Л. Качиньским позиции Валенсы в связи с путчем 1991 г. (как известно, Валенса отправил в Москву телеграмму с выражениями поддержки путчистов). В результате конфликта Л. Качиньский ушел из канцелярии президента.

В целом именно время работы в канцелярии президента способствовало окончательному разочарованию Л. Качиньского в своем прежнем кумире. Качиньский утвердился в мысли, что случай Валенсы типичен для многих оппозиционеров: придя к власти, они ищут опору в сохранившихся остатках прежней системы¹.

Своеобразным подтверждением этого, по мысли Л. Качиньского, стала история с отставкой правительства Я. Ольшевского² в 1992 г., случившаяся из-за попытки последнего провести закон о люстрации (в сотрудничестве со спецслужбами обвиняли тогда и Л. Валенсу). В представлении Л. Качиньского отставка правительства Ольшевского явилась доказательством прочности позиций посткоммунизма в Польше. Он говорил тогда Л. Дорну (одному из видных деятелей ПиС): «Это так по нам ударило, что мы долго не поднимаемся... Причем это “нам” относилось не к партии, а ко всему лагерю ускорения декоммунизации, люстрации, лагерю будущих критиков III Речи Посполитой»³.

Пришло время первых свободных выборов в сейм (1991), и Лех Качиньский был избран его депутатом от округа Новы Сонч. Его деятельность в сейме, где Качиньский возглавлял Комиссию администрации и внутренних дел, не была слишком интенсивной,

¹ Warzecha L. Lech Kaczyński. Ostatni wywiad. – W-wa, 2010. – S. 27–28.

² Подробнее об этом см.: Лыкошина Л.С. Польско-польская война. Политическая жизнь современной Польши. – М., 2015. – С. 34–36.

³ Цит. по: Centkiewicz S. Lech Kaczyński. Biografia polityczna 1949–2005 / Centkiewicz S., Chmielecki A., Kowalski J., Piekarska A. – Poznań, 2013. – S. 612.

поскольку в феврале 1992 г. Лех Качиньский стал председателем Высшей контрольной палаты (ВКП). Это учреждение не пользовалось доверием поляков в начале 90-х годов – рейтинг ВКП был около 30%. К моменту же ухода Качиньского с этого поста рейтинг ВКП превышал уже 60%¹.

В 1994 г. он был признан «человеком года» газетой «Жиче Варшавы». Редакция газеты сочла, что критика главы ВКП с разных сторон политических баррикад свидетельствует о независимости возглавляемого им учреждения. Качиньского характеризовали как «нетипичного представителя своего политического лагеря», человека, имеющего собственное мнение, «одного из самых подготовленных политиков правого лагеря», познавшего трудную материю государственного управления, как «не самого искусного оратора, но человека, способного быть эффективным и компетентным слугой государства»². Тем не менее Качиньский не доработал до конца срока и в 1995 г. был отозван с поста главы ВКП. Он не сумел найти общего языка ни с премьером, ни с президентом.

Валенса так оценивал деятельность Качиньского: «Этот институт (ВКП. – Л. Л.) должен быть независимым, но он должен вносить больший вклад в создание III Речи Посполитой. Я уверен, что этого не случится, если не произойдут перемены... Председатель обещал серьезные реформы, серьезную декоммунизацию и результаты, но сегодня мы имеем только конфликты...»³. Министр Я. Рокита обвинял Качиньского в попытках навязать свою волю правительству в том, что он хочет превратить ВКП в ЧК Ф. Держинского.

В эти годы неудачи преследовали Л. Качиньского: в 1993 г. ему не удалось получить депутатский мандат на парламентских выборах, в 1995 г. он неудачно стартовал на президентских выборах, включившись в президентскую гонку по инициативе Ярослава. В своей избирательной программе «Новый порядок – безопасность гражданина – безопасность государства» Л. Качиньский делал акцент на идее «нового государства», нового видения роли президента в политической жизни страны. Он выступал против символического характера этой роли, полагая, что в условиях создания основ нового строя это неуместно. Президент, по мысли

¹Цит. по: Centkiewicz S. Lech Kaczyński. Biografia polityczna 1949–2005 / Centkiewicz S., Chmielecki A., Kowalski J., Piekarska A. – Poznań, 2013. – S. 606.

²Zaremba P. Trzej ludzie roku 1994 // Życie Warszawy. – W-wa, 1994. – 16 grud.

³Centkiewicz S. Op.cit. – S. 606.

Л. Качиньского, должен иметь соответствующие полномочия, чтобы хранить Польшу перед превратностями судьбы. Прежде всего президент должен быть гарантом модернизации. К разряду первоочередных задач, стоящих перед президентом, Качиньский относил вопросы внешней политики и внутренней безопасности, к задачам второго ряда – решение экономических проблем¹.

Лех прекрасно осознавал, что основными кандидатами на президентский пост в этих выборах являются Квасьневский и Валенса, причем братья Качиньские единодушно полагали, что в этих выборах «Солидарность» не должна поддерживать Валенсу и следует делать ставку на другого кандидата от легендарного профсоюза, т.е. на Л. Качиньского. Но мнение членов профсоюза не совпало с позицией братьев. После опроса, проведенного среди 6 тыс. членов «Солидарности», выяснилось, что Валенсу поддерживают 55,2% респондентов, а Леха Качиньского только 1,2%². Разочарованный Лех решил снять свою кандидатуру.

После завершения президентских выборов, в которых победил А. Квасьневский, Лех Качиньский отходит от активной политической деятельности. Главой ВКП он уже не был, и перед ним стоял простой житейский вопрос: как содержать семью, тем более что жена не имела постоянной работы, время от времени зарабатывала переводами. Качиньский принимает решение вернуться к преподавательской деятельности в Гданьском университете, где он начинал свою трудовую деятельность по завершении учебы в Варшавском университете.

В этот период Качиньский погружается в мир науки, преподавания. Работая на факультете права и администрации, он с удовольствием общался со студентами, увлекательно читал лекции, любил дискутировать с молодежью. Задумал закончить монографию, некогда начатую, но так и не сумел этого сделать. В 1996 г. Л. Качиньский получил звание неординарного профессора. Но обстановка вокруг него складывалась не самая благоприятная: его упрекали в недостаточном количестве научных работ, не предоставляли возможности научного руководства, словом, всячески препятствовали получению звания ординарного профессора.

В конце концов Качиньский уходит из университета, но не оставляет преподавательской работы. В 1995–2001 гг. он преподает в Балтийской высшей гуманитарной школе в Кошалине.

¹ Wybory prezydentskie 1995. Programy kandydatów. – W-wa, 2003. – S. 79–80.

² Centkiewicz S. Op.cit. – S. 666.

С 1998 г. начинает преподавательскую деятельность в Академии католической теологии в Варшаве (преобразованной позднее в Университет кардинала Стефана Вышиньского). Преподавательская деятельность в этом учебном заведении длилась недолго, до 2000 г., но до самой своей смерти он числился сотрудником университета, пребывающим в отпуске.

Как видим, до сего момента Л. Качиньского трудно причислить к баловням судьбы и вершителям судеб польского народа. Напротив, складывается ощущение, что ему никак не удастся использовать шанс, предоставляемый судьбой. Почти как герой «Пиковой дамы» Германн, угадав две карты, он вечно ошибается с третьей.

В начале 2000-х годов казалось, что ничего уже не случится, и политическая карьера Леха завершена. Но 8 июня 2000 г. стал днем, изменившим жизнь Качиньского. В этот день ему не суждено было встретиться со студентами: на пути из Сопота в Варшаву раздался звонок Е. Бузека (тогдашнего польского премьера), предложившего Качиньскому место в правительстве. Отложив рабочие дела, Лех поехал к брату Ярославу за советом и, получив одобрение, согласился. Все происходило в таком стремительном темпе, что Качиньский даже не успел обзавестись подходящим костюмом, чтобы выглядеть должным образом при утверждении на должность. Костюм пришлось одолжить у знакомого¹.

Так, в чужом костюме он стал министром юстиции и одновременно генеральным прокурором. Но чужим был только костюм. По поводу новой должности у Качиньского были свои собственные мысли и идеи. Он решил сосредоточиться именно на роли генерального прокурора. Свою задачу новый министр видел именно в изменении политики в сфере борьбы с преступностью.

Качиньский считал неправомерным либеральный подход к преступникам, при котором государство больше заботится о преступнике, чем о жертве преступления. Он считал такой подход тупиковым². Интересно, что позиция Качиньского совпадала с отношением к данной проблеме Р. Дарендорфа, с которым Качиньский беседовал в 1998 г.

Действия нового министра были весьма жесткими. Немало прокуроров и судей лишились своих мест из-за ненадлежащего, по мнению Качиньского, отношения к своим обязанностям и

¹ Alfabet braci Kaczyńskich. – Kraków, 2010. – S. 247.

² Ordynski J. Łagodność rozzuchwała przestępców // Rzeczpospolita. – W-wa, 2000. – 18 paźd.

слишком мягкого обращения с преступниками. Суровость министра была замечена обществом: говорили даже о «метле Качиньского», которой он наводит порядок во вверенном ему ведомстве¹.

В бытность министром Качиньский вел интенсивную работу по подготовке нового Уголовного кодекса. Прежний, вступивший в силу в 1998 г., он считал слишком либеральным. Проект кодекса, разработанного коллективом под руководством министра, не встретил поддержки со стороны польских юристов и ученых-правоведов, его сочли слишком жестким и суровым. Высказывались даже мнения, что принятие такого документа может помешать вступлению Польши в ЕС, где господствуют гораздо более либеральные представления о праве. Проект Качиньского критиковали на страницах либеральной прессы, в частности во влиятельной «Газете wyborczej». В конце концов кодекс так и не был принят: на него наложил вето президент А. Квасьневский. Л. Качиньский был очень разочарован, оценивая ситуацию следующим образом: «После президентского вето я могу сказать: в Польше есть фронт защиты преступников, и президент к нему присоединился»².

Министр юстиции Л. Качиньский был достаточно суровым борцом за справедливость: именно при нем часто назначались максимальные сроки за тяжкие преступления, именно он ввел практику временного задержания подозреваемых. Последняя мера применялась, очевидно, слишком часто: во всяком случае, на Л. Качиньского поступали жалобы в европейские инстанции. Но в целом польское общество было довольным, и популярность «одиноким шерифа»³, как стали называть Качиньского, росла. Он был самым популярным министром в правительстве Е. Бузека, уступая только популярности А. Квасьневского. На фоне роста преступности, неэффективности деятельности судов и полиции министр юстиции рассматривался в обществе как едва ли не единственный оплот государственной власти.

Во время работы в Министерстве юстиции Лех Качиньский пользовался неизменной поддержкой и помощью брата Ярослава.

¹ Daszyński R., Wójcik K. Piąty zatopiony // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2000. – 13 paźd.

² Siedlecka E. Karne weto // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2001. – 10 paźd.

³ Первый раз в истории III Речи Посполитой образ шерифа появился на плакатах «Солидарности» во время избирательной кампании 1989 г. Американский символ справедливости был представлен в облике актера Гэри Купера в фильме «Ровно в полдень» (1952).

Именно Ярослав решил, что популярность брата может стать хорошей основой для создания новой партии «Право и справедливость»¹, которая и была создана в 2001 г. Возглавил партию Лех Качиньский. Он возглавил и избирательный список партии в Гданьске, где во время выборов набрал голосов немногим меньше, чем М. Плажиньский², один из основателей созданной в то же время партии «Гражданская платформа».

Весьма символичным было одно из первых выступлений лидера новой партии, состоявшееся в Гданьске 2 сентября 2001 г., во время избирательной кампании по выборам в сейм. Лех Качиньский встретился с избирателями на площади Защитников польской почты. Именно здесь 1 сентября 1939 г. состоялось одно из первых сражений Второй мировой войны, во время которого сотрудники почты 15 часов держали оборону против напавших войск СС. Во время выступления Качиньский подчеркнул особое значение новейшей истории для партии «Право и справедливость».

Дальнейший ход событий убедительно показал огромную роль не столько истории, сколько исторической политики в идеологии и деятельности ПиС. Примечательно, что Л. Качиньский подчеркнул значение истории для Польши в контексте интегрирующейся Европы, отметив, что знание новейшей истории необходимо для самого существования польского народа³.

Обращаясь же к теме вхождения Польши в ЕС, Л. Качиньский заметил, что объединенная Европа должна стать Европой национальных государств, а не наднациональным объединением. И этот постулат ПиС последовательно проводила в жизнь на протяжении всей истории существования партии, вплоть до сегодняшнего дня.

Популярности ПиС отнюдь не способствовало в то время стремление наладить сотрудничество с «Гражданской платформой»: в начале своего политического пути партии пытались действовать вместе. Проявлением этого стремления явилось совместное участие в выборах в органы самоуправления. Переговорами с ГП руководил тогда Лех Качиньский, рассчитывая и на дальнейшее

¹ Подробнее о партии «Право и справедливость» см.: Лыкошина Л.С. Польско-польская война. Политическая жизнь современной Польши. – М., 2015. – С. 132–137.

² Подробнее о партии «Гражданская платформа» см.: Лыкошина Л.С. Польско-польская война... – С. 64–119.

³ Dziennik bałtycki. – Gdańsk, 2001. – 9 września.

сотрудничество. Но электорат обеих партий не поддержал этой идеи, и итоги выборов оказались далеко не блестящими.

Между тем Л. Качиньский решил попробовать себя на поприще главы польской столицы и побороться за должность президента Варшавы. Выборы состоялись в 2002 г., и по их итогам Качиньский далеко обошел своих конкурентов, основными из которых были М. Балицкий (коалиция Союза демократических левых сил и Унии труда) и А. Олеховский, представлявший «Гражданскую платформу». В первом туре Л. Качиньский набрал 49,58% голосов, а во втором, соревнуясь с М. Балицким, более 70%. В ходе борьбы за пост президента Варшавы случился казус, который много лет (вплоть до сегодняшнего дня) вспоминают противники Леха. После встречи с избирателями, пробиравшегося сквозь толпу Качиньского оскорбил некий Збигнев А., который крикнул ему: «Почему Вы, как крыса бежали из ИАС¹». На что раздраженный Качиньский грубо ответил кричавшему: «Отвали, старый дурак» (в польском варианте «Spieprzaj, dziadu!» звучит еще более грубо).

Одну из главных задач Л. Качиньский видел в борьбе с «варшавским сговором», под которым он понимал неформальные связи между политиками ГП, Союзом демократических левых сил и бизнесом. Воплощением «сговора» был связанный с ГП П. Пискорский². Уделяя много внимания борьбе со «сговором», Л. Качиньский впоследствии оценивал его разрушение как одно из главных своих достижений.

Будучи президентом столицы, Л. Качиньский проявлял несомненный интерес к истории³, постоянно подчеркивая значимость последней для поляков. Показательно, что, готовясь к вступлению в должность, Качиньский обратился к наследию своего довоенного

¹ ИАС – Избирательная акция «Солидарность». Политическая партия правого толка, в которую Л. Качиньский не входил.

² П. Пискорский (р. 1968 г.) – польский политик, президент Варшавы в 1999–2002 гг., неоднократно избирался депутатом сейма, был депутатом Европарламента. Его имя не раз фигурировало в разного рода коррупционных скандалах, что послужило поводом для исключения Пискорского из ГП в 2005 г.

³ Позже, в 2010 г., после смерти Л. Качиньского, Р. Сикорский (министр иностранных дел в правительстве Д. Туска) отметит, что Качиньский «отдал жизнь за историческую политику». Ведь он летел в Смоленск, чтобы отметить годовщину Катынской трагедии. – Sikorski R. Cieszę się że zdążyłem przeprosić prezydenta // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2010. – 13 kwiet.

предшественника – С. Стажиньского¹, которому выпала тяжелая участь возглавлять город во время начала Второй мировой войны. Качиньский внимательно изучал опыт Стажиньского, его видение развития Варшавы, распределения инвестиций. Примечательно в этой связи, что 2004 г. был объявлен годом Стажиньского.

Если Стажиньский пользовался безусловным расположением президента Варшавы, то его современник Р. Дмовский не вызывал у Качиньского столь однозначных чувств. Правда, он дал согласие на сооружение памятника лидеру национальной демократии, но сделал это не с легким сердцем, заявив, что хотя для многих поляков Дмовский – национальный герой и его вклад в обретение Польшей независимости несомненен, но «я знаю, – говорил Качиньский, – его высказывания, прославляющие фашистскую Италию. Я знаю, что в еврейх он видел главных врагов, из-за чего Польша потеряла многих граждан, а ее престиж на международной арене серьезно пострадал»². Качиньский считал необходимым преодоление несправедливого отношения к евреям, немало усилий приложил для создания Музея польских евреев.

Размышляя о двух культовых фигурах польской истории – Ю. Пилсудском и Р. Дмовском, – Качиньский достаточно критически относился к личности лидера национальных демократов, считая гибельной для Польши его идею национального государства, ведь в межвоенной Польше (а именно в ней разворачивалась политическая деятельность и Пилсудского, и Дмовского) около 1/3 населения была не польского происхождения.

Но самым значительным действием, предпринятым Л. Качиньским в сфере исторической политики, было, несомненно, открытие Музея Варшавского восстания³. Этому событию польской истории Качиньский придавал особое значение, с гордостью вспоминал, что в восстании принимал участие его отец. Качиньский придерживался мнения, что события 1989 г. в большей степени были определены «легендой Варшавского восстания, чем “круглым столом”»⁴, рассматривая восстание как акт борьбы поляков за независимость от

¹ С. Стажиньский (1893–1939) – президент Варшавы в 1934–1939 гг. Много сделал для развития города. Отказался покинуть Варшаву в 1939 г., отвергнув предложения польского правительства. С первых же дней войны активно участвовал в организации движения Сопротивления. Расстрелян гестапо в 1939 г.

² Цит по: Centkiewicz S. Op.cit. – S. 792.

³ В 2011 г. на территории Музея Варшавского восстания была открыта памятная таблица в честь Л. Качиньского, где отмечался его вклад в дело создания музея.

⁴ Semka P. Opowieść arcypolska. – W-wa, 2010. – S. 208.

СССР. Работа по строительству музея велась с большим энтузиазмом: рабочие работали в три смены, что позволило закончить строительство в намеченные сроки, и в годовщину начала Варшавского восстания 31 августа 2004 г. музей был открыт. На открытии присутствовали представители США, Великобритании, Германии. Несмотря на присутствие Г. Шрёдера, Л. Качиньский в своем выступлении на открытии музея довольно резко говорил об ответственности немецких оккупантов за разрушение Польши и геноцид польского народа. Он целиком и полностью возложил ответственность за Холокост именно на немцев.

Значимость позиции Качиньского определяется особой атмосферой, сложившейся в польско-немецких отношениях тех лет. Ведь именно в 2002–2003 гг. в Германии формировалась специфическая историческая политика, предполагавшая своеобразное «размывание» вопроса об ответственности за преступления Второй мировой войны, попытки перекладывания части вины на другие народы. В Берлине шла активная работа по созданию Центра изгнанных, и от Польши, по сути, требовали признания ответственности за судьбы выселенных с территории страны немцев, а также компенсации за причиненный им ущерб. В ответ на это партия Лига польских семей (ЛПС) обратилась к президенту Варшавы с предложением подготовить рапорт об ущербе, причиненном немцами польской столице. Качиньский инициативу поддержал, и такой документ был подготовлен в 2004 г.

При Музее Варшавского восстания был создан Институт им. С. Стажиньского, Дом встреч с историей, в задачу которого входила организация разного рода акций, направленных на популяризацию знаний новейшей истории Польши с позиций польского патриотизма. Примечательно, что дом был открыт 17 сентября, в тот день, когда в 1939 г. советские войска перешли границу II Речи Посполитой. Тема разных воззрений поляков и россиян на историю Второй мировой войны неизменно присутствовала в высказываниях Качиньского, да и в целом в приподнятой атмосфере празднования годовщины восстания.

Качиньский считал, что, хотя Красная армия и принесла Польше некоторое облегчение ее участи, но это было отнюдь не полное освобождение. Он не считал нужным отмечать 17 января освобождение Варшавы советскими войсками¹. Для Качиньского оказалось неприемлемым письмо по поводу годовщины восстания

¹ Pamiętać, ale niespecjalnie czcić // Rzeczpospolita. – W-wa, 2005. – 17 stycz.

российского посла Н. Афанасьевского, который говорил об общей борьбе поляков и россиян против немецких захватчиков. Президент Варшавы считал это проявлением нежелания российской стороны пересмотреть свои взгляды на историю. Он ратовал за истинный польский патриотизм. Таковой, по мысли Л. Качиньского, был не в чести после 1989 г.

Позицию президента Варшавы разделял популярный певец П. Кукиз (депутат нынешнего польского сейма, получивший депутатский мандат по итогам выборов 2015 г. и создавший свою партию «Кукиз-15»). «У кого дети могли бы учиться патриотизму, – сетовал Кукиз. – У Квасьневского? Олексы¹? Миллера²? Во время гитлеровской оккупации и в годы Второй мировой войны *volksdeutsch* был *volksdeutsch*³. Чем он отличался от человека из верхов ПОРП, которая сотрудничала с советским оккупантом?»⁴.

Для Л. Качиньского культ Варшавского восстания был чрезвычайно важен. Как некогда для Пилсудского культ восстания 1863 г. (а Качиньский неоднократно подчеркивал свое почтение к личности Начальника государства и позиционировал себя как наследника идей Пилсудского).

Когда президент Варшавы Л. Качиньский стал президентом Польши (это произошло по итогам президентских выборов 2005 г.), он продолжил проводить в жизнь свою концепцию исторической политики. По-прежнему рассматривая Вторую мировую войну как ключевое событие новейшей истории Польши, он в 2010 г. выступил с инициативой установления праздника «проклятых солдат», тех, кто после войны боролся против коммунизма. День памяти «проклятых солдат» ежегодно отмечается в Польше с 1 марта 2011 г., и в настоящее время ему придается большое значение как символу борьбы за независимость Польши от СССР.

Пафос борьбы, а не жертвенности был близок Качиньскому. Он подчеркивал, что Варшавское восстание для него прежде всего

¹ Олексы Ю. (1946–2015) – польский политик и государственный деятель, связанный с ПОРП, а после 1989 г. – с СДЛ. Обвинялся в связях с российскими спецслужбами.

² Миллер Л. (р. 1946) – польский политик и государственный деятель, один из лидеров польской социал-демократии.

³ *Volksdeutsch* – этнические немцы, живущие за пределами Германии. В Польше в годы войны *Volksdeutsch* нередко сотрудничали с нацистами.

⁴ *Stawiam na Renatę. B. Lisiewicz rozmawia z Pawłem Kukizem // Gazeta Polska. – W-wa, 2005. – 11 maj.*

символ борьбы. Исходя из этих представлений, он всегда старался акцентировать участие Польши в борьбе с фашизмом¹.

Лех Качиньский замечал в свое время, что хотя он в молодости читал оппозиционные журналы, слушал «Свободную Европу», но главную роль в формировании его взглядов на историю сыграла семья². Он рано стал интересоваться историей. Причем особую роль сыграла трилогия Сенкевича, которую детям прочла мать, хотя они уже умели читать в это время. Л. Качиньский при всем своем неприятии социалистической Польши достаточно высоко ценил обобщающий труд по истории Польши, подготовленный ПАН в ПНР, считая, что в нем содержатся объективные материалы из истории периода величия и могущества Речи Посполитой. Президент неплохо знал средневековую историю Польши, у него были свои герои этого периода. В частности, он увлекался личностью Я. ЗамоЙского³.

Президент старался быть объективным в своих оценках. «Я вполне, — замечал Л. Качиньский, — отдаю себе отчет в темных страницах нашей истории, но я отличаюсь от тех, кто нашими историческими поражениями упивается и с удовольствием свел бы к ним всю нашу историю... Я прекрасно осознаю наше историческое несовершенство, но я также помню, что в 400 км к востоку от Киева есть столб, который — как сами украинцы говорят — обозначает место, где была граница между российской и польской империями. В конце концов Лубне Сенкевича тоже расположен на восток от Киева»⁴.

Оценивая новейшую историю, он замечал, что социалистическая Польша не заслуживает названия III Речи Посполитой, хотя коммунисты и пытались утвердить это в сознании. Но это не была «форма советской оккупации», во всяком случае после 1956 г. III Речь Посполитая имеет огромные преимущества перед социалистической Польшей, поскольку является независимой. Но это

¹Kaczyński L. Historia stosowana. Z Lechem Kaczynskim, Prezydentem RP, rozmawia A. Nowak. — Mode of access: <http://www.portal.arcana.pl/Historia-stosowana-z-lechem-kaczynskim-prezydentem-rp-rozmawia-andrzej-nowak,1107.html>

²Ibid.

³Ян ЗамоЙский (1627–1665) — польский магнат и политик. В трудное для страны время сохранил верность королю Яну Казимиру и не признал власть шведского короля Карла X Густава. Один из героев трилогии Сенкевича.

⁴Kaczyński L. Historia stosowana. Z Lechem Kaczynskim, Prezydentem RP, rozmawia A. Nowak. — Mode of access: <http://www.portal.arcana.pl/Historia-stosowana-z-lechem-kaczynskim-prezydentem-rp-rozmawia-andrzej-nowak,1107.html>

результат некоего компромисса. Старая элита сохранила свое влияние, обменяв власть на деньги. «Взамен греха она получила награду», ибо сотрудничество со спецслужбами президент рассматривал как тяжкий грех. Шансы поляков при новой системе оказались не равны. Безработные интегрировались в нее при помощи «супов Куроня»¹, а сотрудники спецслужб, если они вообще покидали свою службу, при помощи концессии на охранные предприятия или на торговлю цветными металлами (что было наиболее доходно в начале 90-х годов)².

В целом, однако, Л. Качиньский считал III Речь Посполитую «огромным, невообразимым успехом», несмотря на все свойственные ей пороки³. Преодоление этих пороков президент видел на пути оздоровления, санации государства. В первом же своем выступлении в качестве избранного президента Лех Качиньский заявил о сути своего понимания выпавшего на его долю высокого предназначения: борьба со злом, борьба за моральное очищение. Президент ключевое место отводил национальным традициям. «Народ как сообщество, – заявлял он, – формируется вокруг традиции. Нельзя противопоставлять ее необходимым переменам, необходимой модернизации. Это противоречие надуманное... Наибольших успехов в Европе добились те, кто сумел соединить модернизацию с давней традицией»⁴.

В этом ключе Л. Качиньский пытался действовать, став президентом Польши. В частности, в сфере внешней политики. Однако призывы к проведению «твердой» внешней политики, недопустимости «идти в Европу на коленях» отнюдь не способствовали созданию привлекательного образа Польши в Европе, тем более, что свою антиевропейскость некоторые политические силы Польши демонстрировали и в Европарламенте. Польша в силу специфики политических сил у кормила власти проявляла достаточно скептическое отношение к ЕС и отсутствие по-настоящему проевропейской политики, придерживаясь скорее проамериканской ориентации.

ПиС, возглавляемая Я. Качиньским, подвергла критике и внешнюю политику своих предшественников. Конечно, никто не

¹ Я. Куронь (1934–2004) – польский диссидент и государственный деятель. В 1989–1990 гг. – министр труда и социальной политики. Сам раздавал еду нуждающимся.

² Ibid.

³ Kaczynski L. III RP naszym sukcesem // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2006. – 14 grud.

⁴ Semka P. Lech Kaczyński. Opowieść arcypolska. – W-wa, 2010. – S. 127.

отрицал целесообразности евро-атлантического выбора Польши, но способы реализации этого выбора вызывали неприятие новых лидеров страны. В адрес прежних «реализаторов» внешнеполитического курса выдвигались обвинения в отсутствии национальной гордости, пренебрежении национальными интересами и даже едва ли не в агентурных связях с российской разведкой. Именно после такого обвинения в 2006 г. покинул пост главы Совета польского Института международных отношений В. Бартошевский (министр иностранных дел Польши в 1995, а также в 2000–2001 гг.).

Однако Л. Качиньскому не удалось добиться укрепления позиций своей страны в ЕС. Скорее наоборот. Правда, большим успехом Польши было достижение выгодного для страны варианта финансирования со стороны Евросоюза. Решение этой задачи стало одним из основных направлений его деятельности. Главные усилия польской дипломатии в ЕС были сосредоточены на принятии Новой финансовой перспективы (НФП). Для Польши было важно добиться выделения адекватного финансирования для проведения политики единства, выравнивания уровней экономического развития старых и новых членов ЕС.

Во многом благодаря эффективной политике премьер-министра К. Марцинкевича, а также поддержке Германии на саммите в Брюсселе удалось добиться принятия такого варианта НФП на 2007–2013 гг., согласно которому Польше предполагалось выделить самые большие в сравнении с другими восточноевропейскими странами суммы: 10,5% бюджета ЕС, или 13 млрд евро ежегодно.

Но в целом настроения правительства были проникнуты скорее евроскептицизмом, чем евроэнтузиазмом. Исключение составляла позиция министра иностранных дел С. Меллера, но в мае 2006 г. он подал в отставку, не сочтя возможным оставаться в правительстве после рапорта А. Мачеревича о ликвидации Службы военной разведки. В документе Мачеревича были названы имена многих дипломатов, в том числе послов, связанных со службой разведки и контрразведки РП. В июле 2006 г. К. Марцинкевич оставил пост премьера, и правительство возглавил Я. Качиньский. В правительство пришли другие люди, главой МИД стала А. Фотыга, не являвшаяся профессиональным дипломатом.

Во время своего президентства Л. Качиньский особое внимание уделял восточной политике. Суть последней сводилась к стремлению проводить таковую как общую политику ЕС. Причем Польша претендовала на роль своего рода эксперта по Востоку, знатока проблемы, способного противостоять России в ее попыт-

ках сохранить свое прежнее влияние в регионе. Л. Качиньский заявлял в 2006 г., что Польша видит свою задачу в расширении границ «демократического мира дальше, на восток и юг».

В рамках решения этой задачи президент выстраивал отношения с Украиной, пытаясь найти общий язык применительно к сложным вопросам польско-украинских отношений в прошлом, в частности в годы Второй мировой войны. Именно для этого в 2006 г. он встречался с президентом Украины В. Ющенко в Павлокомле, где в годы войны подразделениями АК было убито более 300 украинцев. Отдавая дань памяти полякам, погибшим от рук украинцев, Л. Качиньский совместно с украинским коллегой почтил память соотечественников в Гуте Пеняцкой под Львовом. Но дело польско-украинского единения шло непросто: В. Ющенко, несмотря на все слова и уверения, всемерно способствовал причислению Р. Шухевича и С. Бандеры к разряду национальных героев. Попытки же Л. Качиньского наладить диалог с Украиной вызывали неоднозначную реакцию в польском обществе, помнящем ужасы Вольнской резни.

Неоднозначно было воспринято и участие Л. Качиньского в открытии памятника Ю. Курася («Огня») в Закопане. На этот раз протест выразили словаки, живущие в Польше, так как в годы войны Курась был причастен к репрессиям против словаков на территории Спиша и Оравы¹.

По инициативе польского президента был создан Фонд поддержки демократии в странах бывшего СССР. В задачу фонда входила пропаганда опыта польских реформ и укрепление образа страны как посредника в общении с Западом².

В рамках «продвижения демократии на восток» особое внимание уделяется «поддержке демократии» в Белоруссии. В 2006 г. на эти цели неправительственным организациям Белоруссии было выделено 28 млн долл.³, что отнюдь не способствовало улучшению отношений с Россией.

Л. Качиньский прилагал усилия для налаживания хороших отношений с Литвой, с президентом В. Адамкусом. Поддержка

¹ Спорные территории, на которые претендовали и Польша, и Чехословакия. В годы войны здесь действовали отряды АК, терроризировавшие местное население.

² Польша идет на Восток // Московские новости. – М., 2006. – 14 июля.

³ Бухарин Н. Российско-польские отношения. 90-е годы XX века – начало XXI века. – М., 2007. – С. 106.

последнего помогла польскому руководству в благополучном завершении сделки по покупке нефтеперерабатывающего завода в Можейках. Очень скоро, правда, обнаружилась экономическая неэффективность этой сделки. Но Л. Качиньский упорно преследовал цель – добиться ослабления энергетической зависимости Польши от России, несмотря на не всегда экономически оправданные шаги.

Одним словом, «ягеллонская» восточная политика Л. Качиньского напоминала хождение по минному полю: каждый шаг таил в себе опасность, и не всегда удавалось ее избежать. Особых прорывов во внешней политике достичь не получилось.

Но и внутри страны президент не смог добиться поддержки со стороны общества. Не способствовали популярности правительства дебаты, связанные с принятием закона о люстрации в 2007 г. Обсуждаемая версия закона предполагала публикацию имен лиц, сотрудничавших со спецслужбами, а также обязанность предоставлять сведения о сотрудничестве очень широкого круга лиц, в том числе журналистов, преподавателей вузов, определенной категории бизнесменов. Предлагаемая версия закона столкнулась с неодобрением значительной части общества и вызвала острую дискуссию, а также неодобрение со стороны костела. Позиция последнего была обусловлена делом архиепископа С. Вельгуса, обвиненного в связях со спецслужбами, что побудило его оставить пост главы Варшавской митрополии, который он занимал всего два дня.

Люстрационная активность правительства подчас приводила к конфликтам с Конституционным судом, не признающим законными некоторые действия правительства и послушного ему основного инструмента люстрации – Института национальной памяти. В адрес главы последнего Я. Куртыки выдвигались обвинения в неоправданной зависимости от Пис.

По инициативе А. Олеховского и с участием А. Квасьневского и Л. Валенсы в Варшавском университете прошла конференция, посвященная европейским стандартам демократии и нарушению демократических принципов в Польше. Тогда же в Кракове возникло Движение в защиту демократии¹.

¹ Dudek A. Historia polityczna Polski 1989–2012. – Kraków, 2013. – S. 384.

Примечательно, что в 2016 г. ситуация повторилась почти буквально: правящая Пис пребывает в конфликте с Конституционным судом, в стране создан Комитет защиты демократии. А. Квасьневский и Л. Валенса вновь в рядах протестующих против нарушения демократических принципов. Правда, в 2016 г. события в Польше приобрели международный резонанс и привели к вмешатель-

В борьбе за очищение государства правительство Я. Качиньского не всегда избирало адекватный путь. К числу акций, не прибавивших популярности правительству, можно отнести «дело доктора М. Гарлицкого», необоснованно обвиненного в коррупции и чуть ли не в убийстве, показанного в наручниках по ТВ по инициативе чрезвычайно активного министра юстиции З. Зебро. Недоброжелательно было воспринято общественным мнением и дело Б. Блиды, бывшего министра в период правления социал-демократов. Она покончила собой, когда ее пытались арестовать правоохранительные органы по подозрению в коррупции.

Качиньские, не имея большинства в сейме, вынуждены были вступить в коалицию с популистскими партиями «Самооборона» или Лига польских семей. ПиС пытался освободиться от тяготившей ее коалиции. Уже в сентябре 2006 г. была сделана попытка избавиться от А. Леппера. Поводом послужила публичная критика лидером «Самообороны» проекта бюджета и требований увеличения расходов на сельское хозяйство. Но уже в октябре премьер был вынужден вернуть Леппера на все его посты, так как без поддержки «Самообороны» ПиС не могла проводить свои решения в сейме.

Не способствовал популярности правительства и президента уход из правительства министра обороны Р. Сикорского, не сработавшегося со своим заместителем А. Мачеревичем в решении вопроса о ликвидации Военной информационной службы и службы военной контрразведки. Против этой акции выступал Б. Коморовский, которого политические оппоненты подозревали в связях с Россией. Деятельностью по ликвидации ВИС руководил А. Мачеревич, предавший гласности списки сотрудников разведки и контрразведки, что трудно рассматривать как акцию, способствующую укреплению государства.

Много проблем было связано с попытками принятия нового закона об абортах, ужесточающих существовавшее законодательство. Далеко не однозначно было воспринято предложение Р. Гертыха о внесении дополнений в Конституцию, в частности положения об охране жизни с момента зачатия.

В июле 2007 г. Я. Качиньский второй раз попытался избавиться от Леппера. На это раз поводом стало обвинение главы «Самообороны» в участии в так называемой «земельной афере». В деле оставалось много неясного, но сам факт причастности к

нему многих высокопоставленных лиц подрывал доверие к правительству. Анджей Леппер был уверен, что вся эта «земельная афера» была затеяна лишь для того, чтобы избавиться от него и убрать с политической сцены партию «Самооборона»¹. Покровительство, оказанное одному из фигурантов дела, Я. Качмареку, «выдвиженцу» Л. Качиньского, президент считал «самой большой ошибкой в своей жизни»².

По оценке польского историка А. Дудека, правящая коалиция ПиС, «Самообороны» и ЛПС была «наиболее конфликтной и неспаянной во всей предшествующей истории III Речи Посполитой...»³. Этот несчастливый союз с популистами привел к изоляции братьев Качиньских, снижению уровня общественной поддержки. «Земельная афера» привела к распаду коалиции, досрочным парламентским выборам 2007 г., которые ПиС проиграла, уступив «Гражданской платформе».

С 2007 г. начался период коабитации президента Л. Качиньского и премьера Д. Туска, насыщенный многочисленными конфликтами как во внутренней, так и во внешней политике. Уже начало этого периода ознаменовалось конфликтом президента и премьера, связанного с несогласием Л. Качиньского с предложенными Д. Туском кандидатурами на пост министра юстиции и министра обороны. Л. Качиньский демонстративно не появился в сейме, когда Д. Туск выступал со своим экспозе.

Это, как отмечает А. Дудек, было «символическим началом нового этапа холодной войны между политиками, которая с разной степенью интенсивности продолжалась вплоть до смоленской катастрофы»⁴. Одним из наиболее ярких проявлений конфликта стал спор о том, кто будет представлять Польшу на саммите ЕС в Брюсселе. Когда выяснилось, что Л. Качиньский хочет туда направиться, глава канцелярии премьера Т. Арабский отказал в предоставлении президенту самолета, так как по закону страну должен в таких случаях представлять премьер. Л. Качиньский все же полетел в Брюссель чартерным рейсом, но когда он появился в зале заседаний, оказалось, что ему некуда сесть, ибо место для

¹ В Польше возобновляется уголовное дело о «земельной афере», погубившей Леппера. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1439621.html#ixzz3Ff8gz8nt>

² Semka P. Lech Kaczyński. Opowieść arcypolska. – W-wa, 2010. – S. 193.

³ Dudek A. Historia polityczna Polski 1989–2012. – Kraków, 2013. – S. 591.

⁴ Ibid. – S. 602.

него не предусматривалось. В конце концов один из членов польской делегации уступил место президенту, но на всех собравшихся инцидент произвел не самое хорошее впечатление.

По возвращении из Брюсселя Туск обратился в Конституционный суд для решения вопроса о компетенциях, и суд признал, что Конституция недостаточно четко разграничивает таковые между президентом и премьером. Но вопрос в принципе остался непроработанным.

Проевропейский настрой Д. Туска и выраженный евроскептицизм Л. Качиньского сталкивались и в подходе к ряду других проблем. В частности, в отношении к Лиссабонскому договору 2007 г., призванному заменить собой не принятую Конституцию ЕС.

Ратификация этого договора в Польше прошла не гладко: в сейме разгорелись горячие дискуссии. Большинство членов фракции «Право и справедливость» проголосовали против, хотя сам Я. Качиньский голосовал «за». Дело дошло до того, что несколько депутатов сейма от Пис покинули парламентское заседание. Президент Л. Качиньский поначалу не ратифицировал договор¹. Он упорно боролся против предусмотренных Лиссабонским договором правил определения голосов (количество голосов увязывалось с количеством населения). Я. Качиньский предложил даже использовать для достижения цели исторические аргументы, в частности заявление о том, что, если бы не война, Польша имела бы 66 млн человек населения. Но этот аргумент не был воспринят Германией². Не увенчалась успехом и угроза наложить вето на все решения Совета ЕС: Меркель заявила, что решения будут приняты и без участия Польши. Правда, у РП нашлись и союзники: ими оказались Чехия и Литва.

Отношение к Польше во многом ухудшилось в связи с игнорированием Л. Качиньским встречи представителей стран Веймарского треугольника. Премьер сослался на проблемы со здоровьем, но на деле причина была в другом – Л. Качиньский обиделся на

¹ Л. Качиньский в конце концов все же ратифицировал Лиссабонский договор, но только 10 октября 2009 г. в числе последних участников. Интересно, что братья, готовясь к саммиту, где должен был обсуждаться вопрос о договоре, решали вопрос о том, кто будет представлять Польшу. В итоге пришли к выводу, что целесообразней ехать Леху. Вот если бы Польше пришлось прибегнуть к праву вето, то тогда нужно ехать Ярославу, чтобы не портить имидж Леха. Как замечает Я. Качиньский, «это я должен быть плохим полицейским»: Kaczyński J. Polska naszych marzeń. – Lublin, 2011. – S. 36.

² Dudek A. Historia polityczna Polski 1989–2012. – Kraków, 2013. – S. 566.

карикатуру в немецкой газете «Die Tageszeitung». Карикатура действительно была обидной, причем не только для братьев, но и для их матери, однако эмоциональное отношение президента далеко не все в Польше признали обоснованным.

Позиция Л. Качиньского по отношению к Германии во многом определялась позицией брата, а Я. Качиньский с большим недоверием относится к этой стране. Его не радовало развивающееся польско-немецкое сотрудничество, ибо, полагал он, все, «что у нас общее – польско-немецкие институты, – по сути дела их. Они имеют превосходство над нами, что всегда плохо, а в наших условиях, например, когда это касается западных земель, небезопасно. Не бывает так, чтобы большие и сильные народы легко ото всего отказывались»¹.

Премьер Туск по отношению к Германии занимал совершенно иную позицию, рассматривая ее как главного союзника Польши в Европе и высоко ценя свои личные хорошие отношения с канцлером А. Меркель.

По-разному позиционировали себя президент и премьер во время российско-грузинского конфликта 2008 г. Президент Л. Качиньский, преодолевая все трудности и происки (а таковые не замедлили проявиться, что выразилось хотя бы в том, что для президента не сразу нашли свободный самолет), незамедлительно вылетел в Тбилиси, захватив по дороге президентов Латвии, Эстонии, Литвы и Украины. Путешествие было весьма опасным и драматическим: ведь возможный шальной (или злонамеренный) российский снаряд, угодивший в борт, погубил бы сразу пятерых глав государств.

Летчик отказался приземляться в тбилисском аэропорту, сочтя это слишком опасным, и путешественники добирались до грузинской столицы на машинах. В Тбилиси представительная делегация прибыла уже после полуночи, 13 августа 2008 г. На митинге, участники которого восторженно приветствовали прилетевшую команду, Качиньский произнес пламенную речь, заявив о готовности Польши к борьбе со страной, которая показала свое истинное лицо, столь известное полякам. Речь шла о России, которая, по словам Леха, всегда стремилась подчинять себе соседние государства и решившей, что времена империи возвращаются. Вслед за Грузией может наступить очередь Украины, потом Прибалтийских государств, а впоследствии, возможно, и Польши. Этого допустить нельзя. Поэтому-то

¹ Kaczynski J. Polska naszych marzeń. – Lublin, 2011. – S. 40–41.

пять президентов и поспешили выразить Грузии свою поддержку, ничего не боясь, – таков был заключительный пассаж выступления.

Смелая речь Качиньского была встречена в Польше по меньшей мере неоднозначно. В прессе писали и о «звездной ночи» Качиньского, имея в виду ночь с 12 на 13 сентября, когда польский президент выступил на митинге в Тбилиси, и о неоправданных, а то и смешных претензиях на роль арбитра в споре, решение которого явно не под силу Польше.

Министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский, сопровождавший президента в его поездке, отметил, что выступление польского лидера было его самостоятельной инициативой и отнюдь не является официальной позицией Польши. Без особого энтузиазма отнесся к заявлениям Качиньского и премьер-министр Дональд Туск, заметив, что Качиньский сказал в Тбилиси «несколько лишних слов».

Именно во время этого визита кортеж польского президента был обстрелян при попытке приблизиться к осетино-грузинской границе. К счастью, никто не пострадал. Будущий президент Б. Коморовский неосторожно заявил в связи с этим инцидентом: «Каков визит – таково и покушение», что впоследствии дало повод Я. Качиньскому утверждать, что Коморовский всегда хотел смерти его брата.

В нынешней Польше, где ведущие политические позиции принадлежат партии «Право и справедливость», этот визит оценивается однозначно как проявление мужества и дальновидности Л. Качиньского, уже тогда предвидевшего «агрессивные намерения» России.

В тот период столкновения президента и премьера по вопросам внутривнутриполитической жизни стали обыденным явлением. Л. Качиньский при всяком удобном случае пытался наложить вето на решения правительства, обвинить его даже в том, что вменить в вину было, казалось бы, весьма сложно: так, Л. Качиньский упрекал Туска в плохом состоянии польской экономики. И это происходило в 2008–2009 гг., когда Польша, единственная из европейских стран, показывала экономический рост на фоне всеобщего падения показателей.

В общественном мнении утверждалось представление о вечно мешающем правительству президенте. Впечатление усиливалось не очень удачной манерой общения Л. Качиньского с людьми: он мог обидеть, употребить грубое слово. Но и по отношению к президенту оппоненты подчас бывали несдержанны. Особенно

грубыми были нападки на Л. Качиньского со стороны Я. Паликота (бизнесмена, депутата сейма от ГП). Он обвинял Л. Качиньского в алкоголизме, подозревал в несуществующих болезнях, публично, переодевшись В. Лениным, зачитывал фрагменты диссертации Л. Качиньского, где он цитировал пролетарского вождя.

Рейтинги Л. Качиньского неуклонно падали и в 2010 г., незадолго до президентских выборов, были совсем низкими. Но доработать положенный срок ему было не суждено: 10 апреля 2010 г. произошла авиакатастрофа, унесшая жизнь президентской четы и всех тех, кто летел на президентском борту в Смоленск, с тем чтобы почтить память жертв Катынской трагедии.

Сам момент смерти и место ее были символичны и стали компонентами мифа. Польской культуре свойственно придавать смерти особое, символическое значение. Смоленская земля, лес под Смоленском наряду с Катынью, воспринимался общественным сознанием как «проклятая земля», несущая полякам смерть и страдания¹. Вместе с тем Катынь рассматривалась как некая основа III Речи Посполитой. Д. Туск называл Катынь «краеугольным камнем свободной Польши», потому что поляки именно о Катыни говорили в полный голос и почтили память своих героев и их смерть².

Факт гибели президента именно под Смоленском, на пути в Катынь, приобретал едва ли не мистическое значение. З. Бжезинский расценивал Катынь, как «фатум, символ трагедии. Президент Качиньский погиб на посту. Всю свою жизнь он считал, что независимость – это высшая ценность»³.

По законам создания мифа невозможно было смириться с мыслью о понятных и прозаических причинах смерти президента. Поэтому в сознании легко приживается идея заговора, злокозненных происках врагов. Такой подход придавал смысл и гибели всех остальных участников трагического полета⁴.

Похороны президента на Вавеле, месте упокоения национальных героев Польши и особо почитаемых поляков, таких как Ю. Пилсудский, В. Сикорский, А. Мицкевич, с одобрения и при самом активном участии духовенства, явились логическим завер-

¹ Kwaśniewski A. Podwójnie przekłęte miejsce // Gazeta Wyborcza. – W-wa, 2010. – 12 kwiet.

² Janicki M. Władysław W. Punkt przecięcia // Polityka. – W-wa, 2010. – N 6. – S. 22.

³ Brzeziński Z. Powiedzieli Gazecie po katastrofie // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2010. – N 85. – S. 22.

⁴ Lewandowski P. Mit polityczny Lecha Kaczyńskiego. – Toruń, 2014. – S. 37.

шением формирующегося мифа. Не все в Польше были за то, чтобы местом погребения президентской четы стало столь значимое для всех поляков место. Но в свое время и против погребения на Вавеле Пилсудского и даже Мицкевича тоже выступала часть общества.

Л. Качиньский буквально с королевскими почестями был похоронен неподалеку от своего кумира Ю. Пилсудского. Похороны Л. Качиньского были первыми похоронами чиновника такого уровня в III Речи Посполитой, и многое в ритуале похорон копировало похороны Пилсудского. Связь с межвоенной Польшей еще более акцентировал факт присутствия на президентском борту последнего польского президента в эмиграции Р. Качоровского¹. Траур по ушедшему президенту был даже более длительным, чем траур по Пилсудскому. Это неудивительно: III Речь Посполитая развивает и ментально поддерживает традиции II Речью Посполитой.

Сама должность президента по польской Конституции не предполагает слишком широких полномочий. Но традиционно именно президент рассматривается обществом как главная фигура в политической жизни страны, как ее символ. Президентские выборы отличаются от парламентских более высокой явкой.

Возвеличивание роли президента характерно для всего периода III Речи Посполитой. Уже Л. Валенса пытался добиться для себя более широких полномочий, чем предусматривало законодательство. Он заявлял, что ответственен только перед «Богом и историей», практически повторяя формулу довоенной Конституции 1935 г.

Значимости президентству добавило и время А. Квасьневского. Благодаря его жене Иоланте президентская пара, как полагает польский исследователь П. Левандовский, воспринималась почти как королевская чета. Тем более что Квасьневский всячески подчеркивал свои связи с представителями европейских королевских домов.

Роль Л. Качиньского была несколько иной: своей скромной жизнью, апелляцией к традициям межвоенной Польши, подчеркиванием приверженности к католицизму он как бы объединялся с определенной частью польского общества, «Польшей солидар-

¹ Польское правительство в 1939 г. после вторжения в страну фашистов покинуло Польшу и действовало в эмиграции до 1989 г., не признавая социалистической Польши. Эмигрантское правительство сложило свои полномочия после избрания президентом Польши Л. Валенсы. Знаки президентской власти Валенса получил от последнего президента в эмиграции Р. Качоровского.

ной», противопоставляя себя другой – «Польше либеральной». Он стал мистическим полководцем затяжной «польско-польской войны» между этими условными двумя Польшами, войны, в которой долго лидировала «Польша либеральная», но в 2015 г. победила «Польша солидарная» во главе с Я. Качиньским.

Одной из излюбленных тем в дискурсе Л. Качиньского была тема смерти. И его смерть стала как бы логическим завершением темы. Это была смерть, абсолютно лишенная прагматизма, смерть, унесшая не только жизнь президента, но и его попутчиков. Как полагает польская исследовательница А. Белик-Робсон, это была такая же смерть, как в случае «великой коллективной смерти активных и пассивных участников Варшавского восстания... Трагическая смерть Леха Качиньского может быть уподоблена распятию Иисуса, знаку правды, придающему новое значение всей его деятельности при жизни»¹.

Л. Качиньский не совершил никаких великих дел, но, как заметил журналист П. Лисицкий, величие политика определяется не только делами, но и «теми надеждами, которые он воплощает, что собой олицетворяет и каким идеалам соответствует»².

После избрания на президентский пост Л. Качиньский стал излюбленной мишенью для журналистов, ловивших каждое его неудачное выражение, каждый промах. Поводов было немало, во многом потому, что Л. Качиньский категорически отказывался работать со специалистами по пиару, прислушиваться к их советам. Все общавшиеся с президентом в камерной, непринужденной обстановке говорят о нем как о прекрасном рассказчике, обаятельном человеке с хорошим чувством юмора. Но таким рядовые поляки его не видели. Они видели напряженного и сурового, «зажатого» государственного деятеля. Не признавая законов современной политики, Качиньский не желал, чтобы его истинный, аутентичный облик был заменен искусственно сконструированным специалистами по пиару. Он верил, что поляки его поймут. Это был, как замечает П. Семка, «драматический бунт президента против реалий политики XXI в.»³.

Но после смерти Л. Качиньского возобладала другая тональность оценок. Доминировал образ вполне успешного, хорошего президента, по мнению некоторых аналитиков, едва ли не лучшего после 1989 г. Даже в публикациях либеральной прессы, в которой Качинь-

¹ Bielik-Robson F / Polski triumph Tanatosa // *Żaloba*. – W-wa, 2010. – S. 117–118.

² Lisicki P. Prawo do miejsca w panteonie // *Plus Minus*. – W-wa, 2010. – N 5. – S. 1.

³ Semka P. Lech Kaczyński. Opowieść arcy Polska. – W-wa, 2010. – S. 148.

ский при жизни оценивался весьма критически, весной 2010 г. появились совсем другие оценки. Это, по мнению польских исследователей, вполне соответствует польской традиции, в отличие, например, от традиции англосаксонской, где применительно к публичным людям и после смерти допустимы критические высказывания¹.

На страницах еженедельника «Политика», где при жизни Л. Качиньского трудно было отыскать хорошие слова о нем, Е. Бачиньский и Я. Парадовская писали о Лехе как об «истинном, горячем патриоте, поборнике идеи суверенности и независимости Отчизны, мечтавшим о ее величии. Он был человеком твердых убеждений, бескомпромиссным в отстаивании национальных интересов таких, какими они были в его понимании. Он был человеком “Солидарности”, не приемлющим ложь и несправедливость»².

Даже маленький рост президента, вызывавший при жизни столько шуток и насмешек, теперь стал поводом для сравнения Л. Качиньского с героем трилогии Г. Сенкевича паном Володыевским, которого, как известно, за небольшой рост называли «маленький рыцарь».

Образ Л. Качиньского вызывает однозначные ассоциации с межвоенной Польшей, его сравнивают с Пилсудским, усматривая в нем носителя именно этой традиции, традиции независимости³. В апреле 2016 г. Я. Качиньский заявил в сейме о создании комитета по сооружению в центре Варшавы, на улице Краковское предместье, двух памятников: Л. Качиньскому и жертвам Смоленской катастрофы. Памятники будут созданы на собранные народом средства. Работа комитета началась и, как уверяет глава ПиС, через два года в польской столице появятся два новых монумента⁴.

Далеко не все в Польше поддерживают идею сооружения двух памятников. Как некогда вокруг креста, воздвигнутого перед президентским дворцом и ставшего средоточием всех недовольных тогдашней властью, так сейчас вокруг будущих памятников кипят страсти. Причем противники памятников подвергаются несомнен-

¹ Krzemiński P. Zwolennicy prezydenta to mniejszość // Rzeczpospolita. – W-wa, 2010. – N 89. – S. 16.

² Baczyński J. Paradowska J. Pomnik prezydenta // Polityka. – W-wa, 2010. – N 16. – S. 7.

³ Żakowski J. Ludski człowiek // Polityka. – W-wa, 2010. – N 6. – S. 9–10.

⁴ Kondzińska A. Szpala I. Jarosław Kaczyński: Dwa pomniki smoleńskie za dwa lata. Zbuduje je cały naród. – Mode of access: <http://wyborcza.pl/1,75398,19992019,jaroslaw-kaczynski-dwa-pomniki-smolenskie-za-dwa-lata-zbuduje.html#TRrelSST>

ному эмоциональному шантажу: их позиция уязвима, ведь они выступают против памяти об умерших, о погибших за правое дело.

Идейным вдохновителем процесса формирования «легенды о Лехе» является Я. Качиньский. Трудно допустить, что он верит в реальность заговора против Л. Качиньского и его спутников. Но он твердо придерживается версии, возникшей после авиакатастрофы, и «мученики 2010 г.» все более уверенно причисляются к пантеону, являя собой легендарную основу IV Речи Посполитой.

Список литературы

- Бухарин Н. Российско-польские отношения. 90-е годы XX века – начало XXI века. – М., 2007. – 295 с.
- В Польше возобновляется уголовное дело о «земельной афере», погубившей Леппера. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1439621.html#ixzz3Ff8gz8nt> (Дата обращения: 28.08.2011.)
- Лыкошина Л. «Польско-польская война». Политическая жизнь современной Польши / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – 258 с.
- Польша идет на Восток // Московские новости. – М., 2006. – 14 июля.
- Alfabet braci Kaczyńskich. – Kraków, 2010. – 300 s.
- Andrzej Duda i Jarosław Kaczyński na promocji książki Cenckiewicz i Chmieleckiego o Lechu Kaczyńskim. – Mode of access: <http://wyborcza.pl/1,75398,20182249,andrzej-duda-i-jaroslaw-kaczynski-na-promocji-ksiazki-cenckiewicz.html#ixzz4BvYaAAIv> (Дата обращения: 19.05.2015.)
- Baczyński J. Paradowska J. Pomnik prezydenta // Polityka. – W-wa, 2010. – N 16. – S. 7–9.
- Bielik-Robson A. Polski triumph Tanatosa// Żałoba. – W-wa, 2010. – S. 117–118.
- Brzeziński Z. Powiedzieli Gazecie po katastrofie// Gazeta wyborcza. – W-wa, 2010. – 14 kwiet.
- Burnetko K. Bracia Kaczyńscy: jeden podważa dorobek drugiego.Jarosław kontra Lech. – Mode of access: <http://w.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1665592,1,bracia-kaczynscy-jeden-podwaza-dorobek-drugiego.read?> (Дата обращения: 21.06.2016.)
- Centkiewicz S., Chmielecki A., Kowalski J., Piekarska A. Lech Kaczyński Biografia polityczna 1949–2005. – Poznań, 2013. – 1024 s.
- Daszyński R., Wójcik K. Piąty zatopiony// Gazeta wyborcza. – W-wa, 2000. – 13 paźd.
- Dudek A. Historia polityczna Polski 1989–2012. – Kraków, 2013. – 672 s.
- Dziennik bałtycki. – Gdańsk, 2001. – 9 wsześ.
- Janicki M. Władyka W. Punkt przecięcia // Polityka. – W-wa, 2010. – N 6. – S. 20–24.
- Kaczyński J. Polska naszych marzeń. – Lublin, 2011. – 335 s.

- Kaczyński L. Historia stosowana. Z Lechem Kaczynskim, Prezydentem RP, rozmawia A. Nowak. – Mode of access: <http://www.portal.arcana.pl/Historia-stosowana-z-lechem-kaczynskim-prezydentem-rp-rozmawia-andrzej-nowak,1107.html> (Дата обращения: 15.04.2011.)
- Kaczynski L. III RP naszym sukcesem // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2006. – 14 grud.
- Kondzińska A. Szpala I. Jarosław Kaczyński: Dwa pomniki smoleńskie za dwa lata. Zbuduje je cały naród. – Mode of access: <http://wyborcza.pl/1,75398,19992019,jaroslaw-kaczynski-dwa-pomniki-smolenskie-za-dwa-lata-zbuduje.html#TRrelSST> (Дата обращения: 28.04.2016.)
- Krzemiński P. Zwolennicy prezydenta to mniejszość // Rzeczpospolita. – W-wa, 2010. – 14 kwiet.
- Kwaśniewski A. Podwójnie przekłute miejsce // Gazeta Wyborcza. – W-wa, 2010. – 12 kwiet.
- Lewandowski P. Mit polityczny Lecha Kaczyńskiego. – Toruń, 2014. – 105 s.
- Lisicki P. Prawo do mejsca w panteonie// Plus Minus. – W-wa, 2010. – N 5. – S. 1.
- Ordynski J. Łagodność rozzuchwała przestępców // Rzeczpospolita. – W-wa, 2000. – 18 paźd.
- Pamiętać, ale niespecjalnie czcić // Rzeczpospolita. – W-wa, 2005. – 17 stycz.
- Semka P. Opowieść arcypolska. – W-wa, 2010. – 415 s.
- Siedlecka E. Karne weto // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2001. – 10 paźd.
- Sikorski R. Cieszę się że zdążyłem przeprosić prezydenta// Gazeta wyborcza. – W-wa, 2010. – 13 kwiet.
- Stawiam na Renatę. B. Lisiewicz rozmawia z Pawłem Kukizem // Gazeta Polska. – W-wa, 2005. – 11 maj.
- Warzecha L. Lech Kaczynski. Ostatni wywiad. – W-wa, 2010. – 354 s.
- Wybory 2015. Kaczyński: Panie prezydencie, melduję wykonanie zadania! – Mode of access: <http://wyborcza.pl/1,75398,19086112,wybory-2015-kaczynski-panie-prezydencie-melduje-wykonanie.html#TRrelSST> (Дата обращения: 30.11.2015.)
- Wybory prezydenckie 1995. Programy kandydatów. – W-wa, 2003. – 450 s.
- Żakowski J. Ludski człowiek// Polityka. – W-wa, 2010. – N 6. – S. 9–10.
- Zaremba P. Trzej ludzie roku 1994 // Życie Warszawy. – W-wa, 1994. – 16 grud.

Т.Г. Биткова
ТРАЯН БЭСЕСКУ
И ПЕРИПЕТИИ РУМЫНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: Румыния; Бэеску; президент; личные качества; политическая борьба; импичмент; экономический кризис; Молдавия; Запад; Россия.

Keywords: Romania; Basescu; the president; personal characteristics; political struggle; impeachment; the economic crisis; Moldova; the West; Russia.

Траян Бэеску, – без сомнения, неординарная фигура на политическом небосклоне Румынии. Победив на выборах 2004 г. и пережив впервые в румынской политической истории два импичмента, президент Бэеску все же сумел пробыть на этом посту до конца своего второго мандата в 2014 г. Сторонник евроатлантизма и панрумынист, он постоянно шокировал почтенную политическую публику крайне резкими и даже скандальными высказываниями. Однако за кажущимся шутовством и скоморошеством виден человек весьма прагматичный, хитрый и расчетливый. Необычность, а зачастую и неуместность его поведения сочетается с трезвостью оценок политической ситуации как внутри страны, так и за рубежом. Высказываясь провокационно, он как будто выпускает пробные шары и смотрит, какова будет реакция собеседников, а при этом хитро улыбается.

Начало трудовой деятельности будущего президента имеет и некий флер романтики. Окончив факультет навигации Института гражданского морского судоходства, он стал служащим в государственной судовой компании «Navtom». С 1981 по 1987 г. Бэеску работал капитаном на крупнотоннажных судах этого агентства, в 1984 г. был капитаном нефтяного танкера «Biruînța», самого боль-

шого судна румынского коммерческого флота в то время. С 1987 по 1989 г. он был уже начальником агентства «Navtom» в Антверпене.

Карьера бывшего морского капитана после падения режима Чаушеску развивалась стремительно: в 1991–1992 и в 1996–2000 гг. он – министр транспорта, 1992–1996 гг. – депутат парламента. Благодаря активному характеру и решительности он приобретал все большую известность. Очень популярным Бэеску стал в бытность свою мэром Бухареста (2000–2004) благодаря активной хозяйственной деятельности и борьбе с коррупцией.

В 1990-е годы Бухарест представлял собой чисто восточный конгломерат со стаями агрессивно настроенных бродячих собак, толпами цыганских детей-попрошак, с полуразрушенными фасадами исторических зданий, уличным криминалом и вездесущими бродягами. Многое изменилось в столице за время мэрства Бэеску. Число собак кардинальным образом сократилось, была модернизирована система городского водоснабжения и освещения, а также система общественного транспорта, стало заметно чище и спокойнее. На этом посту будущий президент получил возможность непосредственного общения с народом, и народ оценил его, дав путевку в большую политику.

На президентских выборах 2004 г. Бэеску представлял либеральное крыло румынской политической жизни, а именно не очень многочисленную, но уважаемую Демократическую партию. Однако как самостоятельное политформирование Демократическая партия тогда не имела шансов на победу, поэтому она вошла в альянс «Справедливость и правда» вместе с более многочисленной Национал-либеральной партией.

Победа будущему президенту далась нелегко: он получил лишь минимальный перевес в 1,2% голосов. Его соперником был политик-тяжеловес Адриан Нэстасе – на тот момент премьер-министр и председатель солидной правящей Социал-демократической партии (СДП), вышедшей, как и Демократическая партия, из Фронта национального спасения, взявшего на себя властные полномочия сразу после падения режима Чаушеску в 1989 г.¹

¹ Многочисленная левоцентристская часть Фронта национального спасения после раскола преобразовалась в Партию социальной демократии Румынии. В 2001 г. после слияния с «исторической», но малочисленной Румынской социал-демократической партией она получила название «Социал-демократическая партия Румынии», сделав, таким образом, удачный ребрендинг. Ее основатель и идейный вдохновитель – первый посткоммунистический лидер и президент Ион Илиеску.

Президентские выборы-2004 стали самыми ожесточенными и драматичными со времени падения коммунистического режима. Драматизмом характеризовалось и все президентство конфликтного, несговорчивого, резкого Траяна Бэеску. Внутренняя среда в высшем эшелоне власти в тот период была нестабильной, конкурентной и противоречивой. Альянс праволиберальных сил «Справедливость и правда», как и предшествовавшая ему правая оппозиция 1996–2000 гг., оказался непрочным. При этом оппозиционная Социал-демократическая партия, имевшая большой вес в парламенте, старалась не упускать момента, чтобы этот хрупкий альянс разрушить.

У Бэеску с самого начала сложились конфликтные отношения с премьер-министром. Им в соответствии с предвыборным соглашением альянса был назначен председатель Национал-либеральной партии К. Попеску-Тэричану. Конфликт, как комментировали национал-либералы, во многом был вызван тем, что Бэеску хотел лично контролировать работу правительства. К примеру, президент выступил против предложения главы правительства немедленно вывести войска из Ирака. Также имели место разногласия в связи с назначениями в кабинет министров: наиболее неприятной была история с назначением министра иностранных дел. Руководитель внешнеполитического ведомства М.Р. Унгуряну, близкий сподвижник Бэеску, ушел со своего поста в результате громкого скандала: он не предупредил власти страны, что двое румынских граждан были задержаны в Ираке американцами по обвинению в шпионаже и несколько месяцев провели в тюрьме. Однако президент отказался назначить на должность главы МИДа кандидатуру, предложенную премьером. В результате премьер некоторое время исполнял обязанности и министра иностранных дел.

Согласно поправкам, внесенным в Конституцию в 2003 г., президент был лишен права отправлять в отставку премьер-министра. Это придало особую остроту их взаимоотношениям. Открытое личное противостояние вылилось в первые месяцы 2007 г. в серьезный кризис политической системы: президент решением парламента, где главенствовали социал-демократы, был временно отстранен от власти. Официальным основанием для такого экстраординарного решения стали выводы специальной парламентской комиссии. Та обнаружила, что Бэеску за два с половиной года своего президентства девятнадцать раз нарушал Конституцию. Ему, в частности, вменяли в вину смещение и назначение новых министров без согласования и консультаций с парламентом, отход от роли посредника в политической жизни

страны, вмешательство в работу органов правосудия и юстиции, предоставление необоснованных преференций некоторым лицам в процессе приватизации и получении выгодных контрактов и т.д. За это решение проголосовали не только оппозиционные партии (Социал-демократическая, Консервативная и «Великая Румыния»), но также и ряд депутатов из правящих Национал-либеральной партии и Демократического союза венгров Румынии.

Была ли какая-то подспудная причина беспрецедентного для Румынии решения парламента? Как сообщала пресса, Бэеску навлек гнев и страх правящей элиты рядом бескомпромиссных и неосторожных действий. В частности, вскоре после избрания президент подписал указ о создании Национального антикоррупционного департамента (НАД), задачей которого было расследование фактов коррупции в высших эшелонах власти. Открытые обвинения были выдвинуты многим, в том числе бывшему премьер-министру и кандидату в президенты А. Нэстасе, который был вызван на допрос по поводу строительства элитного дома в центре Бухареста. Скандал принял такие формы, что Социал-демократическая партия была вынуждена откеститься от своего прежнего лидера и лишить его всех должностей¹.

Последней каплей терпения стало исполнение президентом своего главного предвыборного обещания – покончить с коммунистическим прошлым. Назначенная президентом в декабре 2006 г. специальная комиссия по изучению секретных документов спецслужб обнародовала доклад, в котором упоминались имена ряда ведущих румынских политиков и крупных бизнесменов с их секретными именами в качестве агентов секуритате.

2007 год должен был стать личным триумфом Бэеску – 1 января Румынию приняли в Евросоюз. В обществе царил атмосфера радостных ожиданий. Это событие, однако, не было расценено как личная заслуга президента, напротив, он чуть было не лишился своих полномочий. Национал-либеральная партия весной 2007 г. объявила о расторжении альянса с пропрезидентской Демократической партией. Все представители НЛП, а также независимые члены кабинета министров подали в отставку. Тем временем Социал-демократическая партия при поддержке партии

¹ Это дело получило развитие в последующие годы. По данным следствия, Нэстасе незаконно перевел на счета своих фирм 2 млн долл. из средств, которые предназначались для ведения его избирательной президентской кампании в 2004 г. В 2012 г. Нэстасе был наконец осужден.

«Великая Румыния» и Консервативной партии выдвинула предложение объявить президенту импичмент. Главным инициатором этой интриги был председатель СДП Мирча Джоанэ, который «рассчитывал, что импульсивный Бэеску после объявления в парламенте импичмента подаст в отставку (вначале Бэеску так и планировал поступить) и будут объявлены новые президентские выборы» [Брутер, 2007]. Джоанэ планировал принять участие в этих выборах, заручившись поддержкой Национал-либеральной партии, составлявшей основу правительства. В обмен на это социал-демократы обещали национал-либералам поддержку правительства меньшинства.

19 апреля 2007 г. румынский парламент на объединенном заседании верхней и нижней палат принял решение приостановить на тридцать дней полномочия президента под предлогом неконституционности его действий. От власти президент был отстранен, но расчет оппонентов не оправдался. В этот драматический для себя момент Бэеску принял решение согласиться на всенародный референдум, предусмотренный Конституцией в таком случае. Спустя месяц референдум состоялся, и избиратели вернули своего любимца в президентское кресло: около 75% голосовавших высказались против импичмента. Этот несостоявшийся импичмент, считали некоторые эксперты, лишь усилил популярность Бэеску в обществе [Pavel, 2010, p. 4].

По-другому воспринимала президента элита. Как левые, так и правые ее представители выступили тогда против Бэеску, опасаясь в том числе за свой статус и личное благополучие. Еще в середине 1990-х аналитики делали вывод о том, что верхний слой румынских политиков имеет тенденцию к превращению в замкнутый деидеологизированный класс, неотъемлемой чертой которого является защита собственных интересов. Система неформальных связей при этом продолжает благополучно функционировать, и разорвать этот заколдованный круг чрезвычайно сложно.

Следует признать, что, придя к власти, Бэеску попытался на деле разворошить муравейник неформальных отношений политической и экономической элит. Вместе с тем его самого обвиняли в продвижении в политику и на высшие государственные должности людей, не имеющих необходимых качеств и компетентности. Президенту ставили в укор, что он создает ближний круг преданных лиц – «семью». Были и другие обвинения, которые, правда, не удалось доказать. Известно, что, будучи министром транспорта, Бэеску проводил приватизацию торгового флота. Позже СМИ

утверждали, что активы были проданы по явно заниженным ценам, и подозревали министра в коррупции.

Недоброжелатели обвиняют Бэеску и в связях со спецслужбами при режиме Чаушеску. Эти предположения основываются только на том, что по долгу службы Бэеску часто бывал за границей. Сам Бэеску заверяет, что его связи со спецслужбами были минимальными: в то время у любого, кто занимал хоть какую-то руководящую должность и ездил за рубеж, такие контакты были обязательными.

Проблемы, возникшие у Бэеску, были обусловлены во многом типом самой системы правления. После 1989 г. Румыния перешла к полупрезидентской системе. Президент, однако, играет здесь более важную роль, чем в обычной полупрезидентской системе. Президента избирают прямым всеобщим голосованием и от него многое зависит: он назначает премьер-министра, при нем действует Совет по обороне с очень широкими полномочиями. Однако кабинет министров формируется в соответствии с результатами парламентских выборов, независимо от предпочтений президента и поддерживающей его партии.

Бэеску активно пользовался своими дополнительными полномочиями, чем вызывал критику со стороны оппонентов. «Если первые два президента за годы своего мандата воздерживались от прямого втягивания в политическое противостояние (исключение составляли лишь самые первые годы правления Иона Илиеску), то Траян Бэеску заявил о себе как о “президенте-игроке”. Он извлек немалую выгоду из состоявшегося в 2003 г. пересмотра Конституции, продлившего президентский мандат с четырех до пяти лет и расширившего президентские полномочия в отношении системы правосудия. Он использовал весь потенциал своей должности, иногда балансируя на грани законности, пытаясь нейтрализовать политических противников. В эту борьбу были вовлечены и правоохранительные органы, которые подверглись реформированию под предлогом борьбы с коррупцией, но на деле использовались для преследования видных политиков» [Тиугеа, 2014]. Оппоненты Бэеску обвиняли его в стремлении создать систему личной власти с опорой на силовые структуры. Даже его борьба с коррупцией, по их мнению, имела единственную цель – уничтожение политических противников.

После неудавшегося импичмента 2007 г. в румынской политической элите начались сложные процессы образования новых партий и коалиций. Надвигались парламентские выборы. Лиди-

рующие позиции на этих выборах, состоявшихся 30 ноября 2008 г., занял альянс, казалось бы, несовместимых между собой Социал-демократической и Консервативной партий, с одной стороны, и новое политическое формирование – Демократическо-либеральная партия (ДЛП)¹, поддержавшая президента Бэеску, – с другой. По итогам голосования они получили, соответственно, 33,09 и 32,36% голосов.

Возникает вопрос, как новой Демократическо-либеральной партии удалось получить такой хороший результат. Причина, возможно, кроется в удачной предвыборной агитации. Судя по всему, политическая программа и риторика представителей ДЛП были положительно восприняты традиционным электоратом националистической партии «Великая Румыния». На этих выборах «Великая Румыния», которая обычно получала около 10% голосов, не смогла преодолеть даже пятипроцентный барьер, и ее представители не прошли в парламент.

Национал-либеральная партия, которую возглавлял бывший премьер-министр К. Попеску-Тэричану, набрала лишь чуть более 18% голосов. Как в 1996 и 2004 гг., пришлось формировать правящую коалицию, но ее наполнение было совершенно иное: она должна была объединить две равнозначные по влиянию, но во многом противоположные силы. И вот 14 декабря 2008 г. было подписано коалиционное соглашение «Партнерство ради Румынии». Правящая коалиция теперь состояла из непримиримых оппонентов – левоцентристских социал-демократов и праволиберальных сил. Проведя консультации с лидерами парламентских партий, президент выдвинул на пост премьер-министра кандидатуру руководителя ДЛП Эмиля Бока, который был утвержден.

Результатов такого «союза» недолго пришлось ожидать. В октябре 2009 г., накануне очередных президентских выборов, Румыния оказалась фактически без правительства. Кризис начался с уходом сразу девяти министров, которые обвинили Бэеску в том, что он намерен фальсифицировать итоги предстоящих президентских выборов. Вскоре парламент выразил вотум недоверия премьер-министру Э. Боку, и тот был вынужден уйти в отставку. В начале ноября 2009 г. румынские депутаты отвергли новую кан-

¹ Демократическо-либеральная партия была дальновидно создана сторонниками Бэеску незадолго до парламентских выборов в результате объединения новой Либерально-демократической партии (образованной в том числе из тех, кто покинул «старую» НЛП) с пропрезидентской Демократической партией.

дидатуру на пост премьера, предложенную президентом. Вслед за этим МВФ объявил о приостановке своей программы финансирования страны ввиду нестабильности политической ситуации в Румынии. В такой политической кутерье Бэеску не только осуществлял текущую деятельность, но и готовился вновь баллотироваться в президенты.

22 ноября 2009 г. состоялись новые президентские выборы, и (о чудо!) с минимальным перевесом приблизительно в 1% голосов президент Бэеску победил своего нового оппонента Мирчу Джоане, как и Нэстасе, представителя Социал-демократической партии. Вокруг результатов выборов сложилась скандальная ситуация, ибо Джоане их оспаривал. После пересчета голосов Конституционный суд все же признал победу действующего президента. Новую правящую коалицию составили Демократическо-либеральная партия и Демократический союз венгров Румынии. Премьер-министром был снова назначен Э. Бок.

Накануне президентских выборов-2009 Бэеску выступил с инициативой проведения парламентской реформы. Реформа, говорил президент, позволит сократить расходы на содержание госаппарата и ускорить законодательные процедуры, снизить коррупционные риски. Суть инициативы состояла в том, чтобы упразднить двухпалатную парламентскую систему и сократить количество депутатов. До изменений в Конституции в 2003 г. обе палаты имели одинаковые полномочия и совместно утверждали законы. Ранее, если мнение палат расходилось, то специальная комиссия согласовывала окончательный текст закона. После референдума 2003 г. Сенат был объявлен решающей палатой, что ускорило согласование законов. Однако по-прежнему процесс принятия решений затягивался.

Половина румынских избирателей (50,16%) приняла участие в общенациональном референдуме по вопросу о необходимости реформирования парламента. Он проходил одновременно с президентскими выборами; большинство участников высказались в поддержку реформ: уменьшения количества депутатов и замене двухпалатного парламента однопалатным. Однако эта реформа так и не была осуществлена. Сама президентская инициатива вызвала неоднозначные оценки: некоторые заявляли, что смысл ее – популистский: привлечь к голосованию большее количество избирателей, симпатизирующих Бэеску.

Президентские выборы-2009 подтвердили мнение, что в посткоммунистической Румынии президентская власть всегда имела и имеет больше полномочий, нежели это позволяют конституции-

онные рамки и законодательство. Одной из немногих удавшихся попыток ограничения президентской власти считается внесение в 2003 г. уже упомянутой поправки в Конституцию, согласно которой президент не может отправить в отставку премьер-министра (ст. 107). Именно эта поправка позволила в 2008 г. премьеру К. Попеску-Тэричану выполнить до конца срок своих полномочий, несмотря на попытки Бэеску прервать его деятельность на этом посту.

Второй срок президентства Бэеску пришелся на мировой экономический кризис, поэтому ему пришлось проводить непопулярные реформы и принимать жесткие меры экономии. Кризис ударил по Румынии сильнее, чем по многим другим странам Восточной Европы. С октября 2009 г. жители Румынии постоянно проводили акции протеста против сокращения и замораживания зарплат в государственном секторе. Особенную остроту уличные манифестации приобрели в мае 2010 г. в связи с тем, что МВФ потребовал для ужесточения режима экономии снижения зарплат на 25%, а пенсий на 15%.

В январе 2012 г. страну охватили массовые протесты против намеченной реформы здравоохранения. Протестующие требовали отставки президента и правительства. В результате правительство Э. Бока, поддерживающее президента, ушло в отставку.

В феврале 2012 г. левоцентристская Социал-демократическая партия и праволиберальная Национал-либеральная партия сформировали Социал-либеральный союз, занявший большинство мест в парламенте. Этот союз в мае 2012 г. утвердил нового премьер-министра – социал-демократа Виктора Понту. С этого момента начались новые разногласия: между премьером и парламентом, с одной стороны, и президентом – с другой. В 2012 г. Социал-либеральный союз обвинил Траяна Бэеску в нарушении Конституции, ущемлении прав граждан и создании помех для нормальной работы правительства.

6 июля 2012 г. парламент Румынии снова вынес Траяну Бэеску импичмент. И снова был назначен референдум. Незадолго до этого Бэеску призвал граждан к бойкоту референдума. За импичмент проголосовали 87% участвующих в голосовании, но в результате недостаточной явки (46%) референдум был признан недействительным. 21 августа Конституционный суд Румынии признал референдум несостоявшимся. Президент получил право вернуться к исполнению своих обязанностей. Нелишне отметить, что президента Бэеску открыто поддержали Европейская комис-

сия, канцлер Германии Ангела Меркель и посольство США в Бухаресте. Последнее, конечно, также способствовало его восстановлению в должности.

Несмотря на все экономические и политические перипетии, Бэеску удалось удерживать власть в течение положенных ему десяти лет. Не в последнюю очередь ему всегда помогала популистская составляющая его политического имиджа. Популизм – вообще характерная черта румынской политической жизни. Зачастую он является тактическим ходом в ущерб стратегическим целям политики. Аналогичная ситуация наблюдается на всем пространстве посткоммунистической Европы. Популизм, в том числе правого радикально-националистического толка, как известно, имеет достаточное распространение и в Западной Европе.

Однако Бэеску – вовсе не ординарный популист, который все обещает, но мало что делает. Он прежде всего обладает некоторыми чертами, которые действительно подкупают: это в первую очередь искренность и убежденность. Рядовые граждане, участвующие в социологических опросах, отмечают, что он активен и смел, понятен и близок простому человеку, его считают также богобоязненным [Cioflanca, 2007].

Прямота Бэеску при этом выражается не только в словах. Так, будучи членом нижней палаты парламента в 1992–1996 гг., он стал первым румынским парламентарием, который отказался от депутатской неприкосновенности в ответ на обвинения в участии в аферах с продажей судов на предыдущем посту министра транспорта.

Бэеску, безусловно, – человек дела и готов служить своей родине до последнего. В Румынии, и не только в ней, всегда популярен образ «политика-спасителя», настоящего, мужественного человека. К типу «политика-спасителя» относят и Траяна Бэеску. Он к тому же спаситель, так сказать, профессиональный, ибо был капитаном морского флота, а теперь, как полагали многие, «пришел, чтобы спасти нас» [Macoveicius, 2007].

К тому же он прирожденный полемист, спорщик, оратор. Он умеет выразить мысль ярко, смело, доходчиво, а часто и парадоксально. Так, например, во время теледебатов со своим соперником по президентской гонке А. Нэстасе в 2004 г. Бэеску заявил: «Вы знаете, величайшим проклятием Румынии сейчас является то, что ей приходится выбирать между двумя бывшими членами коммунистической партии» [цит. по: Леерс, 2011].

Журналисты, однако, не очень жаловали Бэеску в роли президента. Напротив, они соревновались друг с другом, коллекцио-

нируя его скандальные высказывания вроде «школы выпускают идиотов» или «это первый компетентный армянин, которого я встречал» (речь шла о враче, который делал президенту операцию). Бэеску в свою очередь платил журналистам откровенной грубостью. Так, в 2006 г. за критическую статью о себе он назвал корреспондента газеты «Curentul» обидным словом «găozar» (от румынского – педик).

Имидж правдолюбца и «своего парня», который в любых обстоятельствах может рубить правду-матку, Бэеску создал и на международной арене.

Каковы были позиции Румынии во внешнеполитической сфере ко времени вступления президента Бэеску в должность в ноябре 2004 г.? Уже был подписан (3 июля 2003 г.) многотрудный базовый российско-румынский договор. Российско-румынские отношения, как ожидалось в Москве, должны были бы улучшиться, но этого, как показали дальнейшие события, не случилось. Румыния готовилась вступить в НАТО и 29 марта 2004 г. она была принята в эту организацию. Теперь румынское руководство ставило задачу скорейшего вступления в Евросоюз.

Вскоре после избрания Траян Бэеску, 14–15 февраля 2005 г., побывал с рабочим визитом в России, а 9 мая того же года даже принял участие в состоявшихся в Москве торжествах по случаю 60-летия Победы. Последнее воспринималось как свидетельство доброжелательных намерений. Ведь лидеры Литвы и Эстонии, так же как и румыны, недобрым словом вспоминаящие пакт Молотова–Риббентропа, не приехали.

Но это были не просто дружеские встречи. Их цель была вполне прагматичная. Согласно комментариям в СМИ, во время своего февральского визита Бэеску добивался включения Румынии в формат переговоров по разрешению приднестровского конфликта¹. Москва, как известно, категорически против участия Бухареста в обсуждении приднестровской темы. Никаких признаков сближения не последовало, и Бухарест продолжал отдаляться от Москвы, а 1 января 2007 г. Румыния вступила в Евросоюз.

¹ В 2000-е годы в разрешение приднестровского конфликта включились силы глобального уровня. Однако и переговоры в формате «5 + 2» (Молдавия, Приднестровье – стороны конфликта, Россия, Украина – страны-гаранты, ОБСЕ – посредник, Евросоюз и США – наблюдатели) не дали удовлетворительных результатов. Румыния не участвует в этих переговорах, но желала бы этого. Однако ни прямые заявления, ни косвенные намеки не находят понимания со стороны России.

Следующий прямой контакт на уровне президентов состоялся только в апреле 2008 г. Бэеску встретился с Путиным во время саммита НАТО, который проходил в Бухаресте. В рамках саммита происходило также заседание Совета Россия – НАТО. Обстоятельства этой встречи были очень напряженными. В повестке дня стоял вопрос о расширении НАТО: лидеры Украины и Грузии обратились с официальной просьбой о предоставлении их странам статуса участников Плана действий по подготовке к членству в НАТО.

США всячески продвигали эту инициативу, и Румыния была среди стран, однозначно поддерживавших США. Из-за резкого противодействия Москвы и ряда западноевропейских государств решение о подготовке процесса к членству Украины и Грузии, как известно, было отложено. Тем не менее в период саммита тональность румынской прессы была весьма благожелательной, и можно было надеяться на новые конструктивные подходы. В ходе встречи Путин – Бэеску последний получил приглашение посетить Москву с официальным визитом. Этот визит, однако, не состоялся. Вскоре последовали грузинские события августа 2008 г. Официальный Бухарест поддержал Саакашвили.

Существуют и другие причины, осложняющие российско-румынские отношения. Это – Молдавия¹, где интересы России и Румынии сталкиваются напрямую. В румынской политической доктрине всегда присутствовал импульс к объединению с «исконными братьями»-молдаванами, но при Бэеску Румыния чрезвычайно активизировала действия, направленные на «румынизацию» соседнего государства, что совершенно неприемлемо для России, привыкшей считать Молдавию зоной собственного геополитического интереса.

За время своего президентства Бэеску неоднократно и в провокационной манере заявлял о необходимости объединения Румынии и Молдавии, которую он называл «румынской землей». Бэеску не раз заявлял, что путь в Евросоюз для Молдавии лежит только через объединение с Румынией. Он даже предлагал сделать воссоединение двух государств третьим крупнейшим национальным проектом Румынии после вступления в НАТО и ЕС. После окончания президентских полномочий Бэеску вспоминал однажды: «Когда мой мандат только начался, в 2004, у меня была мысль

¹ Эти земли были заселены молдаванами издревле. Сама Румыния как самостоятельное государство возникла позже, и только с 1918 по 1940 г. Бессарабия была частью Большой Румынии.

о том, что нужно работать над объединением двух государств. В 2005 г. провели опрос, который показал, что только 3% граждан РМ – унионисты. Тогда я понял, что нужно делать. Чтобы дать возможность молодежи узнать Румынию, я увеличил количество стипендий. Так, от 130 вакантных мест для студентов РМ мы дошли до пяти тысяч. Подумайте, каждый год 20 тыс. студентов учат тут то, чего их родители не знали, погрязая в московской пропаганде. Затем я решил предоставлять проще румынское гражданство тем, кто его невольно потерял, и их родственникам до четвертого колена. И, если не ошибаюсь, в 2013 г. еще раз провели опрос, в котором за объединение выступало уже 28% населения» [цит. по: Păduraru, 2016].

В этом контексте нельзя не обратить внимания на то, что при вступлении в НАТО Румынии было позволено обойти Устав Североатлантического альянса в отношении неурегулированных отношений с соседними государствами. Румыния до сих пор не имеет ни базового договора, ни договора о границах с Молдавией. Бэеску же неоднократно заявлял о ненужности такого договора, ибо Молдавия – незаконно отторгнутая часть Румынии: «В конце концов, мы говорим о разъединении, приказанном Сталиным и Гитлером и исполненном их министрами иностранных дел: Молотовым и Риббентропом. Почему у нас нет силы духа сказать, что мы больше не хотим жить по модели, установленной двумя преступниками? И ответ скрыт в моем утверждении: страх.

Помимо страха, большая часть молдавских политиков хотят иметь свою страну. Это одна из основных проблем, ради которой они систематически отклоняют обсуждение вопроса объединения. Я пытался запустить этот диалог на всех уровнях, но от них слышен всегда один аргумент, тот же, который был и у Иона Илиеску в начале 90-х: “Не время!”» [цит. по: Păduraru, 2016].

Бэеску ставит здесь все точки над *i*, и нельзя отказать ему в трезвости суждений. Особую активность в этом направлении Бэеску стал проявлять после истечения срока своих президентских полномочий. Еще будучи президентом, он заявил, что будет просить молдавское гражданство, когда покинет высший государственный пост. По его мнению, этот шаг должен ускорить политический процесс объединения. Бэеску действительно стал гражданином Молдавии, но, правда, лишь через полтора года после окончания срока президентских полномочий.

Для тех в Молдавии, кто ощущает себя румынами, Бэеску – почти национальный герой. Став председателем новой румынской

партии «Народное движение», Бэеску активизировал свою унионистскую риторику не только в пределах Румынии, но непосредственно в Молдавии. «Мы единственная политическая партия, взявшая в качестве политической цели страны, третьей целью после интеграции в НАТО и ЕС, объединение Румынии с Республикой Молдова. Эта цель возможна, пока у политиков есть мужество говорить об этом. Уверяю вас, что за десять лет я обсуждал эту тему на встречах с ведущими политиками мира, в том числе с президентом Российской Федерации – одним из двух, чей мандат совпал с моими», – сказал экс-президент [цит. по: Гамова, 2016].

Бэеску критикует нынешнего румынского президента Клауса Йоханниса за то, что тот провозгласил главной целью страны присоединение к зоне евро: «Ничего смешнее не придумаешь. Обязательство по договору о присоединении к ЕС не может быть целью страны. Целью страны должно быть объединение Румынии с Молдавией» [Экс-президент..., 2015].

За годы президентства Траяна Бэеску Румынии удалось не только максимально приблизиться к Западу и оформить этот процесс институционально. Характерной чертой правления Бэеску стала демонстрация полнейшей лояльности политике Вашингтона. В этот период Румыния преуспела в этом отношении даже более других восточноевропейских стран. Неприятной новостью для Москвы было сообщение о договоренности между США и Румынией создать на ее территории американскую военную базу, а затем – решение румынского правительства о размещении элементов американской системы ПРО. Рамочный договор о размещении в Румынии американских баз был подписан в декабре 2005 г., будучи первым соглашением такого рода с бывшей коммунистической страной в Восточной Европе. В 2006 г. авиабаза «Михаил Когэлничану» стала первым военным объектом в Румынии, принявшим постоянный контингент американских войск¹.

Когда 3 мая 2011 г. было объявлено о том, что достигнута договоренность о размещении в Румынии базы американских ракет-перехватчиков, Россия обратилась с просьбой о юридических гарантиях и предложила совместную разработку системы ПРО, но представители НАТО, как известно, уклонились от обсуждения этой темы.

¹ Аэродром «Михаил Когэлничану» – бывшая авиабаза ВВС Румынии. Находится недалеко от морского порта Констанца. Этот аэродром американцы использовали в начале операций в Афганистане и Ираке. Позже кроме этой базы в Румынии под свои нужды Пентагон арендовал еще три военных объекта.

13 сентября 2011 г. договор о размещении на территории Румынии элементов противоракетной обороны США был подписан. Двустороннее соглашение с Соединенными Штатами предусматривало создание комплекса противоракетной обороны, который включает развертывание радиолокационной станции и противоракет ПРО. Объект в Румынии – часть системы противоракетной обороны НАТО. После начала ввода в эксплуатацию в 2015 г. он находится под командованием и управлением НАТО.

Бэеску, в свойственной ему популистской манере, следующим образом комментировал вопрос о юридических гарантиях, на которых настаивала Россия: «Мы защищаемся от государств, имеющих неизмеримо меньший потенциал, или от террористической атаки, а не от России, которая имеет тысячи ракет. Что могут сделать 24 ракеты против арсенала Российской Федерации?» [Bănescu, 2012].

Как известно, на протяжении многих лет Россия старалась ослабить проникновение НАТО в Черноморский регион. Румыния же как черноморская страна и член НАТО в меру своих возможностей содействовала политике альянса. Бэеску проявлял себя в этом направлении особенно демонстративно. В частности, именно по его инициативе 6 июня 2006 г. в Бухаресте состоялся саммит «Черноморского форума диалога и партнерства», в котором приняли участие президенты Румынии, Армении и стран – членов ГУАМ (Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии). Турция направила в Румынию государственного министра, а Болгария – главу МИДа. В его работе принимали участие также представители ООН, ОБСЕ, Совета Европы и НАТО. В числе прочего на форуме были затронуты проблемы «замороженных» конфликтов в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. «Черноморский форум задуман как площадка для широкого обсуждения политических вопросов на уровне глав государств всего региона», – заявил Бэеску накануне саммита [цит. по: Соловьев. Официальное..., 2006].

Обсуждение политических вопросов на этом форуме, судя по всему, было понято в Москве как стремление к усилению евроатлантического присутствия в регионе. Путин отказался участвовать в этом мероприятии. Глава МИДа С. Лавров сказал: «Мы скептически относимся к созыву абстрактных форумов с размытой повесткой дня» [цит. по: Соловьев. Румыния..., 2006].

Президент Бэеску в свою очередь неоднократно заявлял, что не доверяет России из-за присутствия российских войск в Приднестровье. Его беспокоил также факт продления в 2010 г.

договора с Украиной о базировании российского флота в Севастополе. Особенно резко комментировал румынский президент роль и участие России в развертывании украинского кризиса. Он не только поддержал западные санкции в отношении нашей страны, но и ратовал за их ужесточение. Бэеску даже прямо обращался к США с просьбой о военной поддержке Киева.

При этом в наиболее острый период – весной 2014 г. – Бэеску проявлял крайнюю нервозность и даже сокрушался, что значительная часть мужского населения страны находится на заработках в Западной Европе: сокращены возможности срочной мобилизации. На совместной с молдавским президентом Н. Тимофти пресс-конференции в Яссах он заявлял, что присоединение Россией Крыма – это только начало «планов Путина», и под угрозой находится также и Молдавия [Бэеску: Россия..., 2014].

В период своего президентства Бэеску отличался и особо демонстративной антироссийской риторикой. Эта «риторика» и вольные геополитические импровизации Бэеску становились даже скандальным хитом мировых СМИ. Иногда они воспринимались как некие фигуры политической клоунады. Чего стоят высказывания о том, что Россия считает Черное море «русским озером», а политика «Газпрома» хуже «нашествия Красной армии»!

В июне 2011 г., в 70-летнюю годовщину начала операции «Барбаросса», Бэеску сказал на румынском телевидении, что маршал Ион Антонеску, перейдя в 1941 г. реку Прут, действовал из патриотических соображений, ибо его цель состояла в возврате «исторических территорий» – Бессарабии и Буковины. Поэтому ему понятны тогдашние мотивы румынского военачальника и премьера. Последовали возмущенные комментарии со стороны МИД РФ и российских СМИ, обвинивших президента в поддержке фашистской Германии. Румынские СМИ, в свою очередь, возмутились тем, что президент в том же интервью назвал предателем и «слугой русских» короля Михая, вынужденно отрекшегося от престола в 1947 г. Председатель Национал-либеральной партии Крин Антонеску даже направил письмо с извинениями в адрес бывшего короля, которого сегодня считают в Румынии символом национальной истории. Крин Антонеску также уподобил президента «пьяному в деревенской корчме» и отождествил его с Гитлером в 1944 г., ибо последний как раз и назвал короля «слугой русских», после того как румынские войска в условиях наступления Красной армии в 1944 г. получили приказ короля перейти на ее сторону [Vulpe, 2011].

Под занавес своего президентства Бэсеску успел посоревноваться в «остроумии» с нашим вице-премьером Д. Рогозиным. Вылет последнего в Приднестровье на празднование дня Победы в мае 2014 г. осложнился тем, что и Украина, и Румыния отказались предоставить воздушное пространство для лайнера, в котором находился Рогозин. Позже российский вице-премьер счел уместным пошутить в социальных сетях: дескать, другой раз полечу в Европу на стратегическом бомбардировщике ТУ-160.

Бэсеску не преминул использовать скандальную шутку, чтобы весело поупражняться в ехидстве. «Я могу отреагировать на такие заявления единственно возможным образом. Надо выяснить, сколько водки выпил Рогозин, прежде чем делать такие заявления. Они полностью лишены уважения к другому государству, ко всему, что не является матушкой Россией», – заявил президент в интервью румынскому интернет-изданию *opiniatimisoarei.ro* [Traian Bănescu despre..., 2014].

Надо признать, что свое амплуа скандалиста и бунтаря румынский президент поддерживал иногда и в отношениях с западными странами. Например, после того как в сентябре 2011 г. Гаага заблокировала вхождение Румынии в Шенгенскую зону, румынские пограничники стали задерживать голландские тюльпаны, обнаружив в их луковицах «опасную бактерию». Затем глава государства публично выступил с просьбой, чтобы граждане его страны не покупали продукты из Голландии. «Я думаю, что не покупать голландские овощи – это правильно», – заявил Бэсеску местным телеканалам, добавив, что сам он предпочитает испанскую или турецкую продукцию [цит. по: Печко, 2011]. Такого рода «война продуктов», как известно, используется разными странами в качестве политической демонстрации, но главы государств в качестве актеров политической сцены обычно в ней не участвуют.

Нельзя не отметить, что Бэсеску порой действовал наперекор европейским партнерам и по достаточно серьезным вопросам. После признания странами Евросоюза независимости Косова в 2008 г. он твердо заявил, что Румыния считает Косово неотъемлемой частью Сербии и никогда не признает его независимость. Это вызвало очень серьезное раздражение в Брюсселе. Причина же такой позиции в том, что Румыния опасается территориальных притязаний Венгрии, поэтому независимо от того, кто ее возглавляет, очень последовательна в защите нерушимости существующих европейских границ. Стоит вспомнить также позицию Румынии на саммите НАТО в Бухаресте в 2008 г. Наперекор Франции

и Германии Румыния поддержала американскую идею о вступлении в НАТО Украины и Грузии.

Сегодня, уже после истечения срока президентских полномочий, Бэеску не оставляет политической деятельности. Как отмечалось, он продолжает трудиться на ниве сближения Румынии и Молдавии, предпринимая активные шаги в этом направлении. Нельзя не заметить при этом определенной сдержанности в его сегодняшних публичных выступлениях и интервью, что подтверждает очередной раз заключение о том, что это политик прагматичный и достаточно осторожный, несмотря на внешнюю оболочку скандалиста и даже клоуна.

Румыния, ступив в декабре 1989 г. на путь демократизации, испытала много сложных моментов, но, как правило, во главе государства здесь оказываются личности яркие, неординарные. Кажется даже, что важнейшим и решающим условием занятия высшей государственной должности является в Румынии степень харизматичности претендента. Траян Бэеску – ярчайшая фигура, подтверждающая это заключение.

Список литературы

- Брутер В. Политическая ситуация в Румынии после референдума 19 мая и перспективы // Международный институт гуманитарно-политических исследований. – 2007. – 24 апреля. – Режим доступа: <http://www.igpi.ru/info/people/bruter/1180033617.html> (Дата обращения: 16.02.2016.)
- Бэеску: «Россия Крымом не ограничится, надо принимать меры» // Point. – 2014. – 19 марта. – Режим доступа: <https://point.md/ru/novosti/politika/beseku58-quotrossiya-na-krimu-ne-ostanovitsya-nado-prinyatj-meri-quot> (Дата обращения: 16.04.2016.)
- Гамова С. В Бухаресте не оставляют надежд присоединить Бессарабию // Независимая газета. – М., 2016. – 12 апр.
- Леерс Г., Печко В. Человек недели: Траян Бэеску // Euromag. – 2011. – 16 декабря. – Режим доступа: http://www.euromag.ru/man_of_week/16098.html (Дата обращения: 10.02.2016.)
- Печко В. Президент объявил бойкот // Euromag. – 2011. – 13 декабря. – Режим доступа: <http://www.euromag.ru/romania/15928.html> (Дата обращения: 19.02.2016.)
- Соловьев В. Официальное мнение: Наши отношения были заморожены, и это была ошибка // Коммерсант. – М., 2006. – 29 июня.
- Соловьев В. Румыния не дозволялась России на Черноморский форум // Коммерсант. – М., 2006. – 6 июня.

- Тиугеа Г.-В. Демократический транзит в Румынии (1989–2014): Надежды, достижения, разочарования // Новое литературное обозрение, Неприкосновенный запас. – 2014. – № 5. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/5490#sthash.RzEUALgp.dpuf> (Дата обращения: 11.09.2015.)
- Экс-президент Румынии предложил провести референдум об объединении с Молдавией // ТАСС. – 2015. – 17 августа. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2191095> (Дата обращения: 09.02.2016.)
- Bănescu T. Interviu exclusiv cu Traian Bănescu // Radio Vocea Rusiei. – 2012. – 15 august. – Mode of access: http://romanian.ruvr.ru/2012_08_15/85172633/ (Дата обращения: 16.01.2016.)
- Cioflanca A. Clientul electoral, stăpinul nostru. Populistii satisfac așteptări de rol ale electoratului pe care politicienii onorabili le ignoră // Ziarul de Iași. – Iași, 2007. – 8 marț.
- Macoveiciuc A., Olteanu M., Ioniță I.M. Demagogia și populismul cuceresc politica românească. Traian Bănescu, Gigi Becali și Marian Vanghelie conduc în topul băieților duri // Adevărul. – Buc., 2007. – 2 mart.
- Păduraru P. Interviu cu ex-președintele României, Traian Bănescu: «Discuțiile mele cu Putin au fost întotdeauna legate de respectarea acordului de la Istanbul» // Timpul.md. – 2016. – 7 martie. – Mode of access: <http://www.timpul.md/articol/interviu-cu-ex-presedintele-romaniei-traian-basescu-discutiile-mele-cu-putin-au-fost-intotdeauna-legate-de-respectarea-acordului-de-la-istanbul-89290.html> (Дата обращения: 12.05.2016.)
- Pavel D. Prezențialismul românesc și alegerile. De la Iliescu la Bănescu // Sfera polit. – Buc., 2010. – N 143. – P. 3–11.
- Traian Bănescu despre amenințările lui Rogozin: Trebuie să aflăm câtă vodcă consumase înainte de a face afirmațiile la adresa României // Opinia Timisoarei. – 2014. – 11 mai. – Mode of access: <http://www.opiniatimisoarei.ro/exclusiv-traian-basescu-despre-amenintarile-lui-rogozin-trebuie-sa-aflam-cata-vodca-consumase-inainte-de-a-face-afirmatiile-la-adresa-romaniei/11/05/2014/> (Дата обращения: 06.03.2016.)
- Vulpe M. Antonescu: Bănescu 2011 este Hitler 1944. «Vorbește ca un bețiv la cărciuma satului» // EVZ.RO. – 2011. – 23 iunie. – Mode of access: <http://www.evz.ro/antonescu-cere-scuze-regelui-mihai-pentru-agresiunea-stupida-a-apatridului-moral-traian-basescu.html> (Дата обращения: 26.02.2015.)

И.С. Путятина
ЗОРАН ДЖИНДЖИЧ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СЕРБИИ
(конец 70-х годов XX в. – начало 2000-х)

Ключевые слова: Сербия; кризис государственности; политический процесс; Ю. Хабермас; оппозиционный кружок; С. Милошевич; многопартийная система; выборы; политические убийства.

Keywords: Serbia; statehood crisis; political process; Ju. Habermas; opposition circle; S. Milosevic; multiparty system; elections; political assassination.

Зоран Джинджич – не только одна из значимых фигур в сербской политике 1990-х – начала 2000-х годов, но и человек, чья деятельность получала и продолжает получать диаметрально противоположные оценки как в Сербии, так и в России. Сербскими СМИ о Джинджиче был создан негативный миф как о предателе, шпионе и мафиози, хотя о нем точно так же мог бы быть создан и позитивный миф – доктор философии, интеллигент, реформатор, современный политик западного типа, который был необходим Сербии. Будучи первым демократически избранным премьер-министром Сербии, Джинджич заявлял о готовности немецкого капитала к сотрудничеству, блестяще знал немецкий язык и немецкую бюрократическую машину изнутри – все это могло послужить на пользу стране, однако не принималось во внимание и записывалось ему в минусы, а не в плюсы [Perović, 2006, s. 31]. Основной причиной негативного отношения является его активная прозападная позиция. Политики, ориентировавшиеся только на западные образцы и призывавшие следовать им без учета местной специфики, вызывали неоднозначную реакцию в сербском обществе, начиная со времени построения современной сербской государственности в XIX в.

Однако, на наш взгляд, было бы недопустимым упрощением демонизировать З. Джинджича и приравнивать его деятельность вслед за некоторыми сербскими политиками к вредительской [Николић, 2012]. Возникновение политиков подобного склада отнюдь не уникальное явление 90-х годов XX в. На политической арене Сербии и Королевства Югославия периодически появлялись деятели, настроенные активно прозападно. В XIX в. общественные деятели прозападной и русофильской ориентации появились в Сербии благодаря политике выделения стипендий на образование молодежи за рубежом: в Европе или России. Именно с XIX в. берет начало характерная для Сербии традиция прихода в политику высокообразованных людей – профессоров и преподавателей по преимуществу гуманитарных специальностей – историков, юристов и философов. В этом смысле доктор философии З. Джинджич¹, принадлежавший к образованнейшим политикам в новейшей истории страны², был типичным явлением для Сербии. Традиция выдвижения на значимые посты в государстве высокообразованных людей жива до сих пор³. Причем, в отличие от отечественной бюрократии, сербские общественно-политические деятели, как правило, получают степени значительно раньше начала своей политической карьеры и государственной службы.

Вхождение Джинджича в сербскую политику в 1990-е годы было обусловлено кризисом государственности и необходимостью

¹ Символично, что докторскую степень по философии Джинджич получил в университете в Констанце, как и известный просветитель и создатель сербской письменности Вук Стефанович Караджич в 1823 г. [Petović, 2006, s. 12–13].

² Среди них были: основатель либеральной партии Йован Ристич (1831–1899), учившийся в Берлине и Париже и также имевший докторскую степень по философии; западник Милан Пирочанац (1837–1897), учившийся в Париже и Гейдельберге и в качестве председателя правительства пытавшийся реализовать широкую программу реформ по европеизации Сербии; основатель Прогрессивной партии Чedomиль Миятович (1842–1932), получивший образование в Мюнхене, Лейпциге, Цюрихе и Вене и преподававший в Великой школе в Белграде, также проводивший политику модернизации страны, будучи во главе правительства.

³ Например, посол Сербии в России в 2008–2012 гг. профессор, доктор юридических наук Елица Курьяк; посол Сербии в России с 2013 г. по настоящее время доктор исторических наук, академик Сербской академии наук и искусств (САНУ) Славенко Терзич; соратник З. Джинджича президент Югославии 2000–2003 гг. Воислав Коштуница – доктор юридических наук; президент Югославии 2004–2012 гг. Борис Тадич, сын академика Любомира Тадича, преподаватель психологии в Первой белградской гимназии. Список можно продолжать.

дать адекватный ответ на вызовы времени. Другими словами, появление Джинджича стало неизбежным.

Интерес к личности З. Джинджича стабильно высок. Российский журналист А.В. Шарый одним из первых отозвался на гибель сербского премьера, опубликовав в 2005 г. книгу-расследование в соавторстве с А. Куге [Шарый, Куге, 2005]. Влиятельный сербский историк доктор Л. Перович опубликовала исследование «Зоран Джинджич и сербское общество» [Perović, 2006, s. 9–73]. На данный момент монография Л. Перович является наиболее подробным описанием жизненного пути З. Джинджича. Опубликовано большое число книг, посвященных непосредственно убийству Джинджича [см., напр.: Vasić, 2005; Novaković, 2014], а одна из последних, вышедшая в 2014 г. – «Третья пуля: Политические обстоятельства убийства З. Джинджича» [см.: Vrzić, Veruović, 2014], – получила даже резонанс в отечественных СМИ (где проводились параллели между убийством Джинджича и убийством Б. Немцова 27 февраля 2015 г.) [Крутиков, 2015]. Отдельными изданиями вышли материалы судебного процесса над лицами, причастными к убийству Джинджича [Nezavršeni proces., 2007], также опубликованы свидетельские показания члена кабинета и советника Джинджича Владимира (Бэбы¹) Поповича [Svedočenje, pred Specijalnim sudom., 2006]. Периодически в СМИ разных стран появляются новости об обвиняемых по этому делу². Таким образом, без преувеличения можно сказать, что литература о Джинджиче множится с каждым годом.

Существует Фонд доктора Зорана Джинджича³, основанный 15 декабря 2003 г. по инициативе вдовы покойного, членов правительства и немецкого посольства в Белграде. Основными целями

¹ Балканской культуре свойственно использовать клички, данные людям в детстве или в юности, наряду или вместо имени. Это не признак криминализации общества, а особенность политической и речевой культуры. Клички используются в Сербии даже в газетных заголовках. Здесь и далее клички даются в круглых скобках. – *Прим. авт.*

² См., напр.: Убийца сербского премьера попытался сбежать из тюрьмы // Вести.Ru. – 08.02.2012. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=708850&tid=13607> (Дата обращения: 07.03.2016); Испания экстрадирует в Сербию подозреваемых в убийстве Зорана Джинджича // Вести.Ru. – 31.03.2012. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=757300&cid=999#> (Дата обращения: 07.03.2016.)

³ Сайт Фонда доктора Зорана Джинджича. – Режим доступа: <http://www.fond-djindjic.org/>

его работы являются поддержка научно-исследовательской деятельности в сферах, способствующих повышению политической культуры в обществе и развитию демократии, а также содействие обмену научной информацией с различными зарубежными организациями. Фонд предоставляет сербским студентам стипендии на обучение в немецких университетах.

Одним из проектов фонда является виртуальный музей З. Джинджича, в котором доступны для изучения некоторые рукописные материалы, хранящиеся в его личном фонде в Архиве Сербии, а также официальные документы, связанные с его политической деятельностью, научные и научно-популярные работы, публиковавшиеся с конца 1970-х годов¹.

Основной проблемой для исследователей, изучающих биографию и политические воззрения З. Джинджича, является отсутствие временной дистанции, так как многие участники тех событий не только живы, но и продолжают активно проявлять себя в политической жизни страны.

После убийства из практических и политических соображений, чтобы не дискредитировать Джинджича посмертно, были изданы сборники его трудов, куда вошло написанное им во время нахождения в оппозиции и после прихода к власти [см., напр.: Đinđić Z. *Srbija ni na Istoku...*, 1996; Idem. *Srbija u Evropi*, 2003; Zoran Đinđić o Kosovu, 2003; Đinđić Z. *Jedna srpska vizija*, 2004; Idem. *San o Srbiji*, 2004]. Однако часто мимо внимания исследователя проходит тот факт, что Джинджич имел докторскую степень по философии, полученную им в немецком университете в Констанце, и до прихода в политику активно занимался научной работой, был специалистом по философии марксизма и весьма плодовитым автором. Так, с момента первой публикации, посвященной теме его дипломной работы и осуществленной в 1976 г., когда Джинджичу было 24 года, за неполных 30 лет до момента его убийства список публикаций Джинджича расширился до 252 наименований (241 из которых на сербском и 11 на немецком языках) [Aranitović, 2006, s. 379–407; Melčić, 2006, s. 421–422]. Все это богатое наследие рассеяно по периодическим изданиям разных лет, поэтому лишь немногие исследователи обращаются к его трудам по философии, хотя это исторические источники первой категории, которые вполне могут пролить свет на политическое мировоззрение Джинджича.

¹ Сайт виртуального музея Зорана Джинджича. – Режим доступа: <http://www.zorandjindjic.org/>

Студенческие годы в Белграде и становление политика

Будущий первый премьер-министр демократической Сербии родился 1 августа 1952 г. в Босанском Шамце, где на тот момент служил его отец – офицер Югославской народной армии. Отца часто переводили, поэтому семья объездила всю Боснию и Герцеговину, но большую часть своего детства Зоран провел в Травнике (1961–1967). Семейная библиотека состояла всего из нескольких книг и не могла удовлетворить жажду знаний юного Джинджича, чей бунтарский характер проявился достаточно рано. Известно, что, будучи гимназистом, Джинджич выступил с предложением, чтобы из Конституции СФРЮ было убрано имя Йосипа Броз Тито. Тогда его впервые забрали в полицию и изъяли пишущую машинку. Отец же удовлетворился взятым с подростка обещанием, что подобное больше не повторится.

В 1967 г. отец Джинджича вышел на пенсию, и семья переехала в Белград, где Зоран окончил девятую гимназию в Новом Белграде. Отец хотел, чтобы сын получил практичную строительную специальность из опасений, что гуманитарное образование сделает из него радикала. Но Зоран в октябре 1971 г. поступил на философский факультет Белградского университета, что было первой важной вехой на его жизненном пути, так как именно здесь он получил импульс к политической деятельности.

В этот период в университете еще ощущался дух студенческих волнений 1968 г., на стенах оставались незакрашенными лозунги, призывающие к борьбе против «красной буржуазии». Атмосферу на кафедре философии определяла группа из восьми профессоров-марксистов, некоторые из них были сотрудниками философского журнала «Praxis» («Праксис»), издававшегося в Загребе в 1965–1974 гг. Журнал был рупором югославских философов, стремившихся позитивной критикой реального социализма вернуть марксизму креативный потенциал [подробнее о журнале «Праксис» и его роли в общественно-политической жизни Югославии см.: Inić S., Praxis..., 2001, s. 168–189; Eterovic I., 2007, эл. рес.].

Кроме того, упомянутая группа профессоров участвовала в основании международной Корчуланской летней школы, которая была своеобразной дискуссионной площадкой для философво-марксистов и проходила ежегодно в период 1964–1974 гг. Союз коммунистов Югославии (СКЮ) относился к этим инициативам двойственно. С одной стороны, государство финансировало теоретические исследования, с другой – строго следило за сохранением

границы между теорией и практикой. В конечном счете группа упомянутых профессоров-марксистов была оценена партийным руководством страны как главный организатор и вдохновитель студенческих волнений 1968 г.

Чтобы не допустить создания из группы профессоров организованной внутрипартийной оппозиции, а также в силу невозможности их исключения из партии (так как многие из них были старыми коммунистами и участниками антифашистского движения) было решено распустить партийную организацию философского факультета Белградского университета. В результате профессора факультета превратились во внепартийную оппозицию и продолжили свою деятельность с позиций раннего марксизма. Некоторые из них были уволены.

В этот период в Югославии набирал обороты внутривнутриполитический кризис: 1965 г. – критика экономической реформы как реставрации капитализма и констатация ее краха; 1966 г. – отставка противника федерализации Александра Ранковича с поста главы Службы государственной безопасности (УДБа) и исключение его из СКЮ, что было воспринято в обществе как антисербский акт; 1968 г. – обострение конституционного вопроса, демонстрации в Косово за расширение автономии края; студенческие волнения как первое массовое независимое общественное движение в коммунистической Югославии, выдвинувшее политические требования [Николич, 1989]. Под влиянием событий в Чехословакии, показавших невозможность реформирования государственного социализма в условиях гегемонии СССР, разгорелись внутрипартийные дискуссии в Югославии (в 1971 г. в Хорватии, в 1972 г. в Сербии), разрешившиеся в пользу ресталинизации СКЮ. Таким образом, ответом политической элиты страны на нарастающий внутривнутриполитический кризис стал твердый курс на идеологическое сближение с СССР.

Именно в этих обстоятельствах З. Джинджич начинает обучение на опальном философском факультете и делает первые политические шаги. С самого начала отличающийся крайней любознательностью Джинджич привлекал внимание профессоров, однако не был их любимцем, так как многим казался дерзким, претенциозным и не признающим авторитеты [Cvetković, 2012]. Однако упомянутые качества в людях часто пленяют ровесников, которые выдвигают их в лидеры. Это и произошло с Джинджичем. В результате он возглавил Союз студентов философского факультета Университета в Белграде (основан в 1936 г.), члены которого определяли себя как

радикальных коммунистов и ставили целью не повторение 1968 г., а исправление его ошибок. Как писал сам Джинджич, они считали своих предшественников в студенческом движении наивными людьми, позволившими коммунистам обмануть себя [цит. по: Perović, 2006, s. 21].

В этот период особенно значимой для идейного становления молодого Джинджича была его поездка в Любляну (январь 1974 г.) на студенческий съезд, созданный по инициативе комитета Союза студентов философского факультета в Любляне. На съезд были приглашены студенты, обучающиеся философии во всех университетах Югославии, однако по факту присутствовали только делегаты из Загреба и Белграда. Кроме З. Джинджича от Белградского университета присутствовал Миодраг Стоянович. Делегатами съезда был принят «Проект резолюции Союза студентов философских факультетов Белграда, Любляны и Загреба», содержащий левую критику социально-политической ситуации в стране.

Партийное руководство СФРЮ восприняло проект резолюции как программу оппозиции и попытку создания новых политических субъектов на базе существующих общественных организаций. Еще до официального осуждения проекта резолюции словенская полиция разогнала съезд студентов.

Этот инцидент произвел тяжелое впечатление на молодого Джинджича и способствовал дальнейшей радикализации его взглядов. Согласно воспоминаниям Джинджича, после названных событий полиция ворвалась ночью в комнату студентов с автоматами наперевес и вывела всех на улицу в нижнем белье в январский холод. Затем 15 человек загрузили в один автозак, так что они еле могли там дышать, целый час их куда-то везли, еще час допрашивали, но не избивали, и только после этого отпустили [цит. по: Perović, 2006, s. 22].

Так начался политический процесс против Джинджича. Последовали обыски в его белградской квартире. Целью следствия было вызвать недоверие в студенческой среде друг к другу и к профессорам университета, однако это привело только к усилению радикализации студенчества. Был создан забастовочный комитет, который мог в зависимости от ситуации призвать к генеральной забастовке весь Белградский университет. В печати началась травля непокорных студентов.

Суд состоялся в ноябре 1974 г. в Любляне. По совету адвоката Срджки Поповича обвиняемые студенты не сказали на процессе ни слова. По решению суда шесть студентов, в том числе и

З. Джинджич, были приговорены к шестимесячному тюремному заключению. Однако давление международной общественности помогло осужденным студентам избежать отбывания наказания. Кроме того, партийное руководство также не было расположено доводить дело до конца, поскольку в этот период возникла идея выдвижения Й.Б. Тито кандидатом на Нобелевскую премию мира. После этого процесса Джинджич отошел от политической деятельности. Это позволило ему в 1976 г. получить паспорт и разрешение на выезд из страны с целью продолжить обучение в Германии [Cvetković, 2012].

З. Джинджич принадлежал к категории людей, про которых поэт сказал: «По жизни так скользит горячность молодая, и жить торопится, и чувствовать спешит»¹. Так, он воспользовался положением статута философского факультета, согласно которому студент, имеющий средний балл в первые два года обучения больше восьми, мог ускорить обучение. В итоге Джинджич закончил учебу уже в декабре 1974 г., защитив диплом на тему «Карл Корш и трансформация взглядов на революцию в марксизме» под руководством профессоров Миладина Животича и Здравко Кучинара.

Защита Джинджича была своего рода событием на факультете, привлечшим большое число студентов. После защиты Джинджич принял решение остаться на факультете и поступить в аспирантуру. Во время обучения в аспирантуре он писал рецензии на книги и журналы для третьего канала Радио Белграда, чьей аудиторией была интеллектуальная элита, пытался найти постоянную работу, чтобы быть финансово независимым. После окончания аспирантуры ему не удалось остаться работать на факультете, попытки найти постоянную работу также не увенчались успехом. В результате Джинджич решил продолжить обучение в Германии, так как он занимался немецкой философией и планировал защищать докторскую диссертацию. Больше всего он стремился во Франкфурт-на-Майне, поскольку предметом его научных интересов была философия Франкфуртской школы.

¹ П.А. Вяземский. Стихотворения, – Ленинград, 1958. – С. 129.

Научная работа в Германии

Зоран уехал в Германию в начале 1977 г. Немецкий язык он знал недостаточно хорошо, изучал его самостоятельно, чтобы читать классиков немецкой философии в оригинале, с разговорным языком столкнулся только по приезду в страну.

В то время в студенческой среде Германии были популярны жилищные коммуны. Именно в такую коммуну-землячество и попал Джинджич. Ее лидером был доцент университета в Констанце Иван Гласер из Загреба, который помог Джинджичу в первое время и стал его близким другом на долгие годы. На момент приезда в Германию Джинджич находился на позициях радикальной марксистской левицы. В тот период в Германии и Европе происходили теракты Бригад Красной армии (далее – РАФ), деятельность которой привлекла его внимание. Однако вскоре он разочаровался в насильственных методах борьбы. После службы в армии в 1979 г. Джинджич больше не интересуется РАФ [Perović, 2006, s. 25].

Известно, что в Германии сербский студент серьезно занимался изучением анархизма. Есть свидетельства знавших его людей о том, что у него была обширная литература на эту тему. На Западе научный интерес к анархизму не угасал никогда, и если не идеология, то анархический этос свободы оказал сильное влияние на жизнь и философское творчество Джинджича. Он изучал идеи П.А. Кропоткина, особенно о солидарности и самоорганизации; занимался переводом на сербский язык его трудов, а также написанием комментариев и вступительных статей к ним [см., напр.: Đindić Petar Kropotkin..., 1984, s. 237–266]. Таким образом, Джинджич был прекрасно знаком с наследием русской революционной мысли.

3. Джинджич поступил в докторантуру Университета Констанца, где его научным руководителем был ученик Ю. Хабермаса Альбрехт Веллмер. Обычно на обучение в докторантуре отводится 4–5 лет, но Джинджич спешил и здесь, так как ему было необходимо вернуться на родину, чтобы отслужить в армии. Поэтому даже те исследователи, которые не отказывают Джинджичу в оригинальности трактовки К. Маркса, признают, что законченный вид его диссертация обрела только тогда, когда он подготовил ее к изданию на сербском языке [см.: Đindić. Jesen dijalektike..., 1987].

Службу в армии Джинджич проходил в Мостаре и Чаплине (Босния и Герцеговина), вспоминая это время как худшее в своей жизни, сродни тюремному заключению. Период службы Джинджича совпал со временем долгой болезни и смертью Й.Б. Тито.

Страна как бы замерла в тишине на пороге неизвестности. Сразу же после окончания службы, даже не заезжая домой в Белград, из мостарского аэропорта Джинджич вылетает обратно во Франкфурт и снова погружается в научную деятельность.

В 1982–1984 гг. он получил престижную стипендию Александра Гумбольдта, для чего ему понадобились рекомендации известных югославских профессоров. Их дали видный хорватский философ «школы праксиса» Гайо Петрович (1927–1993) из Загреба, а также отец будущего президента Сербии Бориса Тадича и один из будущих основателей Демократической партии в 1989 г. профессор из Белграда Любомир Тадич (1925–2013). Именно в этот период Ю. Хабермас был официальным научным руководителем З. Джинджича, однако лично они встречались всего несколько раз.

В начале 80-х годов XX в. в период обучения в докторантуре Джинджич отходит от марксизма и обращается к изучению идейного наследия Гегеля.

Его пребывание в Германии совпало с полным восстановлением страны после Второй мировой войны, возрождением демократии и экономическим процветанием. Именно на примере Германии произошло знакомство Джинджича с современным западным обществом, его институтами и базовыми ценностями. Таким образом, для Джинджича немецкий опыт оказался чрезвычайно важен, из Германии он привез убежденность в том, что государственная элита Югославии должна осознать свои стратегические ошибки и прекратить выставлять их как знак избранности сербского народа. Его друзья и знакомые свидетельствуют, что из Германии он вернулся совершенно другим человеком. По возвращении Джинджич стал определять себя как либерала, а его амбиции скорее лежали в плоскости науки, чем политики. В академических кругах его считали «немецким учеником» и называли шпионом.

Формирование оппозиции

После 1985 г. З. Джинджич стал чаще приезжать в Белград и подолгу оставаться в нем. Он поддерживал связи с опальными профессорами-марксистами, уволенными по решению скупщины Сербии от 28 января 1978 г. с философского факультета, но продолжающими работать в Центре философии и социальной теории, который позднее был преобразован в Институт философии и соци-

альной истории. Вместе с теоретиком сербского национального движения, писателем и будущим первым президентом Югославии Добрицей Чосичем¹ (1921–2014) эта группа профессоров представляла собой самый влиятельный оппозиционный кружок в Белграде. У них были разветвленные международные и внутриюгославские контакты, поэтому дело белградских профессоров получило широкую огласку. И хотя они занимались исключительно критикой социально-политической обстановки в стране и не планировали создания организованного оппозиционного движения, власть именно их считала своими основными противниками.

На тот момент членов данной оппозиционной группы удерживали вместе два главных фактора: во-первых, большинство из них выступали против наследия Й.Б. Тито и однопартийной системы; во-вторых, многие ее члены неоднократно подвергались судебным преследованиям за вербальные преступления. Когда указанные факторы перестали иметь решающее значение, группа рассыпалась, так как теоретически и политически изначально не была гомогенной. Из их числа вышли лидеры многих политических партий, которые испещрили политическую сцену в Сербии в 90-е годы XX в.

З. Джинджич, без сомнения, был близок этой группе по политическим целям, однако он был одновременно и более либеральным, и в то же время более радикальным, чем ее члены. Кроме того, они относились к разным поколениям. Джинджич никогда не состоял в СКЮ, не мог он быть и диссидентом. Однако главными все же были теоретические разногласия. После обучения в Германии Джинджич ставил в вину своим профессорам то, что они держали студентов «в духовном марксистском гетто» [цит. по: Perović, 2006, s. 32]. Он обращается к изучению либерализма и подчеркивает, что марксисты-практики, критиковавшие строй, в формировании которого сами участвовали, объективно поддерживали этот режим, хотя субъективно и выступали против. Даже

¹ Д. Чосич был знаком с З. Джинджичем с 1972 г., покровительствовал молодому философу и считал его своим другом, хотя в 1990-е годы и критиковал многие его начинания. После гибели Джинджича в серии интервью сербским СМИ Чосич неоднократно заявлял, что Джинджич вовсе не был предателем национальных интересов, в 2002 г. осознал ошибочность своей политики по отношению к Косово и Метохии и воеводинскому сепаратизму, а также критически высказывался относительно возможности быстрой интеграции Сербии в ЕС. Однако товарищи по партии не поняли Джинджича [см., напр.: Ћосић, 2011].

несогласные между собой марксисты всегда отвергали либерализм как идеологию буржуазного общества.

Таким образом, Джинджич прошел путь становления типичного сербского интеллигента, однако результат этого становления был совершенно не типичен. Так, он осознанно относил себя к западникам и любые идеи воспринимал на западный манер, т.е. рационально и с практической точки зрения. Джинджич полагал, что зрелость человека и общества предполагает деэмоционализацию политики как необходимое условие для изменения и исчезновения идеологий. Эти его взгляды создавали напряжение в отношениях с друзьями и единомышленниками, а для режима С. Милошевича в 1990-е годы были просто неприемлемы.

Чтобы чаще и дольше бывать в Белграде, Джинджич 1 июня 1986 г. поступил на работу в упомянутый Центр философии и социальной теории. Он все еще метался между Белградом, Франкфуртом и Веной и не мог сделать окончательный выбор в пользу науки или политики. В октябре 1988 г. Джинджич подал документы на конкурс по замещению должности экстраординарного профессора философского факультета в Нови-Саде и в мае 1989 г. был принят. Однако он только числился там, но никогда не преподавал.

Этот факт использовали против него его политические противники, когда он уже был премьером, хотя нет подтвержденных данных о том, что Джинджич когда-либо представлялся профессором. Также в период премьерства ставится под вопрос качество докторской диссертации Джинджича, поскольку ее защита прошла мимо сербских академических кругов. Считается, что слабость его диссертации не афишировалась во время избрания Джинджича профессором, чтобы не дискредитировать антимилошевичский блок. Однако оригинальность докторской диссертации Джинджича так и не была ни подтверждена, ни опровергнута, хотя разговоров по этому поводу было много.

Во второй половине 80-х годов XX в. в стране уже начались политические изменения. На восьмом заседании ЦК Союза коммунистов Сербии (СКС) в 1987 г. было высказано требование о создании югославянской федерации на централистской основе и таким образом в СКЮ дело дошло до внутрипартийного путча.

Главной особенностью Сербии, отличавшей ее от стран так называемой народной демократии, была глубокая укорененность коммунистического режима. Здесь коммунистов к власти привели не советские танки, а народно-освободительное движение во время Второй мировой войны. Поэтому тот режим, который в других

странах Восточной Европы уже готов был пасть, в Сербии после антибюрократической революции 1987 г. и прихода к власти в СКС Слободана Милошевича наоборот усилился и переживал подъем. Таким образом, партия, уже 40 лет находившаяся у власти, сумела стать и властью, и оппозицией в одном лице. Представляя одновременно континуитет власти, СКС в то же время олицетворял, во-первых, оппозицию предшествующему сербскому руководству, а во-вторых, оппозицию в рамках СКЮ [Стойанович, 2005, с. 117–119].

Впоследствии сила нового вождя С. Милошевича получила плебисцитарную поддержку, поскольку им были подхвачены националистические лозунги, сформулированные оппозиционной сербской интеллигенцией еще в середине 80-х годов XX в. Таким образом, сербская демократическая оппозиция 90-х годов XX в. оказалась вынуждена разделить национальную программу правящей партии, чтобы не лишиться народной поддержки. Однако З. Джинджич не разделял всеобщей эйфории и в антибюрократической революции видел аграрную контрреволюцию¹ [цит. по: Perović, 2006, s. 35].

В те годы он написал серию эссе о государственном устройстве и будущем Югославии, публиковавшихся в журнале «Книжевне новине» («Литературные новости») на протяжении 1986 г. и позднее вышедших отдельным изданием [см.: Đinđić. Jugoslavija..., 1988]. К написанию этих работ Джинджича побудила полемика, связанная с группой словенских интеллигентов вокруг журнала «Нова ревия» («Новый журнал»). В Югославии бытовало мнение, что эта группа не учитывала югославский дискурс, полностью сосредоточившись на словенском национальном вопросе. Джинджич же полагал, что словенцы лишь цивилизованно и практично продемонстрировали надуманность данного дискурса, поскольку Югославия существует только как название и территория с определенными границами, и никакого внутреннего наполнения и идентичности у этого понятия нет. Он сравнил Югославию со свечой, горящей сразу с двух концов.

¹ Впоследствии режим С. Милошевича во многом держался на голосах сельских избирателей, которые в отличие от жителей Белграда и других крупных городов традиционно голосовали за социалистов. Во время югославского кризиса голоса сельских избирателей еще больше выросли в цене из-за частичной деурбанизации Сербии и отъезда учащейся молодежи и интеллигенции за границу. – *Прим. авт.*

Весь XX век прошел под знаменем дискуссий о характере югославского государства, о том, унитарным или союзным оно должно быть. Различия между республиками в экономической и социально-политической жизни существовали с XIX в. и не были результатом социалистического выбора, однако сложившаяся политическая система их законсервировала, так как в ней отсутствовал механизм саморегулирования, и все конфликты решались не в рамках конституционно-правового поля, а в рамках идеологии. Сложившуюся власть в Сербии Джинджич характеризовал как национальный социализм [цит. по: Perović, 2006, s. 38].

После падения Берлинской стены в 1989 г., воодушевленный происходящими переменами, Джинджич решает вернуться в Белград насовсем. На тот момент ему было 37 лет, и он с небывалой энергией отдается политической борьбе.

На политической сцене Сербии

История организации и деятельности политических партий в Сербии была весьма терниста. Несмотря на то что первые партии оформились достаточно рано – в 1881/1882 гг., им не суждено было основать новую политическую традицию. Запрещены они были уже после военного переворота 1929 г. и прихода к власти короля Александра Обреновича, а после победы на выборах в 1945 г. коммунистов другие партии в Югославии были упразднены. Кроме того, политическая жизнь Сербии имела монистический характер. Две наиболее влиятельные и существовавшие дольше остальных партии – Народная радикальная и Коммунистическая партии, причем первая была партией-гегемоном, а у второй была политическая монополия. С помощью четкой иерархической организации они поддерживали идею национального и социального единства; с политическими противниками обращались как с врагами, претендуя на роль единственных защитников народных интересов [Perović, 2006, s. 42].

В начале 1990-х годов XX в. в Сербии с огромной скоростью шел процесс формирования новых партий, часто они вели свою родословную от довоенных партий. Это был настоящий взрыв плюрализма – появлялось множество партий с почти идентичными программами, которые тут же включались в борьбу за власть. В условиях войны они постоянно делились и создавали различные коалиции между собой и с правящей партией, что отдаляло воз-

возможность создания программной оппозиции, которая представила бы реальную альтернативу власти. Формирующаяся многопартийная система в Сербии функционировала по принципу вождизма. Программа партии была, по сути, совершенно не важна, люди голосовали за лидера партии, поэтому наличие сильного лидера было жизненно важным для существования партии и ее успешной борьбы за власть [Гуськова, 2001, с. 579; Калоева, 2012, с. 97].

Формирование многопартийной системы в Сербии столкнулось с целым рядом сложностей. Прежде всего, это активное нежелание СКС создать благоприятные условия для развития партийного плюрализма и как следствие делить с кем-то власть. Власть в Сербии, хотя и была вынуждена легализовать партии и назначить первые многопартийные выборы на декабрь 1990 г., в то же время не обеспечила институциональных основ политического плюрализма: законы о выборах и о политических партиях были крайне сырыми. Именно это, а также физические расправы полиции и армии с оппозиционерами стали главными причинами, вынудившими оппозицию прибегнуть к внепарламентским методам политической борьбы.

Первая национальная политическая партия оформилась в Сербии в Сочельник 1990 г.: «Сербское народное обновление», его лидерами были Мирко Йович и Вук Драшкович, который в марте того же года основал правомонархическое Сербское движение обновления (СДО). За 1990 г. в Сербии было зарегистрировано 44 партии. В июле 1990 г. социалисты также оказались втянуты в процесс формирования многопартийной системы и путем слияния СКС и Социалистического союза рабочего народа Сербии основали Социалистическую партию Сербии (СПС) во главе с С. Милошевичем.

З. Джинджич был одним из 13 сербских интеллигентов (Чавошки, Мичунович, Коштуница, Пекич, Перишич, Глигоров, Данойлич, Джого, Инич, Янкович, Стоянович, Вукайлович), которые в декабре 1989 г. заявили о создании Демократической партии (ДП), что было реализовано в феврале 1990 г. Главой партии был избран профессор Драголюб Мичунович, а председателем исполнительного комитета З. Джинджич. На первых многопартийных выборах в Сербии Демократическая партия получила семь мандатов, и Джинджич стал главой парламентской группы.

Даже в среде руководства ДП не было единства по вопросу о первоочередных задачах партии: должна ли это быть антикоммунистическая борьба, национальная пропаганда или экономические и политические реформы. Поэтому партия раскололась, как и многие другие.

В сложившейся атмосфере¹ не высказываться по национальному вопросу было невозможно. Комиссия ДП сформулировала в 1990 г. «Проект национальной программы», в котором говорилось: «Демократическая партия считает легитимным стремление любого народа объединить как можно большее число соотечественников в одно государство... Национальная политика сербского государства, равно как и других национальных государств, должна придерживаться курса объединения всех территорий, населенных по преимуществу сербами, в единое государство... В случае выхода из состава Югославии тех или иных государств необходимо уведомить их, что в случае создания независимых государств они лишаются прав на территории, населенные югославским народом другой национальности» [Стоянович, 2005, с. 135]. Таким образом, опасаясь изоляции и осуждения за недостаток национализма, ДП фактически приняла актуальную тогда национальную программу правящей партии и тем самым подтвердила, что между властью и влиятельнейшими оппозиционными партиями по этому ключевому вопросу разногласий нет.

Убедившись, что партия приняла национальную программу СПС, из ДП вышел Слободан Инич, который затем неоднократно публично обвинял Джинджича в непоследовательности относительно решения национального вопроса и лавировании, а также называл его политиком торгашеского духа [Inić. Zoran Đinđić., 2001, s. 209–215].

Требуя провозглашения более радикальной национальной политики, чем даже у правящей партии, из ДП вышли Н. Милошевич и К. Чавошки, основавшие правонационалистическую Либеральную партию, деятельность которой продлилась до 2010 г., когда она не прошла перерегистрацию [Политичка сцена, 2010].

Более серьезный, концептуальный раскол произошел в ДП в 1992 г., когда В. Коштуница создал Демократическую партию Сербии (ДПС).

Первоначально ДП определяла себя как партию центра, стремящуюся к строительству либерального общества. В Про-

¹ В борьбе за сохранение Югославии Сербия осталась практически в одиночестве, ее поддержала только Черногория. Действия руководства страны во время югославского кризиса во многом объяснялись тем, что если другие народы Югославии при распаде федерации по республиканским границам образовывали национальные государства, то сербы становились разделенным народом. Около 1/3 всех сербов оказывалась за пределами своей республики. – *Прим. авт.*

грамме ДП от 1992 г. указывалось, что партия выступает за развитое гражданское общество, частную собственность, быструю приватизацию на рыночных условиях, свободу предпринимательства, за ограничение роли государства в жизни общества, интеграцию Сербии и Югославии в Европу [Гуськова, 2001, с. 582].

В октябре 1993 г. было принято решение поставить во главе предвыборной кампании ДП З. Джинджича, который вместе со штабом объездил около 100 населенных пунктов. Результат не заставил себя ждать: на внеочередных парламентских выборах в декабре 1993 г. ДП получила 29 мандатов в скупщине. А впоследствии этот успех привел к отставке Д. Мичуновича¹ с поста главы партии в 1994 г. и избранию на эту должность З. Джинджича.

Он видел в ДП мобилизационную партию коренных реформ, что требовало от Джинджича ясного понимания роли лидера партии, поскольку не только политические противники, но и единомышленники видели в том, как он спешил занять место лидера партии, большие политические амбиции и даже замашки диктатора. Джинджич часто говорил от первого лица, например «я принял решение», хотя официально считал ДП демократической партией, в которой все члены влияют на принятие решений [Perović, 2006, s. 48]. Очевидно, что, отказавшись от демократической формы и процедуры внутрипартийного принятия решений, ДП получила большую народную поддержку и стала вождистской, частью авторитарной культурной модели, доказывая ее актуальность в современной Сербии. Лучше всего это демонстрируют результаты партии на выборах: в период своей приверженности процедуре и центристской политике она на выборах 1990 г. получила всего 7% голосов, а в период Джинджича на выборах 1993 г. – 16,4% [Стоянович, 2005, с. 125].

В 1994 г. ДП разработала 20 новых законов и летом попыталась предложить их для обсуждения в скупщине. З. Джинджич отмечал: «Наш план – вызвать перемены программным давлением, а если это не удастся вместе с СПС, тогда против них, тогда забастовками, демонстрациями, выборами. В этом я вижу большой шанс для оппозиции, так как программный вакуум СПС все очевиднее» [цит. по: Гуськова, 2001, с. 583]. По национальному вопросу партия старалась высказываться как можно реже. Тем не менее во время боснийской

¹ В начале 1996 г. Д. Мичунович основал новую партию – Демократический центр, в который перешло несколько высших партийных функционеров из ДП, однако в 2004 г. Демократический центр снова объединился с ДП. – *Прим. авт.*

войны (1992–1995) Джинджич поддерживал Радована Караджича и был частым гостем в его резиденции [Inić. Zoran Đinđić.., 2001, s. 211]. Вероятно, потому, что сам был боснийским сербом. Впоследствии он утверждал, что политика предполагает лавирование.

3. Джинджич развивал концепцию государственного управления как современного предприятия, которое должно быть эффективным, экономичным и нацеленным на результат.

Накануне выборов 1996 г. ДП вступила в коалицию «Вместе» («Зайедно»), куда кроме нее вошли ДПС В. Коштуницы, СДО В. Драшковица, Демократический центр Д. Мичуновича и Гражданский союз Сербии (далее – ГСС). На союзных выборах 1996 г. коалиция получила 22 мандата, а также большинство в скупщинах Белграда, Крагуевца, Ниша и Нови-Сада. Таким образом, это был первый ощутимый удар по режиму С. Милошевича. Однако правящая партия отказалась признать поражение, что привело к массовым демонстрациям протеста в Белграде и других городах. Результаты выборов были признаны только в начале 1997 г. под сильным давлением со стороны оппозиции.

21 февраля 1997 г. Джинджич был избран мэром Белграда. Однако на этой должности он продержался чуть больше полугода и был смещен голосами СПС и СДО [Na jučerašnji.., 1997], что было одним из провалов разнородной коалиции «Вместе», из которой в сентябре 1997 г. накануне республиканских выборов вышло СДО. В результате коалиция «Вместе» и еще 18 политических партий бойкотировали выборы, а СДО получило 45 мандатов.

Распад коалиции «Вместе» Джинджич объяснял не личными конфликтами членов коалиции, а столкновением их мировоззрений. Он подчеркивал, что новое сербское государство не должны строить люди, живущие в категориях 1941–1945 гг. По Джинджичу, движущей силой изменений должно было стать послевоенное поколение не столько в физическом, сколько в духовном смысле, это должны были быть люди, которые не мыслят категориями Ужицкой республики и Равногорского этнического движения и соответственно не станут жить в состоянии латентной гражданской войны.

Д. Чосич, с симпатией относившийся к 3. Джинджичу, рассказывал, что спрашивал его, как может молодой человек быть хорошим министром, если министерская должность является его первым рабочим местом в жизни. На что Джинджич ответил, что не может модернизировать Сербию и ввести ее в Европу со старыми и бывшими и что в свое время Тито совершил революцию не

со стариками, а с юношами, среди которых он сам был «Старым» в Политбюро, где все остальные были моложе его по меньшей мере на 15 лет [Perović, 2006, s. 44–45].

После распада коалиции «Вместе» Джинджич поставил себе целью создание нового демократического блока. Лицом этого объединения он видел непартийную личность и нашел его в директоре Национального банка Югославии Драгославе Аврамовиче (1919–2001), который был весьма популярен в народе за то, что смог остановить гиперинфляцию в стране и стабилизировать курс динара [Динкич, 2005, с. 352–388]. Так, в 1998 г. образовалась коалиция Союз за изменения, куда вошел ГСС и еще несколько партий. В сентябре 1999 г. после бомбардировок НАТО Союз за изменения был одним из инициаторов демонстраций протеста против режима С. Милошевича, которые прошли в Белграде и других крупных городах.

Много противоречивой информации касается деятельности Джинджича в период бомбардировок НАТО 1999 г. Внешняя канва событий такова: первые три недели бомбардировок он провел в Белграде, а затем после заказного убийства 11 апреля журналиста Славко Чурувия Джинджич из боязни физического устранения со стороны подконтрольных Милошевичу спецслужб выехал в Черногорию, а потом в Германию. Находясь за границей, он давал интервью различным СМИ, в которых высказывался против режима С. Милошевича и за продолжение бомбардировок, поскольку считал, что они не будут продолжительными и завершатся мирными переговорами, в результате которых, как он надеялся, власть Милошевича падет. По возвращении в страну в июле 1999 г. Джинджича стали считать предателем, работающим непосредственно на Госдепартамент США. Причем в этом сходились не только его политические противники внутри страны [Николић Т. Ђинђић је био мафијашко..., 2012], но и некоторые зарубежные СМИ [Clark, 2003]. В отсутствие З. Джинджича С. Милошевич провел настоящую кампанию по его дискредитации в СМИ, так что, по некоторым данным, Джинджич считал для себя маловероятным возвращение в политику, однако соратники из ДП его уговорили [Vesić, 2010].

З. Джинджич был архитектором и мотором создания 21 июля 2000 г. Демократической оппозиции Сербии (ДОС) – коалиции, объединившей Союз за изменения (восемь партий) и еще десять разнородных по размеру и влиянию партий, среди которых самыми сильными были ДП и СДО. Однако последнее в том же году вышло из коалиции.

В 2000 г. в качестве кандидата на президентских выборах СРЮ от ДОС был избран В. Коштуница (ДПС). Накануне был изменен закон о выборах, и теперь президент СРЮ избирался всеобщим тайным голосованием, а не союзным вече, как было ранее. Во время предвыборной кампании Джинджич отошел на второй план, принял на себя роль менеджера предвыборной кампании и совершил агитационную поездку по стране, что вполне возможно и принесло победу Коштунице. Правительство Милошевича заявило о подтасовке результатов выборов. По данным счетной комиссии, Коштуница набрал 48% голосов, таким образом, до победы в первом туре ему не хватило 2%, и было объявлено о подготовке второго тура. В ответ ДОС призвала граждан к демонстрациям. 5 октября демонстранты захватили здание скупщины и республиканского телевидения, что вынудило С. Милошевича 6 октября подать в отставку. Эта так называемая «бульдозерная революция» была последней в ряду бархатных и в то же время первой среди цветных.

Известно, что даже при подготовке демонстраций 5 октября Джинджич не хотел, чтобы на улицах Белграда пролилась кровь. Накануне он пытался договориться со спецслужбами и убедить их перейти на сторону ДОС, в частности он встречался с главой Подразделения по специальным операциям (ПСО) Департамента государственной безопасности Милорадом Улемekom (Легией)¹. В отличие от многих других участников событий, Джинджич прекрасно осознавал реальное положение дел: в противовес существующей авторитарной власти у оппозиции не было ничего, она не являлась организованной политической силой, готовой к восстанию. Однако в сложившейся ситуации полиции было выгодно представляться другом народа и отказываться стрелять в граждан, поскольку это могло помочь ее главам сохранить посты и избежать ответственности за серию нераскрытых политических убийств в случае окончательного падения Милошевича.

В эти дни Джинджич не мог позволить себе впасть в эйфорию, о чем свидетельствуют воспоминания, оставленные им о

¹ Милорад Улемек, сменивший фамилию на фамилию жены Лукович, родился в 1968 г.; кличку Легия – Легион он получил после службы во Французском иностранном легионе, куда сбежал, так как на родине был в розыске за ограбление. Вернулся в 1992 г., командовал спецназом «Красные береты» – Службы государственной безопасности Сербии. В 2003 г. арестован по обвинению в убийстве З. Джинджича, осужден на 40 лет. В заключении занимается написанием книг о своем прошлом (вышло уже 16). – *Прим. авт.*

церемонии инаугурации Коштуницы. Он писал: «Памятуя об опыте Керенского и других буржуазных революций, начинавшихся с общенародного энтузиазма и закончившихся кровью и военным переворотом, у меня все время было неприятное ощущение, что все это иллюзорно и ничего еще не закончено. В эти ночи я не мог заснуть. Все СМИ твердили о победе, но никто не понимал, что у этой победы нет никаких гарантий. Где будет власть, когда мы разойдемся по домам? Ее не станет. В то время как у социалистов есть механизмы власти, которые функционируют и в их отсутствие» [цит. по: Petrović, 2006, s. 51].

Премьер-министр

После вступления в должность Коштуницы было сформировано правительство переходного периода, и началась подготовка к парламентским выборам. 23 декабря 2000 г. ДОС одержала победу на выборах и получила 176 из 250 мандатов, из которых 47 мандатов было у ДП и 40 у ДПС. К концу января 2001 г. было сформировано правительство Сербии, во главе которого встал З. Джинджич.

Он считал, что после 5 октября Сербия получила второй шанс, и, принимая неблагодарный и трудный в этот период пост премьера, Джинджич был уверен, что сможет использовать этот шанс. Министр полиции в правительстве Джинджича вспоминал, что спрашивал его, зачем такой молодой и умный человек, как Джинджич, стал премьером в первом же правительстве; почему не выбрал на это место кого-нибудь другого из партии, постарше, для кого этот пост стал бы достойным завершением политической карьеры. В ответ Джинджич заявил, что пусть лучше он, чем кто-то другой, и что у него хватит мужества [Petrović, 2006, s. 54].

Необходимо было выработать отношение к десятилетнему периоду войн и режиму, допустившему это. Прежде всего нужно было решить, как поступить с С. Милошевичем. До революции 5 октября Джинджич, как и другие сербские политики, высказывался за то, что С. Милошевича необходимо судить дома. Однако демократические страны требовали подтверждения его личной ответственности за нарушения международного военного права перед Гаагским трибуналом (МТБЮ) и поставили это основным условием для нового открытия Сербии миру и ее вхождения в мировое сообщество. Кроме того, за «голову» Милошевича Сербии было обещано более 1 млрд долл. финансовой помощи. Чтобы

выдать Милошевича в Гаагу, нужно было достигнуть национального согласия. Однако желанного консенсуса не было, так как выдача Милошевича означала бы демистификацию авторитарного типа власти. Сτισнутый со стороны сторонников и противников выдачи Милошевича Джинджич и его правительство одним махом перерубили этот гордиев узел: С. Милошевич был арестован 1 апреля 2001 г., а уже 28 июня (на Видов день) с нарушением югославских законов и против воли Конституционного суда выдан Гаагскому трибуналу, что вызвало массовое недовольство в стране¹ [Никифоров, 2012, с. 116]. Принято считать, что выдача Милошевича была личной инициативой Джинджича. А само событие обставлено как спецоперация.

Анализ возможных причин, по которым Джинджич поступил именно так, в том числе и предполагаемую его личную неприязнь к Милошевичу, оставим позднейшим исследователям, поскольку в данный момент отсутствуют необходимая временная дистанция и документальная база для этого.

3 августа в Белграде был убит бывший сотрудник Службы государственной безопасности Сербии Момир Гаврилович. ДПС обвинила правительство Сербии в причастности к убийству и спустя две недели вышла из ДОС и республиканского правительства, заявив, что правительство не в состоянии справиться с организованной преступностью. Это было индикатором глубокого кризиса в ДОС, однако Джинджич сумел сохранить коалицию от распада и большинство в скупщине. Так произошел окончательный раскол между президентом В. Коштуницей и премьером З. Джинджичем.

З. Джинджич представлял силы дисконтинуитета с сербской великодержавной идеей. Он выдвигал идею свободного от идеологий современного государства, поэтому имел слабую поддержку и опору в историческом прошлом. Однако сложившаяся ситуация была такова, что позволила Джинджичу более четко, чем его предшественникам, высказаться за модернизацию и европеизацию Сербии. Соответственно, для этого необходимо было привести экономику и правовые нормы в соответствие с европейскими. В качестве альтернативы идеологии Джинджич пытался выдвигать

¹ В своих воспоминаниях бывший прокурор МТБЮ К. Дель Понте позитивно отзываясь о Джинджиче как о политике, понимавшем значимость привлечения военных преступников к ответу и решительно настроенном на сотрудничество с трибуналом, несмотря на риск [Дель Понте, 2008, с. 165–199, 288–293].

рациональную политику, но у этой концепции, во-первых, нет той эмоциональной привлекательности, какая есть у социальной и национальной идеологии, во-вторых, она подразумевает изменение приоритетов – их смещение от нации и государства к экономике, а в экономике результаты видны далеко не сразу. Вместо Югославии и национального государства Джинджич предлагал новую модель интеграции – в объединенную Европу.

Джинджич выступал за очень быстрые и болезненные реформы, т.е. то, что делалось в Европе за десять лет, Сербии нужно было осуществить за четыре-пять лет. Однако окружавшие Джинджича политики были эволюционистами, которые предполагали континуитет с политическими целями лидеров павшего режима параллельно с постепенным восприятием европейских ценностей и целей постсоциалистического переходного периода.

В представленной модели В. Коштуница в противовес Джинджичу являлся олицетворением эволюционистской концепции. За их борьбой стоял выбор между двумя концепциями развития сербской государственности – национально ориентированной и ориентированной на Запад – США и Германию.

При З. Джинджиче со своих постов были уволены не только сторонники С. Милошевича, но и просто национально ориентированные политики. Их места занимали сторонники ДОС. Как сегодня Украину, а в 90-е годы и нашу страну, Сербию наводнили западные консультанты, а национальные СМИ начали скупаться иностранцами [Никифоров, 2012, с. 117].

В. Коштуница чувствовал номинальность своей роли и дважды пытался поменять свой пост президента Югославии на пост президента Сербии. Оба раза он лидировал в президентской гонке, однако оба раза выборы были признаны несостоявшимися из-за недостаточной явки избирателей.

В феврале 2003 г. прекратила существование Союзная Республика Югославия и образовался Государственный Союз Сербии и Черногории. В результате чего В. Коштуница остался без своего поста, повторив судьбу первого и последнего президента СССР М.С. Горбачева. Казалось бы, формально З. Джинджич одержал победу, однако уже 12 марта 2003 г. он был застрелен из снайперской винтовки перед зданием правительства. Джинджич не дожил до 51 года, и это было далеко не первое покушение на его жизнь.

После него осталась вдова Ружица и двое детей – дочь Йована (род. 1990 г.) и сын Лука (род. 1993 г.)¹.

Насилие в сербской политической истории является скорее правилом, чем исключением. Развитие сербского парламентаризма с XIX в. сопровождала тень предвыборного терроризма и политических убийств: в 1883 г. король Милан Обренович расправился с радикальной партией, подавив Тимокское восстание; в 1887 и 1889 гг. во время предвыборной борьбы радикалы организовывали нападения на представителей Прогрессивной партии. Безусловно, лидирующую позицию занимают междинастические распри и убийства монархов. Из всех правителей Сербии только Милош Обренович умер своей смертью во время правления. Все остальные были либо убиты, либо вынуждены отречься. Насильно были смещены: Карагеоргий, князь Милош Обренович и его сын князь Михаил после первого их правления, князь Александр Карагеоргиевич, князь Михаил Обренович был убит в 1868 г., его племянник король Милан изгнан, сын Милана Александр Обренович убит в 1903 г., Петр Карагеоргиевич под давлением офицеров из «Черной руки» отрекся в 1914 г., его сын король Александр убит в 1934 г. в Марселе, король Петр оказался свергнут революционным путем вместе с монархией. Таким образом, традиция насильственной смены власти является одной из устойчивых культурных моделей Сербии [Стоянович, 2005, с. 120].

Убийство Джинджича было не первым крупным политическим убийством в Сербии на рубеже XX и XXI вв. Большой резонанс в обществе имело исчезновение Ивана Стамболича (5.11.1936–25.08.2000) – президента Югославии 1986–1987 гг. и бывшего политического покровителя С. Милошевича. И. Стамболич предполагал выставить свою кандидатуру на президентских выборах 2000 г. и возглавить ДОС, что заставило Милошевича отреагировать. Стамболич был похищен во время прогулки в белградском парке Кошутняк, его отвезли на север страны в район Фрушка Гора, где он был застрелен представителями ПСО и захоронен в яме с негашеной известью.

Через несколько часов после убийства Джинджича в Сербии было введено чрезвычайное положение, которое продолжалось 40 дней, из белградского аэропорта были задержаны все рейсы.

¹ Периодически в сербских СМИ обсуждаются предполагаемые баснословные капиталы Ружицы Джинджич, а также ее связи по линии Фонда З. Джинджича с канцлером Германии Ангелой Меркель [см., напр.: Да ли је Ружица..? 2013].

В стране была проведена широкомасштабная полицейская операция «Сабля», направленная против организованной преступности, но частично использовавшаяся и в политических целях для борьбы с противниками режима. Было задержано около 12 тыс. человек. Среди них – партийные функционеры, военные, судьи, эстрадные звезды. В убийстве Джинджича были обвинены представители организованной преступной группировки, так называемого «Земунского клана» [Шарый, Куге, 2005, с. 12] и члены ПСО во главе с М. Улемеком (Легией). Тем же самым М. Улемеком, с которым Джинджич вел переговоры в преддверии революции 5 октября 2000 г. [Никифоров, 2012, с. 119]. В результате операции «Сабля» оказался арестован и один из убийц И. Стамболича. На основе его показаний 28 марта 2003 г. было обнаружено тело Стамболича и со всеми почестями перезахоронено 8 апреля на Топчидерском кладбище в Белграде.

Зоран Джинджич был похоронен 15 марта 2003 г. на Новом кладбище Белграда в Аллее почетных граждан.

Посмертный рейтинг Джинджича как непримиримого борца с организованной преступностью резко вырос, но позиции ДОС стали слабеть, так как лидера подобного масштаба у коалиции не оказалось, хотя она сумела сохранить за собой премьерское кресло. Новым лидером ДП и премьер-министром стал Зоран Живкович. Однако на фоне дальнейшего ухудшения экономического положения страны и отсутствия обещанной странами Запада помощи правительство ДОС утратило авторитет. В ноябре 2003 г. скупщина была распущена. Так, с гибелью З. Джинджича закончился и трехлетний период правления ДОС в Сербии.

В 2007 г. завершился процесс по делу об убийстве Джинджича. 12 обвиняемых были приговорены Особым судом в Белграде к разным срокам лишения свободы – от 30 до 40 лет. Однако, как это часто бывает, обществу стала известна только техническая сторона дела: кто, как и чем убил премьера. Истинные же заказчики убийства так и остались неизвестными¹.

Сербская общественность считала Джинджича по меньшей мере противоречивой личностью. На Западе в нем видели адекватного партнера, европейца сербской национальности. Джинджич не был политиком под влиянием Запада, он был 100% западником по образованию и способу мышления. И хотя ему не хватило сил для

¹ На этот счет существует масса версий, в том числе и о причастности к убийству Джинджича приближенных Милошевича и его сына Марко. – *Прим. авт.*

полного ментального преображения сербского общества, ему удалось главная задумка: поляризация сербского менталитета, что было приравнено к разрушению мифов и предательству и не могло остаться безнаказанным.

Список литературы

- Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса, (1990–2000). – М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. – 720 с.
- Дель Понте К. Охота: Я и военные преступники / [Пер. с англ. Т.О. Новиковой, С.В. Артемова]. – М.: Эксмо, 2008. – 640 с.
- Динкич М. Экономика деструкции // Сербия о себе / Сост. Йованович М. – М.: Издательство «Европа», 2005. – С. 339–398.
- Калоева Е.Б. Партийная система в Сербии: Тернистый путь развития // Партии и избиратели в странах Центральной и Восточной Европы (2000–2010): Сб. науч. трудов / РАН. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; [отв. ред. Шаншиева Л.Н.]. – М., 2012. – С. 94–125.
- Крутиков Е. Британскую разведку обвинили в убийстве премьер-министра Сербии // Взгляд. – 16.03.2015. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/world/2015/3/16/734279.html> (Дата обращения: 29.02.2016.)
- Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – 176 с.
- Николич М. 1968: Студенческий протест в Югославии // Журнал Скепсис. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1420.html (Дата обращения: 07.03.2016.)
- Стоянович Д. Порочный круг сербской оппозиции // Сербия о себе / Сост. Йованович М. – М.: Издательство «Европа», 2005. – С. 115–160.
- Шарый А., Куге А. Молитва за Сербию. – Прага: Human Rights Publishers, 2005. – 192 с.
- Aranitović D. Bibliografija Zorana Đinđića // Zoran Đinđić: Etika odgovornosti Ured. Perović L. – Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. – S. 379–419.
- Clark N. The quisling of Belgrade от 14.03.2003 // The Guardian. – 14.03.2003. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/2003/mar/14/serbia.comment> (Дата обращения: 07.03.2016.)
- Cvetković S. Država protiv Đinđića // Вечерње новости – 31.01.2012. – Mode of access: http://www.novosti.rs/dodatni_sadržaj/clanci.119.html:364495-Drzava-protiv-Djindjica (Дата обращения: 07.03.2016.)
- Тосић Д. Ђинђићева политичка прекретница // Нова српска политичка мисао. – 29.05.2011. – Mode of access: <http://www.nspm.rs/hronika/dobrica-cosic-djindjiceva-politicka-prekretnica.html> (Дата обращения: 08.03.2016.)

- Да ли је Ружица Ђинђић најбогатија жена у Европи? // Васељенска ТВ. – 13.03.2013. – Mode of access: <http://www.vaseljenska.com/misljenja/da-li-je-ruzica-djindjic-najbogatiya-zena-u-evropi/> (Дата обращения: 07.03.2016.)
- Đinđić Z. Jedna srpska vizija. / Prired. Bogdanović E., Vulović D. – Beograd: Ateneum, 2004. – 178 s.
- Đinđić Z. Jesen dijalektike: K. Marks i utemeljenje kritičke teorije društva. – Beograd: Mladost, 1987. – 194 s.
- Đinđić Z. Jugoslavija kao nedovršena država. – Novi Sad: Književna zajednica Novog Sada, 1988. – 214 s.
- Đinđić Z. Petar Kropotkin – nepomućena vera u samoorganizovanje naroda // Kropotkin P.A. Anarhizam i moral. – Beograd: Prosveta, 1984. – S. 237–266.
- Đinđić Z. San o Srbiji. Prired. Vesna Mališić. – Beograd: Čigoja štampa, 2007. – 149 s.
- Đinđić Z. Srbija ni na istoku ni na zapadu / Prired. Čolević R. – Cepelin: Novi Sad, 1996. – 188 s.
- Đinđić Z. Srbija u Evropi / Prired. Popović N., Ivanović Ž. – Beograd: TANJUG, 2003. – 449 s.
- Eterovic I. Praxis – filozofski časopis kao odraz složene stvarnosti jednoga vremena // Klepsidra. – Rijeka, 2007. – Mode of access: <https://regskordinator.files.wordpress.com/2013/06/10-eterovic487-igor-praxis-filozofski-casopis-kaoo-draz-sloc5beene-stvarnosti-jednoga-vremena.pdf> (Дата обращения: 07.03.2016.)
- Inić S. Praxis kao rat // Inić S. Portreti. – Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2001. – S. 168–189.
- Inić S. Zoran Đinđić: politika kao šverc // Inić S. Portreti. – Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2001. – S. 209–215.
- Melčić D. Publikacije Zorana Đinđića na njemačkom jeziku // Zoran Đinđić: etika odgovornosti / Ured. Perović L. – Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. – S. 421–422.
- Na jučerašnjoj vanrednoj sednici gradskog parlamenta smenjen gradonačelnik Djindjić // Naša borba. – 01.10.1997. – Mode of access: http://www.yurope.com/nasa-borba/arhiva/Okt97/0110/0110_3.HTM (Дата обращения: 07.03.2016.)
- Nezavršeni proces: šta je ostalo nedorečeno tokom suđenja atentatorima na premijera Zorana Đinđića / Ured. Popović S. – Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2007. – 368 s.
- Николић Т. Ђинђић је био мафијашко чедо и мој стари пријатељ. – – Mode of access: <https://predragpopovic.wordpress.com/2012/06/24/%D1%82-%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%9B-%D1%92%D0%B8%D0%BD%D1%92%D0%B8%D1%9B-%D1%98%D0%B5-%D0%B1%D0%B8%D0%BE-%D0%BC%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%98%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE-%D1%87%D0%B5%D0%B4%D0%BE/> (Дата обращения: 07.03.2016.)
- Новаковић М. Државо, руке увис! Истина о убиству Зорана Ђинђића. – Београд: Вукотић медиа, 2014. – 287 с.

- Perović L. Zoran Đinđić i srpsko društvo // Zoran Đinđić: etika odgovornosti / Ured. Perović L. – Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. – S. 9–73.
- Политичка сцена без Либерала Србије, СДП-а, СЛС-а // Политика. – 26.01.2010. – Mode of access: <http://www.politika.rs/scc/clanak/121122/Politicka-scena-bez-Liberala-Srbije-SDP-a-SLS-a> (Дата обращения: 29.02.2016.)
- Svedočenje, pred Specijalnim sudom Vladimira Popovića na suđenju za ubistvo Zorana Đinđića. – Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. – 313 s.
- Vasić M. Atentat na Zorana Đinđića. – Politika: B92: Vreme: Narodna knjiga, 2005. – 303 s.
- Vesić G. Ovo je moja priča o Zoranu Đinđiću // Press. – 12.03.2010. – Mode of access: <http://www.pressonline.rs/info/politika/105373/goran-vesic-ovo-je-moja-prica-o-zoranu-djindjicu.html> (Дата обращения: 07.03.2016.)
- Vrzić N., Veruović M. Treći metak: politička pozadina ubistva Zorana Đinđića. – Pirot: Moja knjiga, 2014. – 444 s.
- Zoran Đinđić o Kosovu. / Prired. Erić S., Marić I. – Beograd, 2003. – 109 s.

В.Н. Бабенко
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ УКРАИНЫ:
ОТ ОБЕЩАНИЙ ПРОЦВЕТАНИЯ СТРАНЫ
К ЕЕ РАЗВАЛУ (1991–2014)

Ключевые слова: Украина; Л. Кравчук; Л. Кучма; В. Ющенко; В. Янукович; П. Порошенко; Россия; Европейский союз; кризис.

Keywords: Ukraine; L. Krawchuk; L. Kuchma; V. Yutshenko; V. Janukovich; P. Poroshenko; Russia; European Union; crisis.

После распада СССР Украина впервые в своей истории стала подлинно независимым государством. В достаточно сложной внутривнутриполитической обстановке ей пришлось искать свое место в международном сообществе и мировой экономике, разрабатывать основные направления своей внешней политики. При этом ее руководство не всегда учитывало особенности политических, экономических и историко-культурных факторов. А это нередко приводило, с одной стороны, к противостоянию различных политических сил в стране, с другой – к возникновению проблем в развитии отношений с Россией, с которой в советский период сложились тесные политические и экономические связи.

В то же время в геополитической стратегии США и государств ЕС главной целью стало стремление политически и экономически оторвать Украину от России, втянуть ее не только в Евросоюз, но и в НАТО. В среде российских политологов высказывается мнение о том, что «украинский конфликт изначально организовывался США против России, его ближайшей реальной целью является окончательный отрыв Украины от России» [Глазьев, 2016, с. 104]. В свою очередь украинский политолог Г. Касьянов обосновывает западный курс Украины необходимостью найти у США и ЕС «поддержку и противовес России». Он считает, что этому в значительной мере способст-

вовали политические элиты Украины, которые, с одной стороны, «балансировали между Россией и Западом и тонули в коррупции», а с другой – не желали «заходить слишком далеко в перетягивании каната с Россией» [Касьянов, 2007, с. 111–112].

Важное значение приобретают в связи с этим вопросы, связанные с ролью первых президентов, внесших свой вклад не только в определение политического выбора Украины, но и в разрушение национальной экономики и начавшийся процесс распада страны. В развитии института президентства на Украине можно выделить несколько этапов, обусловленных изменениями в форме государственного правления: 1) 1991–2005 гг. – президентско-парламентская республика; 2) 2005–2010 гг. – парламентско-президентская республика; 3) 2010–2014 гг. – президентско-парламентская республика. Это было обусловлено тем, что в Конституции и других нормативных актах Украины президенту и премьер-министру предоставлялись достаточно широкие полномочия, особенно в сфере реализации внешнеполитических решений. Правовая неурегулированность этих взаимоотношений нередко приводила к возникновению конфликтных ситуаций в период правления первых четырех президентов Украины. Противоречия в этот период были связаны с разработкой основных направлений национальной внешнеполитической стратегии. Они тесно переплетались с решением вопроса о выборе главного вектора интеграции: вступлении Украины в ЕС и НАТО или в Таможенный союз. Руководство Украины пыталось решать этот вопрос по-разному, в зависимости от складывавшейся политической конъюнктуры и других факторов.

Л.М. Кравчук (1991–1994)

Первым президентом Украины стал Леонид Макарович Кравчук. Он родился 10 января 1934 г. в селе Великий Житин Волинского воеводства Польской Республики, которое в 1939 г. было включено в состав Ровненской области Украинской ССР. В 1958 г. Л. Кравчук окончил Киевский государственный университет, а в 1970 г. – Академию общественных наук при ЦК КПСС. Экономист и преподаватель политической экономики по профессии, он прошел путь от консультанта-методиста областного Дома политпросвещения в 1960 г. до заведующего идеологическим отделом и секретаря ЦК КПУ в 1989–1990 гг. В 1990–1991 гг. Л. Кравчук стал вторым

секретарем и членом Политбюро ЦК КПУ, членом ЦК КПСС, а также являлся председателем Верховной Рады Украины.

Попытка государственного переворота в Москве 19 августа 1991 г. существенно ускорила процесс развития центробежных тенденций на Украине. Бывший в то время председателем Верховного Совета Украинской ССР Л. Кравчук занимал первоначально выжидательную позицию. Однако на него оказали давление представители либеральных и националистических партий, которые 19 августа создали коалицию «Независимая демократическая Украина» и осудили организацию путча в Москве. 21 августа Л. Кравчук созвал внеочередное заседание Верховного Совета, на котором попытка государственного переворота в Москве была признана неконституционной. 24 августа 1991 г. Верховный Совет Украинской ССР принял постановление «О провозглашении независимости Украины», а также «Обращение Верховного Совета Украины к Верховному Совету и Президенту РСФСР».

1 декабря 1991 г. был проведен референдум, в ходе которого более 90% принявших участие в голосовании граждан высказались за независимость Украины, а также выборы президента. Первым президентом Украины был избран Л. Кравчук. Примечательно, что 22 августа 1992 г. на сессии Верховной Рады Украины последний президент так называемой Украинской Народной Республики (УНР) в изгнании Н. Плавьюк передал президенту Украины Л. Кравчуку государственные регалии и вручил ему грамоту о том, что независимая Украина, провозглашенная 24 августа 1991 г., является правопреемницей УНР, которая реально существовала с ноября 1918 г. до ноября 1920 г. 5 декабря Л. Кравчук был приведен к присяге, а 6 декабря отправился в Минск на встречу с руководителями РСФСР Б. Ельциным и Беларуси С. Шушкевичем, где и были юридически оформлены роспуск СССР и создание СНГ.

К концу 1992 г. Украину признали 200 государств. В первые годы ее независимого существования необходимо было создать нормативно-правовую базу двусторонних отношений, образовать дипломатические миссии и решить другие проблемы. Однако важнейшее внимание надо было уделить установлению и развитию добрососедских отношений с РСФСР. В первую очередь следовало урегулировать большое число вопросов с Россией как правопреемницей СССР.

Одной из важнейших проблем, которую необходимо было решить Украине и России, являлась проблема передачи российской стороне ядерного оружия и боеприпасов. Объявив себя безъ-

ядерным государством, Украина располагала в 1992 г. 176 межконтинентальными баллистическими ракетами, оснащенными 1200 боеголовками, 41 бомбардировщиком, способным нести около 650 ядерных зарядов, а также более 2500 тактических ядерных ракет. Переговоры между руководством Украины, России и США продолжались в течение двух лет, в ходе которых Украина стремилась получить соответствующую компенсацию, а также гарантии своей безопасности.

14 января 1994 г. в Москве Б. Ельцин, Б. Клинтон и Л. Кравчук подписали Трехстороннее заявление президентов России, США и Украины, в котором они «приветствовали осуществляемую деактивацию ракет РС-18 (СС-19) и РС-22 (СС-24) на территории Украины путем снятия их боезарядов» [Россия – Украина..., кн. 1, с. 303]. В данном заявлении Россия и США подтвердили готовность предоставить Украине гарантии безопасности.

В 1991–1994 гг. достаточно стабильно развивались украинско-российские отношения в торгово-экономической сфере. Они регулировались Договором между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой от 19 ноября 1990 г., свыше 35 соглашениями, заключенными между правительствами двух стран, отдельными министерствами и ведомствами, а также другими нормативными актами.

Тем не менее в конце 1992 – начале 1993 г. возникла проблема погашения Украиной задолженности за полученный газ. Этот конфликт был достаточно быстро урегулирован. А 24 июня 1993 г. правительства двух стран подписали два соглашения и протокол, касавшиеся вопросов сотрудничества в газовой и нефтяной сферах.

Касаясь вопроса эксплуатации газопровода Украины, Л. Кравчук вспоминает, что еще в период его президентства «лишь только речь заходила о возможном совместном использовании украинской газотранспортной системы, наши так называемые национал-патриоты подымали крик», обвиняя президента в продаже национального богатства [Кравчук, 2009].

В двусторонних отношениях важнейшими стали также проблемы Крыма, статуса Севастополя и Черноморского флота. В то время Черноморский флот насчитывал 440 кораблей, 18 подводных лодок, примерно 200 вспомогательных судов, 300 самолетов и 70 000 персонала и должен был обеспечивать присутствие СССР в Средиземноморском регионе [Касьянов, 2007, с. 107].

В связи с тем что Черноморский флот обладал ядерным оружием, он находился в подчинении единого командования СНГ. Украина заявила, что она готова уступить России суда, оснащенные ядерным оружием, но претендует на половину других боевых кораблей. 5 апреля 1992 г. Л. Кравчук издал указ «О неотложных мерах по строительству вооруженных сил Украины», в котором предусматривалось формирование военно-морских сил Украины на базе Черноморского флота, т.е. фактически речь шла о передаче данного флота под юрисдикцию Украины. В ответ на это российский президент Б. Ельцин 7 апреля подписал указ «О переходе под юрисдикцию Российской Федерации Черноморского флота». Такие шаги могли привести к открытому конфликту между двумя странами.

Только 21 апреля 1994 г. в результате сложных переговоров в Севастополе министрами обороны двух стран было согласовано, как отмечает Ю.В. Дубинин, «конкретное распределение кораблей и судов между Россией и Украиной (164 корабля и судна ЧФ Украине – 18,3% и 699 кораблей и судов России – 81,7%)» [Дубинин, 2005, с. 191–192]. Однако не удалось договориться о месте базирования двух флотов. Украина считала, что Севастополь должен стать единым местом базирования украинского и российского флотов. Россия же настаивала на том, что Севастополь – база российского Черноморского флота. Потребовалась еще одна встреча на высшем уровне в Москве 17 июня 1994 г., в ходе которой было принято решение ускорить процедуру раздела флота.

Особое место в отношениях двух стран занимала проблема обеспечения жильем на территории Украины выводимых из Германии бывших советских воинских подразделений. В результате сложных переговоров 22 декабря 1992 г. министры обороны двух стран подписали «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о реализации на территории Украины Программы жилищного строительства для выведенных из Германии органов управления, частей и подразделений Западной группы войск», в соответствии с которым «для реализации Программы на территории Украины из выделенных ФРГ 7,8 млрд немецких марок на жилищное строительство для выводимых войск определяется доля в размере 755 млн немецких марок» [Россия – Украина., 2001, кн. 1, с. 140]. Таким образом, с учетом реального участия в обеспечении жильем военнослужащих, возвратившихся из Германии, доля Украины по сравнению с первоначально запрашиваемых Л. Кравчуком 52% была снижена

до 9,4%. В целом подготовка и подписание данного соглашения стали, как полагает Ю.В. Дубинин, «первым опытом решения сложных проблем между Россией и Украиной, порожденных ликвидацией Советского Союза» [Дубинин, 2005, с. 37].

В 1991–1994 гг. между Украиной и Россией возникли также проблемы в сфере военно-технического сотрудничества. Почти из 60 тыс. предприятий оборонно-промышленного комплекса бывшего СССР России отошло около 70%, Украине – примерно 17, а Белоруссии – около 4%. На территории других республик таких предприятий было значительно меньше. Поэтому для России наиболее значимой среди стран СНГ всегда была Украина.

В Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о военно-техническом сотрудничестве от 26 мая 1993 г. указывалось: «Номенклатура и объемы взаимных поставок продукции и услуг военного назначения, условия поставок, порядок расчетов за такие поставки будут определяться ежегодными двусторонними межправительственными соглашениями, а также другими договорными документами, подписанными на основе этих соглашений» [Россия – Украина., 2001, кн. 1, с. 196]. Затем 24 июня 1993 г. эти положения получили конкретное воплощение в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о дальнейшем сотрудничестве в обеспечении создания совместного серийного производства и поставок в эксплуатацию оперативно-тактического военно-транспортного самолета Ан-70 и транспортного самолета Ан-70 Т с двигателями Д-27. Однако данные соглашения не были выполнены, так как в это время уже возникли разногласия между руководством России и Украины по военно-политическим вопросам, связанным с обеспечением национальной безопасности.

Таким образом, при президенте Л. Кравчуке Украине и России не удалось решить следующие проблемы: заключить двусторонний договор о взаимовыгодном сотрудничестве; завершить раздел Черноморского флота и определить места его базирования; осуществить вывод и утилизацию ядерного оружия и боеприпасов, находившихся на территории Украины; провести демаркацию сухопутных и морских границ между двумя странами; согласовать взаимоприемлемую модель формирования цен на газ и другие энергоресурсы.

Определяющую роль в решении этих проблем должны были сыграть глава государства и Верховная Рада Украины, которые представляли интересы соответствующих политических элит. Од-

нако они полностью игнорировали общие историко-культурные корни двух братских народов в угоду псевдолиберальным и националистическим устремлениям. Кроме того, Л. Кравчука не без оснований обвиняют в том, что в годы его правления достаточно сильно распространилась в органах государственной власти коррупция, а также резко снизился уровень экономического развития страны. Его критикуют также за отказ от ядерного оружия, хотя окончательное решение по данному вопросу принимал уже следующий президент – Л. Кучма. Итоги деятельности Л. Кравчука на посту президента Украины оцениваются и западными исследователями. К примеру, французский политолог К. Моро считает, что результаты правления Л. Кравчука так же «плачевны, как и результаты президента Ельцина» [Моро, 2016, с. 49]. Суждение довольно категоричное, но по сути укладывается в картину всеобщего развала на постсоветском пространстве.

Л.Д. Кучма (1994–2004)

26 июня 1994 г. президентом Украины был избран Леонид Данилович Кучма. Он родился 9 августа 1938 г. в селе Чайкино Черниговской области. В 1960 г. окончил Днепропетровский государственный университет по специальности «инженер-механик в области ракетной техники». В 1990–1992 гг. Л. Кучма являлся депутатом Верховной Рады, в 1992–1993 гг. – премьер-министром Украины. Учитывая то, что он был тесно связан с российскими военно-промышленными кругами и имел опыт руководства в 1992–1993 гг. украинским правительством, должен был бы учесть просчеты в построении взаимоотношений с Россией, допущенные Л. Кравчуком. Однако украинско-российское сотрудничество развивалось в этот период достаточно неравномерно и складывалось на основе прагматизма и компромиссов, в результате чего на уступки шла, как правило, российская сторона. Выступая в конце августа 2000 г. на встрече с послами европейских государств, Л. Кучма заявил, что исключительным правом определять стратегические приоритеты во внешней политике Украины обладает только президент, и назвал их. К этим приоритетам он отнес «отношения с Европейским союзом, Россией и Соединенными Штатами Америки» [Эффективно..., 2000, с. 5]. Уже в тот период руководство Украины придавало значительную роль развитию сотрудничества с ЕС, но еще открыто не заявляло о вступлении в

НАТО. Осенью 1994 г. особое значение приобрел вопрос о завершении процесса ратификации Договора СНВ-1 и присоединении Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия. 16 ноября 1994 г. Верховная Рада Украины утвердила закон «О присоединении Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года». Однако принятие данного закона сопровождалось шестью оговорками, одна из которых гласила: «Украина является владельцем ядерного оружия, унаследованного ею от бывшего СССР» [Россия – Украина., 2001, кн. 1, с. 360]. Юридически закрепленное право собственности на ядерное оружие означало, что Украина становится ядерной державой. А это напрямую противоречило ранее согласованным с Россией и США договоренностям.

17 ноября 1994 г. Министерство иностранных дел РФ направило в адрес МИД Украины заявление, в котором просило уточнить оговорки к принятому накануне закону. Однако ответ на него так и не поступил. Решить эту проблему удалось лишь 5 декабря 1994 г. в Будапеште на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, когда украинская сторона в результате напряженных переговоров с представителями России и США вынуждена была подписать ноту Министерства иностранных дел о присоединении Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия «в качестве государства, “не обладающего ядерным оружием”» [Россия – Украина., 2001, кн. 1, с. 76–77].

Президент Л. Кучма нередко называл в официальных выступлениях Россию важным стратегическим партнером Украины. В то же время он неоднократно указывал на различия, существовавшие между двумя странами. Украина сделала, считает он, свой европейский выбор еще «в глубокой древности», а России «менее присуще чувство принадлежности к Европе» [Кучма, 2004, с. 510]. Призывая в процессе национальной самоидентификации строго следовать формуле «Украина – не Россия» и провести четкую инвентаризацию «в головах и душах», Л. Кучма тем не менее не предлагал путей и способов решения проблем, накопившихся в отношениях между двумя странами, очевидно, надеясь при этом, что Евросоюз поможет в полном объеме их решить [там же, с. 23–24].

Политика президента Л. Кучмы привела к очередному внутриполитическому и социально-экономическому кризису в стране, который достиг максимального обострения в ходе президентских выборов 2004 г. А высокомерные высказывания президента Л. Кучмы о месте и роли России в современном мировом сообществе способствовали

формированию в общественном мнении Украины образа России как евро-азиатского государства, которому, в отличие от Украины, еще предстоит доказать свою приверженность и принадлежность к европейской цивилизации.

В сфере экономического сотрудничества проблема зависимости украинской экономики от российских энергоресурсов требовала найти альтернативные источники или новые пути решения данной проблемы. Достижение газовой независимости Украины от России в тот период Л. Кучма считает одним из главных своих успехов. Он добился того, что Украина стала получать более 30 млрд м³ газа от Туркменистана, договор с которым был заключен до 2007 г. Однако в 2006 г. Туркменистану стало выгодно продавать весь свой газ России, так как она согласилась покупать его по более высокой цене.

В начале октября 2002 г., накануне подписания соглашения о создании газотранспортного консорциума Украины и России, президент РФ В. Путин в Запорожье заявил, что если Россия станет участником данного проекта, то она будет совместно с Украиной реализовывать российский газ на рынке европейских стран. В противном случае Россия вынуждена будет искать другие пути, включая и строительство новых трубопроводов. Следует отметить, что политическое решение по данному вопросу было принято В. Путиным и Л. Кучмой еще 9 апреля 2002 г. Оно нашло также поддержку со стороны канцлера ФРГ Г. Шрёдера.

7 октября 2002 г. было подписано российско-украинское соглашение о создании ООО «Международный консорциум по управлению и развитию газотранспортной системы Украины». Более того, Россия накануне подписания данного соглашения пошла навстречу Украине, согласившись на реструктуризацию ее задолженности по поставкам газа. Она подписала также договор об увеличении прокачки через Украину в Западную Европу до 110 млрд м³ газа ежегодно в течение десяти лет. Однако в данной ситуации президент Украины Л. Кучма проявил медлительность и нерешительность. В 2006 г. он объяснял это тем, что пытался ускорить создание газотранспортного консорциума и упрекал при этом В. Ющенко и его окружение в чрезмерной политизации данной проблемы. Он подчеркивал, что «большие деньги буквально уплывали из наших рук с теми потоками газа, которые Россия все увереннее направляла в обход Украины» [Кучма, 2007, с. 246–247].

Только в ноябре 2005 г. Л. Кучма начал критиковать западные страны, и в частности США, обещавшие Украине в период его пре-

зидентства «золотые горы» за сокращение обычных вооружений и ликвидацию ядерного оружия, за закрытие Чернобыльской АЭС, за отказ от участия в строительстве Бушерской АЭС в Иране. Последний проект давал возможность Украине поставлять в Бушер турбины, а в последующие годы осуществлять их обслуживание и ремонт. Это позволило бы заработать Украине сотни миллионов долларов, создать дополнительные рабочие места. В конечном итоге Л. Кучма сожалеет о том, что он поддался давлению со стороны США и Украина отказалась от данного проекта [Кучма, 2007, с. 296–297].

Бывший президент Украины вспоминает также о том, как западные страны во главе с США настаивали на закрытии Чернобыльской АЭС, обещая при этом компенсировать потери и помочь построить новые энергоблоки на Ровенской и Хмельницкой атомных станциях. Однако эти обещания так и не были выполнены. Украине пришлось достраивать новые энергоблоки на собственные средства. «Ни Евросоюз, ни Штаты не выделили нам ни копейки ни на что, хотя речь шла не о благотворительности, а о кредитах» [Кучма, 2007, с. 298].

Л. Кучма считает своим большим достижением заключение с Россией договора, в соответствии с которым Украина платила 50 долл. за 1000 м³ газа, а Россия – 1,09 долл. за транспортировку этого объема в Европу. Такая формула цены на газ, зафиксированная в договоре, действовавшем до 1 января 2006 г., спасла, по его мнению, от банкротства украинские промышленные предприятия и связанные с ними российские заводы. Кроме того, как признает Л. Кучма, Россия «не только продавала нам газ по сниженным ценам – она уступила Украине часть европейского рынка», в результате чего мы 5 млрд м³ газа, купленного у России по 50 долл., продавали в страны Западной Европы в среднем по 100 долл. за 1000 м³, используя полученные таким образом средства для поддержания низких цен на коммунальные услуги [Кучма, 2007, с. 211–212].

В период президентства Л. Кучмы удалось заметно активизировать украинско-российские отношения, прежде всего во второй половине 1990-х годов. Была существенно расширена нормативно-правовая база двусторонних отношений. Так, 28 мая 1997 г. были подписаны три соглашения, определявшие параметры раздела Черноморского флота, статус и условия пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины, порядок взаиморасчетов, связанных с разделом Черноморского флота. 31 мая 1997 г. был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между

Российской Федерацией и Украиной, который определил основные принципы взаимоотношений двух стран. Были также подготовлены и введены в действие многие важные двусторонние соглашения, которые не удалось подписать в период пребывания у власти Л. Кравчука. К ним необходимо отнести следующие документы: «Основные направления долгосрочного экономического и научно-технического сотрудничества Российской Федерации и Украины на 1997–2000 годы и на период до 2005 года» от 28 мая 1997 г.; «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о проведении согласованной структурной политики в экономике» от 28 мая 1997 г.; «Заявление о договорно-правовом оформлении российско-украинской государственной границы» от 27 августа 1997 г.; «Договор между Российской Федерацией и Украиной об экономическом сотрудничестве на 1998–2007 годы» от 27 февраля 1998 г.; «Программа экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Украиной на 1998–2007 годы» от 27 февраля 1998 г.; «Соглашение о стратегическом сотрудничестве в газовой сфере» от 7 октября 2002 г.; «Договор об украинско-российской государственной границе» от 28 января 2003 г. и др.

Как видим, в 1994–2004 гг. удалось значительно расширить нормативно-правовую базу равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между Украиной и РФ. Тем не менее в полной мере реализовать провозглашавшиеся в названных документах цели, к сожалению, не удалось. В то же время Украина развивала отношения с Евросоюзом, которые базировались на Указе президента Л. Кучмы от 11 июня 1998 г. Затем на его основе была утверждена «Стратегия интеграции Украины в Европейский союз». Кроме того, 10 декабря 1999 г. на Хельсинкском саммите Европейского совета была принята «Общая стратегия ЕС в отношении Украины». Естественно, украинская политика балансирования между Россией и Евросоюзом не могла устроить ни одну из сторон.

Г. Касьянов, охарактеризовавший внешнюю политику Украины в начале XXI в. как «прыжки в сторону», считает, что украинско-российские отношения развивались в этот период неровно, так как они «в значительной мере определялись взаимодействиями между кланово-олигархическими структурами обеих стран, в первую очередь с теми, которые касались рынка энергоносителей (через украинскую газотранспортную систему проходило 90% газа, который Россия продавала за рубежом)» [Касьянов, 2007, с. 289–290]. К тому же на развитие двусторонних отношений ока-

зывало значительное влияние русское и русскоязычное население, компактно проживавшее в восточных и юго-восточных регионах страны, которые и имели самые тесные экономические и культурные связи с Россией.

Несмотря на то что в этот период появилась, как отмечает Г.В. Касьянов, очевидная тенденция сближения между двумя государствами на президентском уровне (Л. Кучма и В. Путин встречались в 2000–2002 гг. 18 раз), отдельные действия двух государств заметно ей противоречили. К ним относятся прежде всего «ограничения на импорт украинских товаров в Россию, в частности на продукцию сахарной и спиртовой промышленности, на металлургические изделия (трубы)» [Касьянов, 2007, с. 290]. Кроме того, неприятный осадок остался и от переговоров о создании украинско-российского газотранспортного консорциума, в котором Украина стремилась получить контрольный пакет акций, а большую часть затрат на модернизацию газопровода переложить на Россию. Негативное влияние на развитие двусторонних отношений оказал и инцидент с российским авиалайнером Ту-154, ошибочно сбитым украинскими ПВО над Черным морем 4 октября 2001 г. Как известно, первоначально Украина отрицала свою причастность к данной трагедии. Серьезным испытанием для развития украинско-российских отношений стали события осени 2003 г., связанные со спорами по поводу принадлежности острова Тузла в Керченском проливе.

В статье бывшего главы администрации президента Украины и заместителя премьер-министра Украины Д. Табачника отмечается, что «попытки сбалансировать западное влияние российским предпринимались постоянно и во многом стали причиной ставки Вашингтона на замену достаточно лояльной, но излишне самостоятельной в отстаивании государственных интересов Украины администрации Кучмы своей прямой марионеткой, что стало реальностью после государственного переворота конца 2004 г.» [Табачник, 2008].

Положительные аспекты украинско-российского сотрудничества были омрачены провозглашением руководством Украины курса на вступление в Евросоюз и НАТО. Недальновидная и двуликая политика президента Л. Кучмы, а также отсутствие у российского руководства концептуально обоснованной внешнеполитической стратегии в отношении Украины не позволили использовать уникальный исторический шанс, чтобы установить между двумя странами взаимовыгодные отношения на долгосрочную перспективу. Как отмечает

К. Моро, Л. Кучма не стал сторонником сближения с Россией, а его правление «имело такие же плачевные результаты, как и президентство его предшественника» [Моро, 2016, с. 49].

Политические оппоненты обвиняли Л. Кучму в преследовании оппозиционных лидеров, незаконной торговле оружием, в коррупционных связях с олигархами и т.п. В ноябре 2000 г. разразился так называемый «кассетный скандал», когда Л. Кучму обвинили в устранении популярного журналиста Георгия Гонгадзе. После этого оппозицией была организована акция «Украина без Кучмы», которая затем переросла в крупные демонстрации и в создание палаточных городков в центре Киева. По существу, это явилось прообразом будущего майдана.

В.А. Ющенко (2005–2010)

Виктор Андреевич Ющенко родился 23 февраля 1954 г. в селе Хоружевка Сумской области Украинской ССР. В 1975 г. он окончил Тернопольский финансово-экономический институт. Прошел путь от заместителя главного бухгалтера колхоза «40-летие Октября» в Ивано-Франковской области до председателя правления Национального банка Украины в 1993 г. С декабря 1999 г. по апрель 2001 г. В. Ющенко являлся премьер-министром Украины, был отправлен в отставку в результате вотума недоверия, объявленного Верховной Радой кабинету министров. В конце 2001 г. он сформировал избирательный блок «Наша Украина», в состав которого вошли несколько правых партий и движений. Во время президентских выборов 2004 г. В. Ющенко в первом туре набрал 39,7% голосов избирателей, а во втором туре – 46,61% и потерпел поражение от В. Януковича. В связи с тем что Верховный суд Украины признал недействительными результаты второго тура президентских выборов, было назначено повторное голосование на 26 декабря 2004 г., в ходе которого он набрал 51,99% голосов и 10 января 2005 г. был объявлен победителем. А 23 января 2005 г. В. Ющенко вступил в должность президента Украины.

Как видим, уже в период президентских выборов возникли юридические коллизии и противоречия между основными политическими элитами. Они затем достаточно остро проявились в трактовке и соблюдении подписанных ранее нормативных документов, регулировавших украинско-российские отношения, и в практических действиях властей Украины. Основой двусторонних отноше-

ний формально оставался Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве от 31 мая 1997 г., который 1 октября 2008 г. был автоматически продлен на ближайшее десятилетие. Оставались в силе и многие другие соглашения, заключенные во времена президентства Л. Кучмы.

Однако, став в январе 2005 г. президентом Украины, В. Ющенко начал предпринимать шаги, противоречившие принципам дружбы и партнерства с Россией, закрепленным в Договоре 1997 г. Он попытался обеспечить энергетическую безопасность страны не посредством снижения энергоемкости промышленности и поиска альтернативных источников энергоресурсов, а путем обострения отношений со своим основным экономическим партнером – Россией. Причем осуществлял он это под предлогом избавления Украины от энергетической зависимости. К. Моро абсолютно справедливо утверждает, что после прихода к власти В. Ющенко открылся «новый виток галицизации, усилилась борьба против русского языка, продолжилось движение в сторону НАТО, начатое его предшественниками» [Моро, 2016, с 49–50].

В действительности В. Ющенко, пришедший к власти в результате «оранжевой» революции, сразу четко заявил о своем геополитическом выборе, ориентированном на Евросоюз и НАТО. При этом он не учитывал такие факторы, как тесные экономические связи украинских предприятий с предприятиями стран СНГ, энергетическую зависимость Украины, историко-культурные традиции и др. Все это привело к острым противоречиям, возникшим между президентом В. Ющенко и премьер-министром Ю. Тимошенко, с одной стороны, «Партией регионов» во главе с В. Януковичем и рядом политических сил – с другой.

22 февраля 2008 г. В. Ющенко в интервью обозревателю газеты «Время новостей» пытался доказать свою непричастность к началу процесса интеграции Украины с ЕС и вступления в НАТО. «В 2003 году принимается, – отмечал он, – закон конституционным большинством в 319 депутатов Рады об основах национальной политики безопасности», одним из пунктов которого было «членство в НАТО». В том же году была принята «Национальная стратегия развития Украины до 2015 года», составителем которой являлся премьер-министр В. Янукович, а один из ее пунктов «посвящен нашей интеграции в НАТО». Как подчеркивал В. Ющенко, «программа действий по членству (ПДЧ) в НАТО должна была быть выполнена в 2006 году, а членство в НАТО – в 2008 году». Отмечая, что вступление Украины в НАТО обусловлено необхо-

димостью гарантировать ей «суверенитет и сохранение национальной целостности», он указывал, что это «не несет ни одной угрозы России» [Виктор Ющенко., 2008, с. 2]. Вопрос о суверенитете нельзя рассматривать в подобной линейной зависимости. К примеру, Франция и Германия, состоя в ЕС и НАТО, остаются во многом суверенными государствами. Но вместе с тем, вступая в эти надгосударственные образования, любая страна делегирует им значительную часть своих властных полномочий в экономической, внешнеполитической и военной сферах.

Настойчивые попытки украинского правительства ускорить решение вопроса о вступлении в НАТО не привели в данный период к желаемому результату. Руководство альянса проявило на этот раз благоразумие, отложив рассмотрение вопроса о вступлении Украины и Грузии в Североатлантический блок при обсуждении 6 марта 2008 г. повестки дня предстоявшего саммита альянса в Бухаресте. Против этого выступили лидеры 10 из 26 государств – членов НАТО и было принято решение отложить рассмотрение вопроса о включении этих двух государств в План действий по членству в НАТО на декабрь 2008 г.

Для получения поддержки руководителей западных государств и изменения общественного мнения внутри страны лидеры «оранжевой» революции использовали различные приемы. К ним можно отнести настойчивые попытки В. Ющенко добиться признания голода 1932–1933 гг., поразившего кроме Украины и значительные территории РСФСР, геноцидом украинского народа.

Кроме того, руководство Украины заняло особую позицию после нападения Грузии на Южную Осетию. Оно квалифицировало эти агрессивные действия как внутреннее дело Грузии, якобы наводившей порядок на своей территории. При этом за скобками оставались факты гибели мирного населения и российских миротворцев. Президент В. Ющенко не только всецело поддержал агрессию Грузии, но и 13 августа 2008 г. издал указ, в соответствии с которым предлагал ввести ограничения на передвижения кораблей Черноморского флота, что было прямым нарушением положения действовавшего в то время Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной 1997 г. Это вызвало достаточно жесткую реакцию со стороны руководства России.

В период президентства В. Ющенко активизировалась деятельность русофобов и бывших фашистских пособников, которые получали поддержку со стороны руководителей отдельных облас-

тей Украины. Так, на Международном экспертно-политическом форуме «Форос-2008» первый вице-спикер Крымского парламента С. Цеков отмечал, что основной причиной ухудшения российско-украинских отношений является «антироссийская и даже русофобская политика органов госвласти Украины» [Криминальные разборки..., 2008, с. 7].

Депутат Верховной Рады В. Колесниченко указывал, что после «оранжевой» революции в стране «происходит систематическая, системная, последовательная политика националистических кругов Украины на расторжение отношений с Российской Федерацией и создание из нее стратегического врага». Для реализации этих задач данная часть политической элиты Украины использует «попрание прав русскоязычного населения, искоренение русского языка и литературы, истории, в том числе Великой Отечественной войны» [Колесниченко, 2009, с. 12]. Было очевидно, что украинская властная элита не в состоянии адекватно оценивать сложную политическую и социально-экономическую ситуацию в стране, а также многовековой исторический опыт.

Несмотря на массовые протесты населения и требования оппозиционных партий провести референдум по вопросу о вступлении Украины в Евросоюз и НАТО, руководители Украины не прислушались к мнению большинства граждан страны. Внешнеполитический курс администрации В. Ющенко был полностью подчинен «интересам США и ничего общего не имеет ни с государственными интересами Украины, ни с волей и убеждениями большинства украинских избирателей», превратившись в политику «воинствующей русофобии и пещерного национализма» [Табачник, 2000].

В одном из своих интервью Л. Кучма подверг резкой критике внешнюю политику президента Украины В. Ющенко, подчеркнув при этом, что только «Россия может позволить себе развиваться в том направлении, которое считает нужным». Зависимость же Украины во многих областях является настолько очевидной, что «нам не с чем идти в Европу» [Кассетный скандал..., 2008, с. 3]. Подобная политика способствовала приходу к власти «оранжевого» руководства, а также возникновению острого политического и социально-экономического кризиса в стране и привела к серьезному обострению украинско-российских отношений.

После прихода в 2005 г. к власти «оранжевой» коалиции украинско-российское торгово-экономическое сотрудничество все чаще стали связывать с экономической, политической и военной безопасностью страны. Украина предпринимала попытки сущест-

венно разнообразить источники энергоснабжения для укрепления собственной экономической безопасности. Россия же стремилась в этот период добиться диверсификации транзитных маршрутов доставки газа и нефти основным европейским потребителям, с тем чтобы свести до минимума зависимость от политических демаршей украинских властей.

Академик НАН Украины В.М. Геец на заседании российско-украинского «круглого стола» (Москва, 7–8 октября 2008 г.) вынужден был признать, что проблемы реструктуризации экономики Украины так и не были решены. «Мы однозначно можем констатировать, – отмечал он, – что структура экономики Украины остается неэффективной, т.е. такой, которая нерационально использует свои природные ресурсы, что пагубно для нее, а энергоемкость производства остается одной из самых высоких среди многих стран» [Геец, 2009, с. 54–55].

Касаясь попыток президента В. Ющенко и его окружения фальсифицировать общую историю двух стран, академик НАН Украины П. Толочко в интервью газете «Известия» достаточно подробно остановился на основных вопросах, которые особенно подвергаются откровенной фальсификации. России, в частности, приписывается попытка уничтожения украинской культуры и языка. В действительности в советское время не было гонения на украинскую культуру и украинский язык [Толочко, 2008, с. 4]. В то же время он отметил, что Россия уделяет ничтожно мало внимания работе в самой Украине, учредив только один филиал Института стран СНГ. «А хозяйничают, – подчеркивает он, – американцы: разные фонды, институты, центры, какие-то благотворительные организации», где «кормится» вся политологическая элита Украины [там же].

Украинский историк и политолог Г.В. Касьянов справедливо указывает, что попытки фальсификации общей истории, предпринятые украинским руководством в 2005–2009 гг., органично вписались в общий контекст «похолодания» в украинско-российских отношениях, которое наступило после победы «оранжевой» революции. «Последовавшие за этим энергетические, таможенные, тарифные, мясо-молочные, сахарные, трубопрокатные и пр. “войны” были прямым следствием прихода к власти на Украине сил, которые воспринимались В. Путиным, Д. Медведевым и их окружением как “прозападные”, “антироссийские”, “националистические”» [Касьянов, 2009, с. 22]. Стремление Украины вступить в НАТО и Евросоюз воспринималось Россией как «угроза наруше-

ния реального или гипотетического баланса в регионе традиционного доминирования», а это и спровоцировало «экономические, политические и идеологические санкции против Украины, резонанс от которых усугублялся отсутствием реальных реформ на Украине и хаосом во власти, последовавшим за оранжевой революцией» [Касьянов, 2009].

Таким образом В. Ющенко и его администрация под влиянием ведущих западных государств, и в первую очередь США, проводили широкомасштабную пропагандистскую кампанию по разъяснению среди населения преимуществ вступления страны в НАТО, используя всевозможные методы и средства для формирования негативного образа России.

В целом к концу 2009 г. «оранжевая» власть во главе с В. Ющенко завела украинско-российские отношения в тупик. Попытка сменить принцип «многовекторности», широко применявшийся в украинской внешней политике при президенте Л. Кучме, на единственный «западный вектор», предполагавший вступление Украины в ЕС и НАТО, потерпела крах. А усилия президента В. Ющенко добиться включения своей страны в общеевропейскую систему безопасности без России остались бесперспективными. Украина в результате некомпетентной политики «оранжевого» руководства оказалась в тяжелом политическом и социально-экономическом кризисе.

В.Ф. Янукович (2010–2014)

Виктор Федорович Янукович родился 9 июля 1950 г. в поселке Жуковка Донецкой области. В 1980 г. заочно окончил Донецкий политехнический институт по специальности «инженер-механик». До 1989 г. он прошел путь от автослесаря до механика автомобильного предприятия. Затем являлся генеральным директором таких крупных объединений, как «Донбасстрансремонт», «Углепромтранс» и «Донецкавтотранс». В 1997 г. он стал губернатором Донецкой области. В ноябре 2002 г. назначен премьер-министром Украины, в апреле 2003 г. избран председателем Партии регионов, а в июне 2004 г. — выдвинут кандидатом в президенты Украины. В результате отмены Верховным судом результатов голосования и переноса второго тура на 26 декабря 2004 г. он уступил победу В. Ющенко. Тем не менее в августе 2006 — декабре 2007 г. он исполнял обязанности премьер-министра Украины. В начале 2010 г.

на очередных президентских выборах он опередил Ю. Тимошенко на 3,48%, набрав во втором туре 48,95% голосов избирателей. 25 февраля 2010 г. В. Янукович вступил в должность президента Украины.

Первые заявления и действия В. Януковича позволяли надеяться, что «похолодание» в украинско-российских отношениях будет окончательно преодолено. Это нашло подтверждение 5 марта 2010 г. в Москве в совместном заявлении президентов двух государств. Затем последовали конкретные шаги, которые воплощались в соответствующих соглашениях. Так, 21 апреля 2010 г. Д. Медведев и В. Янукович подписали в Харькове соглашение о продлении базирования Черноморского флота РФ в Крыму до 2042 г. и получении Украиной существенной скидки на российский газ. К тому же в ходе визита 17–18 мая 2010 г. Д. Медведева в Киев были подписаны следующие соглашения: о демаркации российско-украинской границы, о сотрудничестве в сфере использования и развития навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, о межбанковском сотрудничестве между Укрэксимбанком и банком ВТБ, о первоочередных мерах по развитию научно-образовательного сотрудничества на 2010–2012 гг., а также Программа сотрудничества между Министерством культуры и туризма Украины и Министерством культуры РФ на 2010–2014 гг.

Ярким примером двустороннего сотрудничества в области авиастроения явился уже совместно реализованный проект создания самолета Ан-148, который начали выпускать в Воронеже и Киеве [Летающие вместе..., 2010, с. 3]. Важно отметить, что украинские и российские предприятия совместно решали в то время любые возникавшие технологические и производственные проблемы.

Тем не менее С. Жильцов считает, что такая уступчивость украинского руководства была связана прежде всего с трудным социально-экономическим положением, сложившимся в стране. «Как ни цинично звучит, но пока в Украине сохраняется сложная ситуация и востребованы ресурсы “старшего брата”, украинские власти будут делать все, — указывал он, — чтобы в Москве были уверены, что отказ от наследия Виктора Ющенко — это всерьез и надолго» [Жильцов, 2010].

28 июня 2010 г. во время встречи в Москве глав правительств двух стран было принято решение о том, что Россия предоставит Украине начиная с 2011 г. квоту на беспошлинный ввоз в Россию сахара в размере 300 тыс. тонн в год. Намечалось также расширить сотрудничество в сфере электроэнергетики, атомной

энергетики и т.д. Переговоры по вопросу объединения «Газпрома» и «Нафтогаза», начатые по инициативе российского премьера, не были завершены, так как украинская сторона, обещая уступки, воздерживалась от конкретных шагов. В то же время руководитель российской компании А. Миллер осторожно высказался о возможном создании совместного предприятия с равными долями капитала. В то же время глава правительства Украины Н. Азаров заявил: «Никакого слияния “Нафтогаза” и “Газпрома” не будет», а в настоящее время лишь ведется «поиск организационной формы, которая позволит синтезировать эффект работы нашего “Нафтогаза” и “Газпрома”» [Москва и Киев., 2010]. Стало очевидно, что украинская сторона не желала договариваться о модернизации своей газотранспортной системы только с Россией, стремясь включить в данный процесс и ЕС, с которым она уже имела соответствующее соглашение, заключенное в период президентства В. Ющенко. Украинское руководство пыталось осуществить нажим на руководство Евросоюза, с тем чтобы ЕС оказал давление на Россию в решении этого вопроса. Естественно, такая тактика не принесла успеха, а лишь усилила осторожность России при подготовке с Украиной новых соглашений.

В принятом Верховной Радой 1 июля и утвержденном президентом Украины В. Януковичем 15 июля 2010 г. законе «Об основах внутренней и внешней политики» провозглашалась внеблоковость Украины, что фактически означало ее отказ от вступления в НАТО. В то же время в законе подчеркивалось, что, поддерживая политику внеблоковости, Украина будет продолжать конструктивное партнерство с НАТО и другими военно-политическими блоками в вопросах, представляющих взаимный интерес. Важной целью ее внешней политики оставалось также вступление в Европейский союз. Во время первого зарубежного визита В. Януковича в Брюссель он подчеркивал, что необходимо решить три основных вопроса: заключить соглашение о безвизовом режиме, создать зону свободной торговли и предоставить Украине статус ассоциированного члена ЕС. Естественно, что это породило вопрос о возможности сочетания такой политики с интеграцией Украины с Россией и другими странами в рамках СНГ.

Стало очевидно, что продолжать тактику Л. Кучмы «шаг в сторону России, два в сторону Запада» бесперспективно. Ведь опыт такого балансирования между Западом и Россией в начале XXI в. способствовал, как известно, серьезному внутривнутриполитическому кризису в стране и «оранжевой» революции. Очевидно, прав

К. Моро, указывая, что В. Янукович, пытаясь использовать слабость украинской оппозиции, дискредитировавшей себя союзом с неонацистской «Свободой», решил отказаться «от своей предвыборной программы по сближению с Россией и приданию русскому языку официального статуса и начал подготовку соглашения об ассоциации с Евросоюзом». По его мнению, В. Янукович считал, что на президентских выборах 2015 г. «Юго-Восток все равно проголосует за него, даже если будет чувствовать себя обманутым» [Моро, 2016, с. 63]. Тем не менее, осознав свои просчеты, он отказался подписать Соглашение об ассоциации с Евросоюзом. «И только в декабре 2013 года буквально загнанный в угол Евросоюзом он обращается к России» [там же, с. 67–68]. Однако было уже поздно. В. Янукович к тому времени полностью потерял поддержку политических элит и населения Украины.

Во время инаугураций первые президенты Украины клялись на Священном Писании служить верой и правдой украинскому народу, обещали привести страну к процветанию. Но в реальной политике они быстро забывали свои обещания, что привело к глубокому политическому и социально-экономическому кризису и евромайдану. «Государственный переворот, который 21 февраля 2014 года осуществили самые радикальные участники Майдана, – указывает К. Моро, – положил конец преемственности украинской Конституции, худо-бедно пережившей оранжевую революцию и 23 года общей неразберихи» [Моро, 2016, с. 91].

Бывший премьер-министр Н. Азаров подчеркивает, что «Майдан был прямой диверсией против народа Украины организаторов переворота, олигархов и их зарубежных покровителей» [Азаров, 2015, с. 478]. Он резко обвиняет нынешнюю киевскую власть: «Мало того, что почти полгода на Украине действовал не предусмотренный никаким законодательством исполняющий обязанности президента, но этот деятель взял еще на себя ответственность подписать Указ о проведении антитеррористической операции (АТО), в результате которой погибли десятки тысяч граждан Украины, причинен колоссальный ущерб народному хозяйству, разрушены города и села, заводы и фабрики, угольные шахты и теплоэлектростанции» [там же, с. 486].

Как справедливо отмечает К.П. Курылев, «опыт Украины убеждает в том, что сценарий, запущенный США в регионе СНГ, призван решить главную геостратегическую, политико-экономическую и военную задачу – устранение России как окрепшего

и независимого игрока в условиях становления нового миропорядка» [Курылев, 2015, с. 44].

К. Моро утверждает, что «Украине необходимо в обязательном порядке отгородиться от идеологии Галиции, осознать свою принадлежность к Древней Руси на равных с Россией и построить многоязычное государство-нацию, основанное на идее гражданского общества, а не идеологическом господстве фанатичного и манипулируемого меньшинства» [Моро, 2016, с. 159]. Но навряд ли Украина сможет отгородиться от существенной части своего идейного и культурного наследия. Скорее можно говорить о критическом отношении народа Украины к своей истории.

Нынешнее руководство Украины (президент, правительство и Верховная Рада), легитимность которого многие эксперты оспаривают, не является самостоятельным и находится под внешним управлением. Но рассчитывать на решение острых внутривнутриполитических и социально-экономических вопросов в стране с помощью США и Евросоюза вряд ли стоит. Есть надежда, что в ближайшие годы народ Украины осознает все произошедшее и потребует, чтобы нынешнее руководство, развязавшее кровавую гражданскую войну, практически уничтожившее промышленность и расколовшее украинское общество, уступило власть правительству народного единства. Только оно способно очистить Украину от неонацистской идеологии и восстановить разрушенную экономику на основе взаимовыгодного сотрудничества и добрососедских отношений с Россией.

Список литературы

- Азаров Н.Я. Украина на перепутье. Записки премьер-министра. – М.: Вече, 2015. – 512 с.
- Виктор Ющенко: Вступление Украины в НАТО не несет новых угроз России // Время новостей. – М., 2008. – № 29, 22 февраля. – С. 1–2.
- Геец В.М. Проблемность структурных трансформаций экономики стран с развивающимися рынками // Економіка і прогнозування. – Київ, 2009. – № 1. – С. 54–69.
- Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. – М.: Книжный мир, 2016. – 512 с.
- Дубинин Ю.В. Дипломатический марафон: Записки участника рос.-укр. переговоров в 1992–1999 гг. – М.: АвиаРус-XXI, 2005. – 351 с.

- Ефективно відстоювати національні інтереси: Промова Президента України Л. Кучми на зустрічі з учасниками наради послів України в європейських державах // Політика і час. – Київ, 2000. – № 7–8. – С. 4–5.
- Жильцов С. Контуры стратегического партнерства: Экономическая ситуация заставляет Киев проявлять гибкость // Независимая газета. – М., 2010. – № 113, 7 июня. – С. 11.
- Кассетный скандал: Украинские таможенники забрали у наших журналистов видеоматериалы // Известия. – М., 2008. – № 131, 21 июля. – С. 1, 3.
- Касьянов Г. «Комиссия Медведева»: Взгляд с Украины // Европа = Eurora. – Warszawa, 2009. – Т. 9, № 2. – С. 19–23.
- Касьянов Г. Україна 1991–2007: Нариси новітньої історії. – Київ, 2007. – 432 с.
- Колесниченко В. Политика меньшей значимости: Без наращивания кооперационных связей интеграция в СНГ невозможна // Независимая газета. – М., 2009. – № 31, 16 февраля. – С. 12.
- Кравчук Л. До чего доводилась Украина? // Известия. – М., 2009. – № 6, 19 января. – С. 6.
- Криминальные разборки: Политклуб «Известий» горячо обсудил в Форосе российско-украинские отношения // Известия. – М., 2008. – № 132, 22 июля. – С. 1, 7.
- Курылев К.П. Внешнеполитическая концепция Украины в условиях формирования европейской системы безопасности (1991–2014 гг.): Автореф. дис. ...-д-ра ист. наук. – М., 2015. – 50 с.
- Кучма Л.Д. После майдана: Записки президента. 2005–2006. – Киев: Довира; М.: Время, 2007. – 688 с.
- Кучма Л.Д. Украина – не Россия. – М.: Время, 2004. – 559 с.
- Летящие вместе: Украина предложила России объединиться в производстве самолетов // Известия. – М., 2010. – № 92, 25 мая. – С. 1–3.
- Моро К. Украина: В чем ошиблась Франция / Пер. с фр. яз. А.Л. Астаниной, Е.А. Беляевой. – М.: Фонд исторической перспективы, 2016. – 160 с.
- Москва и Киев запутались в словах: Споря об объединении «Нафтогаза» с «Газпромом», украинская сторона оказывает давление на ЕС // Независимая газета. – М., 2010. – № 124, 22 июня. – С. 6.
- Россия – Украина. 1990–2000: Документы и материалы: В 2 кн. / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Украины. – М.: Междунар. отношения, 2001. – Кн. 1–2.
- Табачник Д. Украина: Политика упущенных возможностей // 2000: Еженедельник. – Киев, 2008. – № 42, 17–23 октября. – С. 5.
- Толочко П. «Нельзя отдать на растерзание Ющенко нашу общую историю» // Известия. – М., 2008. – № 211, 12 ноября. – С. 1, 4.

Е.Б. Калоева
НЕОТОТАЛИТАРИЗМ ПРИ ПОСТСОЦИАЛИЗМЕ:
ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ
Ф. ТУДЖМАНА

Ключевые слова: Хорватия; туджманизм; историческая память; постсоциалистическая трансформация; авторитаризм; неототалитаризм.

Keywords: Croatia; nationalism; tudmanism; historical memory; post-socialist transformation; authoritarianism; neo-totalitarianism.

Франьо Туджман – одна из самых противоречивых личностей и в истории титовской Югославии, и в истории независимой Хорватии. Он – один из ветеранов национально-освободительной борьбы и самых молодых генералов времен Тито, впоследствии ставший диссидентом, поддержавшим хорватскую национальную эмиграцию. В результате потерял все, чего достиг во времена СФРЮ. После распада федерации он становится правым националистом и авторитарным правителем нового хорватского государства.

Начало пути

Ф. Туджман родился 14 мая 1922 г. в крестьянской семье среднего достатка. Его отец был активным членом Хорватской крестьянской партии. Закончив начальную школу, Туджман поступает во II государственную мужскую гимназию, где учится в 1935–1939 гг., а затем до 1941 г. посещает Торговую академию. Впервые будущий политик был арестован в 1940 г. за участие в

левом движении. Хотя его семья поддерживала Мачека¹, сам Ф. Туджман в период Второй мировой войны присоединяется к партизанам. В 1942 г. вступает в КПЮ и в том же году становится руководителем нелегальной партизанской типографии (Глас хорватского Загорья). С 1943 г. он – заместитель комиссара 2-го Загорского партизанского отряда, а в 1944 г. назначается заместителем комиссара бригады «Братья Радич», комиссаром 32-й дивизии и начальником подразделения штаба 10-го корпуса. В 1945 г. Ф. Туджмана переводят в Верховный штаб Народно-освободительной армии Югославии в Белграде на должность начальника Второго отдела Министерства обороны. В 1946 г. в его семье происходит трагедия, причины которой так и не были до конца выяснены. Его отец, участник АВНОЮ², и мать погибли в результате насильственной смерти при невыясненных обстоятельствах. В дальнейшем эти события получили различное толкование (самоубийство, несчастный случай), однако преобладало мнение, согласно которому отца Туджмана ликвидировала политическая полиция. Несмотря на это, восхождение Туджмана по иерархической лестнице Министерства обороны не было прервано. В 1957 г. он заканчивает высшую военную академию ЮНА. Со второй половины 1950-х годов Туджман публикует труды по военной истории, в которых на примере антифашистского движения в Югославии показывает универсальное значение партизанской войны.

С 1957 г. он работает в Генштабе ЮНА. В это время Ф. Туджман публикует свое первое значительное произведение «Война против войны» (Загреб, 1957). В исследовании прослеживается на различных исторических примерах значение партизанской войны. Впоследствии не одно поколение югославских военных будет сдавать экзамены по этой книге. Несмотря на то что в 1960 г. Ф. Туджман получает звание генерал-майора, уже в следующем году он покидает военную службу. Мотивы такого поступка будущего президента, по мнению биографов, ясны. Оставаясь на прежней должности, он бы не мог в должной степени уделить внимание своим интересам в области истории, политики и культуры.

В 1961 г. Ф. Туджман основывает в Загребе Институт истории рабочего движения Хорватии (в настоящее время Хорватский исторический институт), которым руководит до 1967 г. С 1963 г.

¹ В. Мачек – югославский и хорватский политик первой половины XX века, лидер Хорватской крестьянской партии.

² АВНОЮ – Антифашистское вече народного освобождения Югославии.

Ф. Туджман начинает выпускать журнал «Пути революции», являясь его главным редактором в 1963–1967 гг. В эти же годы он работает приглашенным профессором на Факультете политических наук в Загребе, где читает курс «Социалистическая революция и современная национальная история». В 1965 г. в Загребском университете Ф. Туджман защищает докторскую диссертацию на тему: «Причины кризиса монархической Югославии с момента объединения в 1918 г. и до распада в 1941 г.».

Он напишет свыше 150 исследований по истории, военной теории, затрагивающих вопросы национальной истории и международных отношений. Ф. Туджман принимает участие в многочисленных научных симпозиумах у себя в стране и за границей, выступает с лекциями в университетах Чехословакии, Италии, Германии, Австрии, Канады и США. Является членом редколлегии военно-теоретического журнала «Военное дело», редактором и заместителем главного редактора Военной энциклопедии, сотрудником и редактором энциклопедий, выпускаемых под руководством М. Крлежи, и т.д.

С 1962 по 1967 г. Ф. Туджман – председатель Комиссии по международным отношениям и член Секретариата Социалистического союза трудового народа Хорватии. С 1965 по 1969 г. – народный представитель просветительно-культурного вече сабора СР Хорватии и председатель комитета по научной деятельности этого вече. Ф. Туджман был также членом Правления и исполнительного комитета Матицы хорватской и председателем Комиссии Матицы хорватской по истории. В 1970 г. он становится членом Общества хорватских писателей, а в 1987 г. членом Хорватского центра PEN-клуба. И это еще не все. Перечень различных организаций, в руководство которых входил Ф. Туджман, занимает чуть ли не страницу.

Его наиболее известная книга тех лет, вызвавшая критику за антисемитизм и ревизионизм, – «Распутья исторической правды» («Bespića povijesne zbiljnosti», 1989 г.). За короткий период 1989–1990 гг. вышли в свет ее четыре издания. Перу Ф. Туджмана принадлежат также такие книги, как «Создание социалистической Югославии» (1960) и «Оккупация и революция» (1963).

Особенный интерес Туджман-историк проявляет к проблеме малых народов, их роли в мировой истории и праву на самоопределение («Великие идеи и малые народы», 1969 г.). Ряд его книг выходит за границей («Национальный вопрос в современной Европе», 1981 г. и др.)

К лучшим из его исследований биографы относят работы «Хорватия в монархической Югославии», т. 1–2 (1993). Впоследствии, уже будучи президентом Хорватии, он напишет такие книги, как «С верой в самостоятельную Хорватию» (1995); «Историческая судьба народа» (1996) и «Слово Хорватии миру» (1998). Последние две представляют собой сборники эссе и интервью, отражающие взгляды Ф. Туджмана на историю и политику.

Туджман – диссидент

Деятельность Туджмана с момента основания им Института истории рабочего движения Хорватии можно охарактеризовать как диссидентскую с националистической окраской. Оппозиция в Югославии в эпоху Тито состояла из интеллектуальных кругов, которые не предлагали альтернативные программы развития. Вместо этого они занимались достаточно абстрактными теоретическими вопросами или, что намного хуже, национальным вопросом во всех его бесконечных исторических, лингвистических, литературных или политических интерпретациях. Уже в первых своих статьях о военной доктрине и истории завоевательных и освободительных войн Туджман исходил из того, что каждый народ должен иметь собственные вооруженные силы для защиты своей территории. Само собой разумеется, что такой подход не мог не вызвать критику со стороны поборников централизации, обвинения в отходе от основ марксизма и в национализме.

К этому прибавились и расхождения Ф. Туджмана с официальной точкой зрения по вопросу о ХСС¹, Соглашении Цветкович-Мачека², а также Второй мировой войне. В результате в 1964 г. он был обвинен в буржуазно-националистическом подходе к национальному вопросу. В 1967 г. Туджман был исключен из Союза коммунистов и снят с поста директора института. Ему было также запрещено преподавать, и в 45 лет он был отправлен на пенсию.

В эту пору Ф. Туджман сотрудничает с Матицей эмигрантов из Хорватии (председатель Комиссии по Северной Америке) и является председателем Комиссии по истории и членом правления и исполнительного комитета Матицы хорватской. В 1972 г. Туджман был арестован. На судебном процессе он был назван «ярым националистом»,

¹ ХСС – Хорватская крестьянская партия.

² Соглашение 1939 г. о предоставлении автономии Хорватии.

поддерживающим связи с хорватской политической эмиграцией. Только благодаря вмешательству Мирослава Крлежа и его заступничеству перед Тито ему удалось избежать многолетнего заключения. Туджмана приговорили к тюремному заключению сроком на два года, который позднее был сокращен до девяти месяцев.

После кончины Тито, в 1981 г., он вновь приговаривается к трем годам заключения. После его интервью шведскому и немецкому телевидению, а также французскому радио ему было запрещено заниматься всякой публичной деятельностью в течение пяти лет. Припомнили Туджману также и интервью, опубликованное в эмигрантской газете «Хорватское государство», в котором он говорил о своем видении истории, неравноправии Хорватии, гонениях на диссидентов и завышенности данных о жертвах лагеря Ясеновац, выступал за плюралистическую демократию. Пробыв в тюрьме с 1982 по 1983 г., он был отпущен на лечение. Однако в 1984 г. вновь возвращен для продолжения отбывания наказания. Позднее в том же году состояние здоровья Туджмана опять ухудшилось, и он был освобожден условно.

Взгляды Туджмана — историка и диссидента по вопросам новейшей истории Хорватии, конечно, расходились с официальной историографией коммунистической Югославии. По мнению современника Ф. Туджмана Иво Голдштейна, по политической силе, знанию историографии и широте взглядов на историю Ф. Туджман, безусловно, шел впереди других.

Начиная с 1987 г., когда ему был возвращен паспорт, Туджман много ездит по Европе, США, Канаде, завязывая контакты с хорватской эмиграцией и налаживая связи, которые сыграли свою роль в последующие годы. Пройдет несколько лет и с исторической арены уйдет социализм. Начнется мучительный кровавый распад СФРЮ. Что же произойдет с диссидентски настроенной интеллигенцией при постсоциализме?

Представители этой интеллигенции частично превратятся в новый политический господствующий класс, частично займут полудиссидентскую позицию по отношению к новой системе и возглавят оппозиционные партии и движения. Были и такие, которые замкнулись в себе, разочаровавшись результатами происшедших перемен. Те диссиденты, которые становятся частью господствующей политической элиты, решают для себя задачу, как не предать себя и при этом реализовать свою политическую программу. Другими словами, бывшие интеллектуалы-диссиденты,

ныне действующие политики, оказываются распятыми между властью и либеральной утопией.

Что касается Туджмана, то ему не пришлось идти против своих убеждений. Он относился к той незначительной части диссидентов, которые стали протагонистами консервативных идей и неототалитаризма. Следует сказать, что была одна черта, объединявшая все группы диссидентов: они в основном жили прошлым. При этом идейным и политическим победителем оказывался национализм. Во имя «исконных» духовных и национальных ценностей предлагался возврат к абсолютистско-теократической форме правления. Ведущей идеей в эпоху перемен стала идея национального государства.

Создание ХДС¹ и борьба за независимую Хорватию

После краха коммунистической системы в 1989 г. Ф. Туджманом было основано ХДС. Его платформой служили образование самостоятельной Хорватии, создание массового национального движения, которое бы объединило сторонников различных политических концепций и идеологических воззрений.

В 1990 г. в Хорватии прошли многопартийные выборы, на которых победило ХДС. Ф. Туджман становится председателем Президиума Республики Хорватия. До 2000 г. дата избрания Туджмана на этот пост отмечалась как День государственности.

После принятия новой Конституции Ф. Туджман побеждает два раза на выборах президента Республики Хорватия: в 1992 г., набрав 56,7%, и в 1997 г. – получив 61,4% голосов. Под его руководством ХДС побеждает на всех парламентских выборах с 1992 до 1997 г.

С самого начала ХДС ставило перед собой цель полноправного присоединения Хорватии к ЕС и прощания с «Балканами». Большое значение придавалось также возрождению хорватских традиций, культуры, языка, истории. Планировалось и установление государственного капитализма в противовес неолиберальному, который, как считал Ф. Туджман, такую малую страну, как Хорватия, сделал бы узником мультинациональных компаний.

Помимо поддерживающего его относительного большинства хорватов, проживавших в стране, ХДС опиралось на хорватскую

¹ ХДС – Хорватское демократическое содружество.

эмиграцию, оказавшуюся за рубежом после Второй мировой войны. Главными противниками помимо сербов считались проюгославски настроенные хорваты, приверженцы коммунистической идеологии, а также некоторые хорватские национальные партии умеренной ориентации, которым популистские, по их мнению, риторика и дискурс Туджмана казались неприемлемыми.

Следует отметить, что Ф. Туджман в своих устремлениях был не одинок. Известно, что «великие вожди» малых балканских народов ради реализации своих великодержавных претензий сформировали в начале 90-х годов так называемые экспертные группы, перед которыми была поставлена задача начертить карты с новыми границами будущих государств и спланировать «гуманное переселение» народов, с тем чтобы была достигнута максимально возможная национальная гомогенизация.

Особенно впечатляющее свидетельство о планированной хорватско-сербской ампутации Боснии и Герцеговины дается в книге мемуаров академика Д. Биланджича «История вблизи», отрывки из которой были опубликованы в журнале НИН за 2006 г. [НИН., с. 73].

Первое заседание экспертных групп состоялось 10 апреля 1991 г. В ходе обмена мнениями с двух сторон было установлено, что Сербия не хочет конфедерации, а Хорватия не признает имевшуюся в тот момент федерацию. Сербия была готова помочь Хорватии в создании самостоятельного государства, ожидая, что Хорватия в ответ на это поможет Сербии создать новое, самостоятельное сербское государство. Выступивший во втором раунде переговоров с сербской стороны академик К. Михайлович заявил, что общие интересы сербов и хорватов диктуют разделение Боснии и Герцеговины. Возможно, это, по его словам, является последним шансом для обоих народов. Границы предполагалось установить таким образом, чтобы как можно больше сербов и хорватов проживали в своих государствах.

Все четверо хорватов, участвовавших в заседании (Й. Шентия, Д. Биланджич, З. Лепотич и С. Сокол), единогласно отказались вести переговоры о «Краине», подчеркнув, что «они не отдадут ни пяди земли современной Хорватии». В ответ сербы выдвинули тезис, что право на самоопределение имеют граждане, а не республики. На это хорваты ответили, что в таком случае данный принцип нужно применить и по отношению к албанцам в Косове и венграм в Воеводине. В качестве аргумента против точки зрения хорватов сербы заявили, что албанцы и мадьяры не явля-

ются южнославянскими народами и потому не имеют права на свою точку зрения. На вопрос Д. Биланджича, к кому, например, должна относиться община, в которой 50% мусульман, 30 – хорватов и 20% сербов, представители сербской стороны ответили: «Мусульмане в расчет не принимаются – значит хорватам» [Jović, 2015, s. 47].

Читая все это, невольно думаешь, сколь далеки от истины политологи, утверждающие, что СФРЮ разрушил исключительно внешний фактор.

Во время третьего раунда переговоров Туджман еще раз заявил, что существует исторический момент для того, чтобы Хорватия и Сербия реализовали свои интересы.

Выступивший с сербской стороны К. Михайлович сказал, что Босния и Герцеговина должна быть разделена, даже в случае возрождения прежнего централизованного устройства, а мусульмане могут переселиться в Турцию. Примечательно, что тогдашний президент Македонии К. Глигоров знал о договоре между Милошевичем и Туджманом, предполагавшем раздел Боснии и Герцеговины. В одном из интервью Глигоров приводил слова Туджмана о том, что он даже ценой войны не откажется от исторической возможности превратить Хорватию вновь в независимое государство, как это было во времена хорватских королей.

Оба лидера – Туджман и Милошевич – находились в эйфории по поводу возможного увеличения размеров своих национальных государств, что им должно было помочь укрепиться во власти.

Что же касается проживавших на территории Хорватии сербов, то, выступая в 1998 г. на открытии военной школы «Бан Йосип Елачич», Ф. Туджман скажет: «Хорватия решила сербский вопрос в Хорватии... Мы согласились с возвращением части сербов в Хорватию, с тем чтобы обезопасить себя от всякого рода нападков типа того, что Хорватия – продолжение НДХ и не потерпит ни единого серба. Мы решили сербский вопрос, и численность сербов не будет больше составлять 12%, а югославов – 6%. А те 3%, которые будут, не станут больше угрожать хорватскому государству» [Sve nastrane, 1996].

В начале 1990-х годов под руководством Ф. Туджмана начинается переосмысление истории. Он считал, что как основатель хорватского государства может беспрепятственно менять ее по своему усмотрению. Хорваты были причислены им к одной из самых древних наций на территории Европы с тысячелетней государственностью, основным предназначением которой было остановить исламское

вторжение на Запад. 9 апреля 1991 г. на первом общем Саборе ХДС Ф. Туджман скажет: «НДХ было не только “квислингским” изобретением и “фашистским злодеянием”, но и выражением исторических чаяний хорватского народа, воплотившим мечты о самостоятельном государстве, а также осознанием этого международными акторами, в данном случае правительством гитлеровской Германии, которая на развалинах Версальского договора строила новый европейский порядок» [Dr. Franjo Tuđman. Zloduž broj 1., 1996].

Изменения, касающиеся исторической памяти, проявились в переименовании многих улиц и школ, носивших имена партизан, народных героев и коммунистов. Им были даны имена известных личностей из хорватской истории. Так, произошло переименование в 1990 г. площади Жертв фашизма в площадь Хорватских великанов. Этот факт широко обсуждался общественностью. В результате был даже создан Комитет по возвращению площади прежнего названия.

Судьбу переименованных улиц и площадей разделяли и памятники. Последние стали одним из орудий новой власти, с помощью которого общественности подавали знак, о чем нужно помнить, а что следует забыть из периода Второй мировой войны. «Что касается разрушения памятников и уничтожения памятных досок – то это только жест, которым хорватский народ выразил свое прощание с прошлым», – скажет первый президент страны [Sve nastrane misli., 1996]. В результате памятники, бывшие символом победы над фашизмом, стали символом павшей коммунистической диктатуры. Некоторые другие памятники, наоборот, были возвращены на прежние места, что символически должно было означать конец прежнего и начало нового режима.

По данным Союза антифашистов Хорватии, в период 1990–2000 гг. в Хорватии было разрушено 2964 памятных мест, демонтирован 731 памятник [Banjeglav, 2012, s. 100]. Больше всего пострадали памятные места, свидетельствовавшие об убийстве сербов усташами, истреблении еврейского населения, а также злодеяниях, творимых фашистскими оккупантами над хорватами, памятные места, связанные с ролью Коммунистической партии и видными организаторами НОБ.

В 1990-е годы в общество внедряется представление о статусе жертвы, отвечающее новым национальным мифам. Центральное место в формировании той части хорватского национального идентитета, которая основывается на жертвенности, заняла траге-

дия Вуковара¹. Битва за Вуковар играет роль мифа, легшего в основание хорватской государственности. В 1996 г. Ф. Туджман заявил, что «другое памятное для хорват место – Ясеновац² следует превратить в место “хорватского национального примирения”, поскольку усташи и партизаны во Вторую мировую войну, каждый по-своему, боролись за одно и то же хорватское государство» [Sve nastrane misli..., 1996]. По этой причине он предложил превратить Ясеновац в место поминовения всех хорватов – жертв военных действий. Однако против этого предложения выступили антифашисты Хорватии и еврейская община, а также Мемориальный музей холокоста в Вашингтоне.

В то же время меняется и отношение властей к событиям в Блейбурге³. Так, в 1995 г. на церемонии по случаю 50-летия этих событий он был назван «холокостом хорватских мучеников».

В дальнейшем, после завершения правления Ф. Туджмана, официальная политика по увековечиванию исторических дат в Хорватии будет стремиться к европейским стандартам. Если в 1990-е годы власти проводили демонтаж памятников, воздвигнутых в память о Второй мировой войне, то в 2007 г., во время празднования 60-летия со дня восстания против фашистских оккупантов в Хорватии, новый президент Хорватии С. Месич заявил, что такое массовое явление, как разрушение памятников, поощряемое со стороны тогдашних властей, является позором для всякого честного гражданина [Banjeglav, 2012, s. 117].

Туджманизм и его истоки

Сам Туджман называл себя «хорватом, марксистом, революционером и историком». Существуют оценки, данные этому политику некоторыми исследователями.

Хорватский политолог Д. Йович в своей статье «Ленинские и сталинские источники политики Туджмана, направленной на само-

¹Трехмесячная осада г. Вуковар, вылившаяся в самые тяжелые и кровопролитные бои в войне за независимость Хорватии.

²Лагерь Ясеновац – место гибели в период Второй мировой войны нескольких тысяч людей – в основном сербов, евреев, цыган и хорватских антифашистов.

³Австрийский город Блейбург, ставший известным потому, что именно здесь партизаны отправили в лагеря и без суда ликвидировали политическое руководство «Независимой Державы Хорватской», военнотружущих и сопровождавшее их гражданское население.

определение и отделение», прослеживает корни политики Туджмана в ленинской и сталинской интерпретации марксизма. Для хорватского лидера наиважнейшим аспектом ленинизма является право народа на самоопределение. Известно, что Сталин пошел дальше, расширив его до «права на отделение». Когда в 1989 г. Ф. Туджман вновь окунулся в политику, он опирался именно на этот постулат для решения хорватского национального вопроса. «Опора Туджмана на старые идеологические концепции привела его к необычной и нелогичной коалиции с антикоммунистическими консерваторами, поскольку и одни и другие будущее видели как “возврат в прошлое”» [Jović, 2015, s. 15].

На глобальные изменения, происшедшие в мире, и конец эпохи социализма Туджман смотрел, по мнению Йовича, со страхом и надеждой. Как и многие в Хорватии, в том числе неформальная оппозиция, и власть предрекавшие, с которыми у будущего президента были близкие контакты, он боялся, что закат социализма станет концом и для социалистической национальной политики. Хорватские националисты в 80-е годы прошлого века считали, что, хотя в Югославии теоретически хорватский вопрос был решен, «на практике» хорваты и дальше продолжали оставаться угнетенной нацией. При этом даже ярые антикоммунисты ссылались на права, гарантируемые Конституцией, и были склонны обращаться к истории, в том числе к коммунистическому и партизанскому движению периода НОБ, говоря об «утраченных идеалах». В свое время Туджман вступил в КПЮ, так как считал, что революция нужна для осуществления национальных целей. По мнению Туджмана (так же как и его современных последователей), тот факт, что нациям в многонациональных государствах, которые строились на принципах, отличных от концепции Ленина (например, Шотландия, Каталония), не удастся выделиться в самостоятельные государства, только подтверждает, что ленинизм – более эффективная концепция для националистических движений, чем демократия западного типа. «Страх перед демократизацией Югославии объединил Милошевича, Кучана и Туджмана в их противостоянии демократическим выборам на союзном уровне» [Jović, 2015, s. 42].

Милошевич, по мнению Йовича, боялся «непринципиальной коалиции» всех других народов против сербов как «господствующей нации». Кучан и Туджман, как представители «малых народов», считали, что в демократической Югославии их народы потеряли бы статус, полученный в Югославии, построенной на

ленинско-сталинской концепции: статус равноправного «конституционного народа». Другими словами, лучше малое государство, где «мои» – в большинстве, чем большое, в котором «мои» – в меньшинстве.

Детабуирование личности Й.Б. Тито, получившее размах в середине 1980-х годов, в эпоху либерализации, также вселяло страх и рассматривалось как нападение на права, в том числе и на «право на самоопределение вплоть до отделения». Хорватия в эти годы была самым стойким защитником Конституции и отказывалась от серьезных реформ. Как пишет Д. Йович, она оставалась верна идеям Тито и Ленина дольше, чем Словения и Сербия. Новая власть во главе с Туджманом не ставила под сомнение достижения социалистического периода в решении национального вопроса в Югославии.

В отличие от Чехословакии, Венгрии и Польши, полностью отказавшихся от ленинского наследия, в независимых государствах, возникших на территории распавшейся Югославии, политику диктовали консерваторы двух типов. К первому относились ленинисты-сталинисты, стойко защищавшие право своих народов на самоопределение и отделение и не признававшие их малыми народами, проживавшими на территории новых независимых государств. Другим типом консерваторов были антимарксисты и антилибералы. Это был «брак по расчету» между двумя, на первый взгляд, несхожими группами консерваторов. Однако он был возможен, в том числе потому, что и те и другие выступали за «возврат в прошлое». В нем они искали идеалы и ответы на вызовы будущего.

«Вместо того чтобы ориентироваться на новое, они обратились к идеалам 30-х годов, как Туджман, 50-х годов – как Милошевич [Jović, 2015, s. 44]. Вдохновленный идеей решения национального вопроса, основанной на революционной концепции «права народа на самоопределение вплоть до отделения», Туджман в своей программе пытался примирить усташей и коммунистов. На сербов и Сербию он смотрел как на господствующую нацию, от которой Хорватия и хорваты должны освободиться. К сербам, проживавшим на территории Хорватии, он относился как к нации *sui generis*, как к части господствующей нации. В этом контексте их протесты он воспринимал как призыв к «оккупации» или «агрессии», рассматривая их действия исключительно как часть некоего «великосербского плана».

Оппоненты Туджмана называли его перевертышем, ревизионистом-сталинистом экстремистского толка. Говорили, что у

него было больше силы воли, чем ума, и что он хотел силой войти в историю, затеяв игру с собственной судьбой и своим народом. Сам же он не раз повторял: «Умереть за хорватское государство – это то, ради чего стоит жить»¹. В одной из статей о Ф. Туджмане есть слова, которые невольно врезаются в память: «Он умер абсолютно счастливым человеком». Думаю, что можно было бы сказать: он умер с чувством исполненного долга.

Президент Хорватии Ф. Туджман был похоронен 13 декабря 1999 г. со всеми государственными, военными и религиозными почестями. На похоронах присутствовали десятки тысяч людей. Правда, из глав государств был только Демирель. Факт отсутствия на похоронах глав других государств позволяет сделать вывод о том, что его политика не пользовалась практически никакой поддержкой ни в Европе, ни в Америке, ни в России. Выступивший наряду с другими высокопоставленными лицами премьер Златко Матеша заявил: «История навсегда запомнит, что под вашим руководством и партии, которую вы основали, хорватский народ первый раз, спустя девять столетий создал независимое суверенное хорватское государство» [Kuljić, 2012, s. 602]. Академик Й. Арамица подчеркнул заслуги Туджмана в национальном примирении.

В отличие от Тито и Милошевича, похороненных не на кладбище, а рядом с собственным домом, Туджман был похоронен на городском кладбище вблизи церкви, под звуки литургических песнопений. Это еще раз должно было подчеркнуть, что Туджман – символ хорватского антиюгославского национализма с клерикальным оттенком².

Все постъюгославские лидеры были умными аппаратными игроками, хитрыми, осторожными людьми, которые смогли, используя чужие интересы, выстроить баланс сил, позволивший именно им прийти к власти. Туджман, как и Милошевич, выстроил режим личной власти. Для него, так же как и для Милошевича, демократия – это прежде всего демократия для него и его окружения. Однако в отличие от Милошевича, которым руководило прежде всего стремление к власти любой ценой, Ф. Туджмана вдохновляла идея хорватского национализма. По словам бывшего посла США в Югославии У. Циммермана, его преданность Хорва-

¹ Feral Tribunen. 16.04.2004.

² Кстати во время похорон Милошевича звучали «Подмосковные вечера», что должно было символизировать близкие покойному ценности: сербско-русское братство и дружбу.

тии была самого примитивного типа. Он никогда не показывал понимания или интереса к демократическим ценностям. Как говорят его многочисленные оппоненты, став президентом Хорватии, он хотел одновременно быть королем и царем и создал класс правителей-клептоманов. При нем существовали управляемая демократия и карликовая оппозиция. Под контролем находилось телевидение. Процесс выборов также полностью контролировался государственным аппаратом. Однако когда он умер, то вся построенная им система («туджманизм») развалилась немедленно. Было такое впечатление, что не было ни партии, ни сотен тысяч трудящихся, которые поддерживали победоносный режим Ф. Туджмана. Созданная им партия проиграла выборы, и через месяц к власти очень легко пришел новый продемократический президент.

В приговоре военному и политическому руководству боснийских хорватов от 29 мая 2013 г. Гаагский трибунал указал, что Туджман был участником совместного преступного сговора, целью которого было изгнание нехорватского населения с территорий, которые должны были стать частью хорватского государства, на территорию Боснии и Герцеговины. Так что вполне возможно, что ему не удалось бы со временем избежать Гаагского трибунала. Однако если все же он оставался бы на своем посту еще какое-то время, вероятно, он стал бы тем самым автократическим лидером, который, сосредоточив в своих руках огромную личную власть, приобрел бы черты тоталитарного правителя и был бы не в состоянии стабилизировать государство. Рано или поздно его правление столкнуло бы страну на антимодернизационный путь развития, привело бы к определенной изоляции от европейской цивилизации, к которой он стремился в начале своего президентства.

Но был ли Ф. Туджман исключением среди постсоциалистических лидеров или скорее правилом?

Парадоксы постсоциалистической трансформации

Известный сербский ученый З. Видоевич в одной из глав своей книги «Транзиция, реставрация и неототалитаризм» пишет о парадоксах постсоциалистической трансформации. К одному из них он относит тот факт, что важные позиции в переходный период занимают представители прежней номенклатуры, а также отсутствие в некоторых постсоциалистических странах с президент-

ским правлением реального распределения полномочий и сосредоточение почти всей «царской» власти в руках главы государства. По его словам, миф «авангардной» партии заменяется мифом многопартийности. При этом умалчивается тот факт, что во многих из этих обществ многопартийная система подчиняется авторитарной и даже диктаторской форме президентского правления. «Из такой автократии и хаоса, внутреннего и внешнего, рождаются тенденции неототалитаризма», – пишет З. Видоевич¹.

Исследователь обращает внимание еще на одну черту авторитарного правления: усилившуюся агрессивность по отношению к другим народам. «Агрессивной внешней политикой слабая автократия стремится прикрыть свою слабость, допущенные промахи и неудачи, получить поддержку масс» [Vidojević, 1997, s. 320]. При этом само бесправное и коррумпированное государство также выступает творцом общественного, и прежде всего нормативного, хаоса, разыгрывающегося в интересах новых господствующих элит, заинтересованных в перераспределении мощи и богатства.

Исторический опыт показывает, что слабое общество чаще всего приводило к становлению сильного автократического государства. На руинах социализма, по словам исследователя, преимущественно устанавливается «естественная связь» между слабым обществом и слабой демократией, а также между слабым обществом и слабым автократическим государством. Феномен слабости автократического государства как специфической черты транзита в поделенном по национальному, религиозному, классовому, политическому и идеологическому признакам постсоциалистическом обществе все еще мало изучен. К такому выводу приходит сербский ученый во второй половине 1990-х годов.

Другой сербский исследователь, профессор факультета политических наук из Белграда З. Стойилькович уже в 2015 г. рассматривает такое характерное для постсоциалистических стран явление, как связь между системной, политической коррупцией и слабым государством [Stojiljković, 2015]. Для слабого государства, по его словам, характерна невозможность самостоятельного принятия решений и их реализация, отсутствие веры со стороны граждан в институты, высокая степень коррупции, безработица, бедность и т.д. Слабое государство не в состоянии добиться кон-

¹ Поражает тот факт, что книга З. Видоевича «Транзиция, реставрация и неототалитаризм» вышла в 1997 г., когда многие еще продолжали пребывать в состоянии перестроечной эйфории.

сенсуса по основным общественным и политическим вопросам. Оно не может защитить основные гражданские и имущественные права населения. Оно является международной проблемой, а также создает проблемы для своих граждан. Оно часто нарушает права человека, вызывает гуманитарные катастрофы, становится причиной миграции населения, настроено воинственно по отношению к соседям. Оно может быть прибежищем для международных террористов, которые представляют глобальную проблему. Такое государство может через налоги обеспечить солидные доходы, но при этом управляет ими коррупционным способом, обеспечивающим небольшой горстке чиновников, контролирующих администрацию, увеличение своих доходов в ущерб своим гражданам.

В привилегированном положении оказываются две большие группы: а) крупные успешные предприниматели, которые добились своих богатств благодаря политической поддержке и монопольным привилегиям; б) представители определенных партий во главе неприватизированных предприятий и общественных фондов. Их привилегированная позиция обусловлена лоббированием партийных интересов.

Таким образом, оказывается, что, спустя два десятилетия после окончания авторитарного правления Ф. Туджмана, завершения вооруженных конфликтов, постсоциалистические государства все еще остаются слабыми и стоят на страже интересов имущих и власть предержащих. Может быть, в этом и заключается основной парадокс постсоциалистической трансформации, причем не только на Балканах?

Эксперт перечисляет такие характерные черты постконфликтных и посттоталитарных обществ, как разрушенная экономика, бедность, коррупция, отсутствие доверия к институтам, недостаток демократической политической культуры, низкий уровень социально-политического развития и многочисленные водоразделы, существующие в обществе, которые требуется преодолеть. Ангажированность людей, связанных с криминальным миром, и незаконченные реформы государственных институтов привели к дополнительным отрицательным последствиям, ударившим по государству.

Особо аналитики выделяют проблему политической коррупции. Под ней подразумевается практика злоупотребления властными полномочиями в интересах одного или нескольких лиц с целью увеличения их власти и богатства. Корруптированное или политически зависимое правосудие облегчает усиление коррупции

в верхах, подрывает реформы и сводит на нет установленные законом нормы. Когда правосудие – часть коррумпированной системы, богатые и коррумпированные действуют без страха перед санкциями.

Возможно, самый краткий и точный ответ на вопрос о корнях неототалитаризма при постсоциализме дал Ю.С. Пивоваров: «Там, где либеральное есть лишь фрагмент, набросок, “немейнстрим”, оно может быть переработано в тоталитарное» (Пивоваров, 2015, с. 18).

Список литературы

- НИН. Публикации и ссылка, содержащиеся в журнале. – 27.07.2006. – С. 72–75.
- Пивоваров Ю.С. Из-под каких развалин говорю... // Россия и современный мир. – М., 2015. – № 4. – С. 6–47.
- Banjeglav T. Sjećanje na rat ili rat sjećanja? // Karačić D., Banjeglav T., Govedarica N. Revizija prošlosti. – Sarajevo, 2012. – S. 96–162.
- Dr. Franjo Tuđman. Zloduha broj 1. – Mode of access: <http://www.jadovno.com> (Дата обращения: 01.02.2016.)
- Franjo Tuđman. – Mode of access: <http://hr.m.wikipedia.org> (Дата обращения: 02.02.2016.)
- Jović D. Lenjinistički i staljinistički izvori tuđmanove politike samoodređenja i odijeljenja // Politička misao. – Zagreb, 2015. – N 1. – S. 15–47.
- Kuljić N. Grob i moć – tanatosociološka analiza sahrana Tita, F. Tuđmana i S. Miloševića // Sociologija. – Beograd, 2012. – N 4. – S. 595–606.
- Stojiljković Z. Korupcija i slaba država // Mediteranski politikološki dijalozi // Zbornik radova sa konferencije. – Podgorica, 2015. – S. 34–46.
- Sve nastrane misli Franje Tuđman. – Mode of access: <http://www.jadovno.com> (Дата обращения: 05.03.2016.)
- Vidojević Z. Tranzicija, restauracija i neototalitarizam. – Beograd, 1997, 374 s.

ОБЗОРЫ И РЕФЕРАТЫ

А.Ф. Дырина

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛИДЕРСТВЕ (Реферативный обзор)

Ключевые слова: политическое лидерство; политический образ; политический имидж (или бренд); человеческий капитал; власть; президенциализация; роль лидера; страны Восточной Европы.

Keywords: political leadership; political image; political persona (or brand); human capital; power; presidentialization; leadership role; Eastern Europe.

Политическое лидерство в зарубежной и отечественной политической науке изучается в контексте анализа деятельности лидеров, теорий личности, групповой психологии, особенностей восприятия индивидуального и массового сознания. Единого подхода к описанию политического лидерства, его природы и проявлений нет [Перспективы..., 2012, с. 98–99].

В XX в. в политической практике сформировалась устойчивая тенденция, связанная с медиатизацией и виртуализацией моделей современной публичной политики, политиков и политических партий. Создаются образы, бренды, порой далекие от реальных субъектов политики, для воздействия на общественное сознание через трансляцию целевым группам созданной виртуальной модели посредством СМИ. В мире постоянно происходит множество событий, но событиями в аспекте общественной значимости они становятся только при помощи СМИ, которые привлекают внимание массовой аудитории к одним событиям, умалчивая о других [Володенков..., 2012, с. 227–232].

Рассмотрим работы некоторых авторов, специализирующихся на исследовании обозначенных проблем. Как пишет Е.Б. Шестопал¹, вероятность лично познакомиться с кандидатами, за которых в день выборов голосуют избиратели, очень мала, и решение о выборе политика принимается на основании знакомства с его имиджем или брендом, над которым работает команда специалистов [Образы..., 2008, с. 9]. *Политический образ* представляет собой, как и любой образ, с одной стороны, отражение реальных характеристик объекта восприятия, т.е. политической власти лидера и т.д., а с другой – проекцию ожиданий субъекта восприятия, т.е. граждан. В образе политической власти отражаются знания, представления, мнения, оценки, ожидания, эмоции, требования массового сознания к власти [Образы..., 2008, с. 12].

Под *образом* понимается отражение личности лидера (партии, государства, организации, товара и пр.) в массовом и индивидуальном сознании граждан. Под *имиджем (или брендом)* подразумевается специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (партии, государства, и т.д.) [Образы..., 2008, с. 13].

В структуре образа политического лидера Е. Егорова-Гантман (доктор политических наук, президент Центра политического консультирования «Никколо М») выделяет следующие характеристики: *персональные* – физические данные (внешность, пол, возраст), психологические (характер, личностные черты), политические, профессиональные и деловые качества (политические ориентации, организаторские способности, лидерский потенциал); *социальные* – статус лидера (официальная позиция, принадлежность к определенной социальной группе, материальное положение), происхождение, биография, характер взаимодействия с различными социальными группами – сторонниками и оппонентами; *символические* – лидеры становятся знаками определенных идеологий, того или иного возможного будущего, определенного курса действий. Среди факторов, влияющих на восприятие политических лидеров, одними из наиболее важных являются их психологические черты (например, компетентность, порядочность, лидерство, честность, ум, справедливость и т.д.) [Образы..., 2008, с. 14–15].

Информация о личности политика поступает к избирателю по двум основным каналам: вербальному (содержание и манера

¹ Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

речи) и визуальному. 55% впечатления зависит от того, как политик выглядит, 38 – от тембра его голоса и только 7% – от того, что он говорит [Образы..., 2008, с. 22].

Одной из наиболее распространенных процедур контроля за процессами, происходящими в общественном мнении, является измерение рейтингов политиков или их места среди политических приоритетов в сознании избирателей. Для политика – это инструмент, с которым он может сверять свои действия с оценками избирателей. Для избирателя – это некий показатель относительного успеха одного политика в сравнении с другими. Рейтинги могут рассматриваться как один из инструментов прогноза. Правдивость рейтингов во многом зависит от того, проводят ли их независимые исследовательские центры или «свои». Искажение реальной расстановки сил возможно как в результате недобросовестности или некомпетентности социологов, так и в результате самообмана и самих политиков, и работающих с ними специалистов [см.: Политическая..., 2012, с. 166–169].

Зарубежные социологи Г. Герт (профессор социологии из Германии) и Ч. Милз (профессор социологии Колумбийского университета) выделили четыре фактора, которые необходимо учитывать при рассмотрении феномена лидерства: черты и мотивы лидера как человека; образы лидера и мотивы следовать за ним, которые существуют у последователей; характеристики роли лидера; институциональный контекст, т.е. те официальные и правовые параметры, в которых работает лидер и в которые он и его последователи вовлечены [см.: Политическая..., 2012, с. 265].

По мнению Уинтера Дэвида, профессора Мичиганского университета (США), личность можно рассматривать как систему из четырех взаимодействующих, но принципиально различных компонентов: *социального контекста*, который состоит из усвоенного наследия прошлого и текущих ситуаций; *личностных черт*, понимаемых как видимые публике регуляторы его поведения; *знаний*, складывающихся из явно выраженных публично личностных принципов, убеждений, ценностей и самооценки; а также *мотивов*, состоящих из широких, повторяющихся и долгосрочных целей. [см.: Перспективы..., 2012, с. 36]. Социальные контексты – это прошлое и настоящее на макро- (культура, социальная структура, исторический контекст) и микро- (семья, образование, ежедневные ситуации) уровнях [там же].

Д. Уинтер предположил, что достижение (стремление к превосходству), аффилиация (стремление к теплым дружественным

отношениям и единству) и власть (стремление оказывать влияние на других) составляют три основных побуждения, или измерения, мотивированного поведения¹ [см.: Перспективы..., 2012, с. 40].

Ю.В. Ирхин (доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) выделил следующие качества эффективного политического лидера – наличие инновационной политической программы или новаторской стратегии и тактики; умение выражать и отстаивать взгляды и интересы; наличие определенных черт (настойчивость, воля, гибкость и т.д.), имидж руководителя, отвечающий нормам морали и этике данного общества; уровень политической культуры; популярность, поддержка со стороны широких народных масс; наличие «команды» помощников и исполнителей; быть «своим» в глазах людей и в то же время «особенным», «недоступным»; выступление от имени общества, группы, система политических ценностей [Перспективы..., 2012, с. 48–49].

Человеческий капитал – базовая категория для элитологических исследований. В числе основных структурных элементов человеческого капитала политической элиты исследователи выделяют: физический капитал (состояние здоровья, уровень работоспособности, физические и психологические качества); культурный капитал (практическое знание, навыки социализации, ценности); образовательный капитал (профессиональные знания, умения, навыки). Структурирование человеческого капитала политической элиты дает возможность провести комплексный анализ личностных характеристик ее представителей [Попов..., 2012, с. 87–88].

Политика и политические лидеры ассоциируются в том числе с понятием «власти». Каковы ее источники? Х. Хекхаузен² выделил шесть источников власти: *власть вознаграждения*, когда субъект власти имеет влияние на объект за счет того, что обладает необходимым для объекта ресурсом, вознаграждение может быть материальным (премия, подарок, услуга и т.д.) и нематериальным (похвала, улыбка, одобрение, благодарность и т.д.); *власть наказания или принуждения*, ресурсы также могут быть материальными (штраф, физическая расправа, увольнение) и нематериальными (грубые слова, обвинения, хамство); *власть эталона* – субъект власти имеет влияние на объект за счет того, что является для объекта примером для подражания; *власть знатока или эксперта* –

¹ Winter D.G. Personality: Analysis and interpretation of lives. – N.Y., 1996.

² Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – М., 1998.

субъект власти является носителем важных знаний, умений, навыков, авторитетен в конкретной сфере, в то же время объект власти должен признавать субъекта власти экспертом (он может являться таковым, а может и не являться), иначе источник власти не будет работать и влияние на объект власти невозможно; *информационная власть* – субъект власти имеет влияние на объект власти за счет наличия информации о ситуации или об объекте власти, это прежде всего подготовка к встрече с объектом влияния и к решению проблемы, сбор первичных сведений о том, с кем будет происходить взаимодействие; *нормативная власть* – субъект власти имеет влияние на объект за счет того, что обладает законным правом контролировать и регулировать поведение объекта [Бурикова., 2012, с. 282–285].

Свобода – важнейшее условие формирования и критерий оценки человеческого потенциала в современном мире. Функция свободы как права реализуется через признание гражданского статуса совершеннолетнего – человека, самостоятельно формирующего и воплощающего в жизнь цели, ценности и смыслы. Функция свободы как высшей политической ценности реализуется властью через регуляцию возможностей, способностей и прав граждан и гражданами. Политика в соответствии со своими целями создает и распределяет в обществе объемы возможностей, формирует образовательные системы, обучая людей контролировать свое поведение и способствуя в большей или меньшей степени осмысленности самоконтроля [Коновалова., 2012, с. 397, 406].

Как пишет Вит Глоушек (профессор политологии, Университет им. Масарика (Брно)), политика партий Центральной и Восточной Европы является хорошим примером как тенденции централизации внутрипартийного принятия решений, так и поддержки кандидатур сильных личностей в роли партийных лидеров. Данный тренд наблюдается во всех трех основных сферах деятельности партий: в избирательных кампаниях, во внутренней организации партий, в правительственной политике [Hlousek Vit., 2015].

Автор в данной статье рассматривает партийные системы Чехии, Венгрии, Польши, Словакии и Словении. С одной стороны, важной становится роль лидера в более традиционных, устоявшихся партиях, таких как Гражданский демократический альянс в Чехии и Фидес в Венгрии; с другой стороны, даже более очевиден процесс под названием «президенциализация». Его суть состоит в росте власти и автономии политических лидеров в сферах исполнительной власти и в деятельности политических партий. Избира-

тельный процесс становится все более лидероцентристским¹, он заметен на примере появления новых «партий протеста». Они концентрируются вокруг сильных личностей, которые зачастую не предпринимают попыток установить и поддерживать более сложную внутрипартийную организацию [Hlousek Vit., 2015].

Президенциализация (если рассматривать понятие как концепцию) является важным аналитическим инструментом. Ее можно использовать для описания тренда, характеризующегося ростом влияния и власти лидеров в современной партийной политике. Это не результат изменений конституционной и правовой основы или изменений избирательной системы, но скорее результат естественного усиления роли, которую играют лидеры в рамках существующего набора правил. Роль лидера, главы исполнительной власти – в большинстве европейских стран это премьер-министр – усиливается в трех областях: энергетические ресурсы, самоуправление и избирательный процесс [там же].

Концепция возникает как комбинация теоритического анализа и эмпирического наблюдения за развитием партийной системы в Западной Европе. Но она может быть эффективно применена и к партиям Центральной и Восточной Европы. Набор факторов, которые сыграли ведущую роль в президенциализации в политических партиях Западной Европы, имеет более сильное влияние в Центральной и Восточной Европе. К ним относятся: слабая сопротивляемость расколам и относительно низкая устойчивость в условиях партийной борьбы; низкий уровень партийной институционализации и, как следствие, сильное непостоянство электората; преобладание картельных партий, возникновение и эволюция партий, структура которых создается по образцу коммерческих предприятий.

Необходимо принимать во внимание внешние влияния на политическую среду в Центральной и Восточной Европе, а именно: усиление политических элит как результат европеизации и интернационализации; увеличение степени профессионализма и сплоченности администрации предвыборных штабов; применение политического маркетинга; общественный запрос на сильное лидерство.

Автор статьи фокусирует свое внимание на роли, которую сыграло усиление партийных лидеров в конкретных партиях. Если рассмотреть политические партии в Чехии, Венгрии, Польше, Словакии и Словении, то становится понятным, что по происхож-

¹ The Presidentialization of Politics: A Comparative Study of Modern Democracies. – Oxford univ. press; Australia&New Zealand, 2015.

дению и развитию они делятся на два типа: те, что возникли на ранней фазе демократической трансформации и чья организационная структура претерпела длительный период консолидации; новые партии, возникшие как реакция на кризис, поразивший состоявшиеся партии. Они могут и должны «экспериментировать» со своими политическими установками.

«Presidentialization» – чрезвычайно привлекательный вариант, особенно для новых партий. Но тенденция на усиление роли лидера отмечается и в «традиционных» партиях Центральной Европы. Таким образом, выделяются два типа «перехода к президентству»: как инновационная стратегия в традиционных партиях, где он происходит постепенно; как базис организации, который наблюдается в партиях, построенных по данному принципу изначально [Hlousek Vit., 2015].

Список литературы

- Бурикова И.С., Пушкина М.А. Психология Government Relations (GR) // Перспективы развития политической психологии: Новые направления: Материалы Международной научной конференции 22–23 октября 2010 г. / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – С. 271–289.
- Володенков С.В. Виртуальное и реальное в современной публичной политике // Перспективы развития политической психологии: Новые направления: Материалы Международной научной конференции 22–23 октября 2010 г. / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – С. 226–241.
- Коновалова М.А. Понимание свободы в политической психологии // Перспективы развития политической психологии: Новые направления: Материалы Международной научной конференции 22–23 октября 2010 г. / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – С. 396–407.
- Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 288 с.
- Перспективы развития политической психологии: Новые направления: Материалы Международной научной конференции 22–23 октября 2010 г. / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 496 с. (Библиотека факультета политологии МГУ).
- Политическая психология: Учебник для студентов вузов / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 342 с.
- Попов Д.В. Понятие «человеческий капитал» в контексте элитологических исследований // Перспективы развития политической психологии: Новые направления: Ма-

териалы Международной научной конференции 22–23 октября 2010 г. / Под ред. Е.Б. Шестопа. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – С. 81–89.

Hlousek Vit. Two types of presidentialization in the party politics of Central Eastern Europe // *Rivista Italiana di Scienza Politica*. – November 2015. – P. 16. – Mode of access: https://www.researchgate.net/profile/Vit_Hlousek/publication/283697520_Two_types_of_presidentialization_in_the_party_politics_of_Central_Eastern_Europe/links/5649acf108ae54697fbedf4e.pdf?origin=publication_detail (Дата обращения: 01.07.2016.)

МакАллистер Ян, Уайт Ст.
ЛУКАШЕНКО И ЕГО ИЗБИРАТЕЛИ
(Реферат)

McAllister Ian, White St. Lukashenko and His Voters // East European Politics and Societies and Cultures. – Sage Publishing, Thousand Oaks, 2016. – N 2. – P. 360–380.

Ян МакАллистер – заслуженный профессор политологии в Австралийском национальном университете. Стефен Уайт – профессор политологии в Университете Глазго.

Зарубежные ученые по-разному толкуют внушительную поддержку, оказываемую избирателями белорусскому президенту Александру Лукашенко, начиная с его первого избрания в 1994 г. Исследования авторов, в частности опросы общественного мнения, проведенные после президентских выборов 2006 и 2011 гг., показали наличие связи между переменными величинами социальной структуры, восприятием населением экономических мер правительства, их эффективностью, с одной стороны, и электоральной поддержкой – с другой. Но эта связь не носит устойчивого характера и в значительной степени исчезает с увеличением мер правительственного контроля. Одобрение личности Лукашенко со стороны избирателей является определяющим фактором, вносящим наибольший вклад в успех электоральной поддержки.

По мнению авторов, А. Лукашенко – не только один из самых долго пребывающих у власти в своей должности политических лидеров в мире, но и один из самых загадочных. Отчасти это связано с ограниченными возможностями белорусских средств массовой информации и крайне малым числом «разоблачений» со стороны иностранных государств, что само по себе является следствием его редких выездов за рубеж.

Но для политологов природа самого лидерства Лукашенко остается наиболее интригующей. По мнению исследователей Freedom House¹, Беларусь в 2014 г. была «несвободной», оценки политических прав и гражданских свобод ставили ее вровень с самыми репрессивными режимами мира, ниже Афганистана и чуть выше Северной Кореи и Узбекистана; согласно результатам проекта Nations in Transit², это был «упрочившийся авторитарный режим». Ученые, работавшие над другим исследовательским проектом – Polity IV³, – назвали режим в Беларуси «конституционным самодержавием», где Лукашенко «фактически системно объединил всю политическую власть в своих руках». Оппозиция имеет право быть, но она ограничена «устрашением и принуждением со стороны правительства, государственным контролем СМИ, широко распространенным патронажем по отношению к тем, кто поддерживает Лукашенко, и фракционными расколами внутри самого оппозиционного движения» (с. 361). Вместе с тем все исследователи были согласны, что действующий белорусский президент скорее всего выиграет президентские выборы 2016 г., и признали, что он пользуется «широкой народной поддержкой».

Авторитарное лидерство, которое может опираться на поддержку общественного консенсуса, породило вопросы о происхождении данного консенсуса. Для одних исследователей имеет значение само лидерство и личные качества Лукашенко в частности. Другие обращают внимание на «белорусскую модель», в которой сохранились многие социальные гарантии советского периода, включая полную занятость и доступное жилье. Даже экономические трудности, которые привели к скачку валюты в 2011 г., не позволили нивелировать успех власти в долгосрочной перспективе. Имеется в виду, что на протяжении нескольких лет поддерживался относительно высокий уровень экономического роста и справедливого распределения его результатов, что способствовало сохранению согласия между режимом и обществом. Индекс развития человеческого потенциала ООН (учитывает сово-

¹ Независимая американская организация, борющаяся за свободу и демократию во всем мире, анализирующая политические режимы и степень свободы в странах. – Режим доступа: <https://freedomhouse.org/about-us>

² Исследовательский проект Freedom House, анализирующий уровень демократии в 29 бывших коммунистических странах от Центральной Европы до Средней Азии. – Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report-types/nations-transit>

³ Исследовательский проект, анализирующий политические режимы и их трансформации. – Режим доступа: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>

купно продолжительность жизни, ВВП на душу населения и образование) поставил Белоруссию на первое место среди стран СНГ в 2014 г. (53-й из 187), непосредственно перед Россией (57-я) и намного выше Украины (83-я) и других постсоветских республик.

Объяснения такого рода сами порождали дальнейшие вопросы. Какие социальные группы поддерживают Лукашенко? Распространялась ли эта поддержка равномерно в обществе, как в случае с Владимиром Путиным в России? Или она была сконцентрирована среди определенных групп, таких как пожилые избиратели, ностальгирующих по советскому прошлому и более зависящих от государственных дотаций, или сельские избиратели, которые положительно реагировали на стиль лидерства, напоминавший им руководство директора совхоза. Такой пост Лукашенко занимал в ранний период своей политической карьеры. Действительно, были ли социально-структурные факторы этого рода основным объяснением, а лидерство и государственная деятельность – несущественными? В нижеследующей дискуссии авторы сосредоточивают свое внимание непосредственно на этих вопросах, опираясь в основном на данные представленных на национальном уровне опросов, проведенных после выборов в 2006 и 2011 гг.

Власть президента и белорусская система

По Конституции 1994 г., президент является «главой государства [и] гарантом Конституции Республики Беларусь [и] прав и свобод личности и гражданина» (ст. 79). Его власть чрезвычайно обширна, включая исключительное право назначать премьер-министра, а также назначать и увольнять вице-премьеров и министров правительства. Глава государства обращается с ежегодной речью к парламенту и может отклонять законопроекты (хотя его вето в свою очередь может быть отменено: ст. 100); возглавляет вооруженные силы и представляет государство на международном уровне. Президент также наделен властью издавать декреты и директивы, выполнение которых является обязательным на всей территории страны. Президенту может быть объявлен импичмент на основании его болезни или преступления против государства, но со значительными дополнительными условиями, затрудняющими его (ст. 88). Такие далеко идущие полномочия сильно напоминают те, которыми наделен президент России, но превосходят их в некоторых аспектах (таких, как право приостанавливать забастовки на срок до трех месяцев: ст. 84:23).

Кандидаты на выборы президента Беларуси номинируются на основании как минимум 1 тыс. подписей зарегистрированных избирателей (ст. 81); выборы считаются действительными, если в них приняло участие больше половины избирателей, и побеждает тот кандидат, который получает больше половины голосов (ст. 82). Во время первых выборов в 1994 г. было два раунда голосования, и Лукашенко получил более 80% во втором раунде, решив исход гонки против тогдашнего премьер-министра Вячеслава Кебича. С тех пор во время президентских выборов в стране все решалось в первом туре и примерно с таким же решительным большинством.

Если сравнить первый тур трех выборов с их конечным результатом, получим следующую картину.

Таблица

Голоса, отданные за Лукашенко

Годы	Голоса в первом туре (в %)	Итог (в %)
1994	44,8	79
2001	75,6	83,9
2006	82,6	92,6
2010	79,7	90,7

Таким образом, перевес Лукашенко на всех последующих выборах был еще более убедительным.

Власть самого президента неуклонно расширялась на протяжении всего этого периода. Референдум 1995 г. разрешил президенту приостанавливать деятельность парламента, если он сочтет, что тот действовал неконституционно. Другой референдум – 1996 г. – еще больше расширил президентские полномочия, включив право распускать парламент, аннулировать решения правительства, назначать членов верхней палаты и Конституционного суда – способом, едва ли согласующимся с принципом разделения властей. Дальнейший референдум – 2004 г. – снял требование, согласно которому президент не может находиться в должности больше двух последовательных сроков, позволив Лукашенко, по своему желанию, занимать этот пост до бесконечности.

Государственное устройство Беларуси после 1996 г. точнее всего можно описать как «суперпрезидентское». Наиболее тщательное на данный момент исследование по этому вопросу, которое было проведено на территории постсоветских республик, ос-

нованное на средневзвешенной версии Индекса политической власти М. Шугарта и Дж. Кэрри¹, обнаружило, что довольно слабой власть президентов была в Прибалтийских республиках и Молдавии, которые ушли от полупрезидентской к парламентской системе в 2000 г. В Украине и Грузии – «умеренная» власть президента, так же как в Киргизии и Таджикистане, хотя их конституции просто опускают некоторые соответствующие положения. Другие страны, в том числе Беларусь, были классифицированы как «суперпрезидентские» из-за «громкой концентрации власти в руках президента», включая «практически бесконтрольную исполнительную власть» (с. 363). Белоруссия в этом перечне оказалась второй, уступив только Туркмении, в соответствии со шкалой концентрации политической власти в руках президента. Данный результат согласовывался с ее оценками и в других исследованиях.

Авторитарные формы политики появились в Белоруссии до «воцарения» Лукашенко и до установления его доминантного президентства. Но однажды избранный, Лукашенко закрыл единственную в стране независимую радиостанцию, ограничил уличные акции протеста и использовал референдум 1996 г., чтобы заменить существующий парламент полностью подчиненной ему Палатой представителей. К середине 2000-х годов, после снятия ограничений пребывания на посту президента и переизбрания Лукашенко подавляющим большинством, режим мог быть описан как «руководящий». Это означает, что политическая оппозиция была «фактически подавлена» и оставлена без какого-либо представительства в белорусском парламенте. В отличие от Украины, в Белоруссии не было полуавтономной бизнес-элиты, которая могла бы финансировать политический альтернативный проект. Важно было, что Россия могла обеспечивать экономическую и дипломатическую поддержку, которая противодействовала западному давлению с учетом длительной перспективы.

Белорусская система того периода могла быть рассмотрена как пример авторитаризма, допускающего конкуренцию и изредка победу оппозиции, но и злоупотребления со стороны правительства и доминирующую роль государства, «нечестный доступ к СМИ» и т.д. Некоторые из подобных стран стали демократичнее (например, Мексика и Словакия), но Беларусь и Россия стали более авторитарными. По состоянию на 2010 г. больше дюжины конкурентоспособных авторитарных режимов продолжали существовать 15 лет или больше.

¹ Позволяет оценить объем законодательных полномочий президента.

Их можно было назвать «неполными» или «частичными» демократиями. Но Левитски (профессор Гарвардского университета) и Вэй (профессор из Университета Торонто) считают, что они могут быть классифицированы как «особые, недемократические режимы», со своими собственными характеристиками (с. 364). Другие ученые определяли белорусский режим как «авторитарность с выборами», что на самом деле было «модальной формой самодержавия», или, что проще, «диктатурой», некоторыми даже описываемой как «президентская монархия» (с. 364).

Фундамент, на котором держится лидерство Лукашенко

Объяснение поддержки Лукашенко, в частности, получаемой им на выборах, может быть разделено на три категории: социально-структурная, социально-экономическая и личностная.

Данные опроса, собранные во время переизбрания Лукашенко в 2001 г., например, показали, что меньше всех его поддерживали предприниматели (4% опрошенных), а больше всех – пенсионеры (62%) – значительная сила на выборах, так как они представляли собой более 35% электората. Работники совхозов (48%) также представляли собой значительную поддержку и были значительной избирательной силой в обществе, где 31% населения проживал в сельской местности. Другие опросы, проведенные в ранние годы его второго президентского срока, подтвердили, что голосовавшие за Лукашенко чаще встречались среди людей старше 60 лет, с низким уровнем образования, живущих в небольших городах и деревнях. Его основные избиратели «могут быть лучше всего охарактеризованы как социально уязвимые, т.е. те, кто верит, что им нужна защита со стороны государства, и смотрит на таких политиков, как Лукашенко, как на своих защитников» (с. 364).

Избиратели Лукашенко распределились неравномерно и по территории страны. Восток, включая Витебскую область, где Лукашенко родился, и Могилевскую область, в которой он работал директором совхоза, поддерживал его сильнее всех; Могилевская область обеспечила наибольшую долю голосов за Лукашенко в двух из четырех президентских выборов в период между 1994 и 2010 гг., а Гомель – в двух других. Наименьший уровень поддержки во всех случаях исходил от Минска. Но по мере того как Лукашенко распространял свою власть по стране, широкое неравенство сходило на нет и «больше не было значительного раскола по линии восток – запад».

Более важным, на взгляд экспертов из Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ¹), был демографический критерий. В частности, были заметны различия между городом и селом (в селах Лукашенко поддерживали намного больше), между поколениями (сильно выраженная поддержка среди пенсионеров), между полами (женщины гораздо охотнее голосовали за Лукашенко, чем мужчины). Прослеживалась и связь с различными уровнями образования: наиболее выраженной была поддержка от тех, кто не имел образования выше начального.

Подобные толкования не являются безоговорочными, другие исследователи, используя более тщательные статистические методы, пришли к довольно сильно отличающимся заключениям. Как только другие обстоятельства были приняты во внимание, выяснилось, что те, кто поддерживал Лукашенко, не были вероятно пожилыми или менее образованными, чем остальные, и не жили, вероятно, в селах. На самом деле это было «по большей части совпадением» (с. 365). Пожилые люди больше поддерживали существующее правительство; не возраст создавал различия, но другие факторы, с ним ассоциирующиеся. Аналогичная ситуация с противоположными выводами проявилась в отношении критерия образования: при всех прочих равных условиях, «более образованные люди были настроены позитивнее по отношению к режиму, чем люди с более низким уровнем образования». Сопоставляя все переменные, авторы выяснили, что позитивный взгляд на предыдущий коммунистический режим имел некоторое значение, но позитивная оценка нынешнего режима была «в основном вызвана современной экономической ситуацией в стране».

Данные опросов показали, что мужчины (в отличие от женщин), а также молодые избиратели менее охотно голосовали за Лукашенко. Но следует учитывать, что это могут быть одни и те же люди. Прихожане (посещающие церковь минимум один раз в месяц) охотно голосовали за Лукашенко в 2011 г., но не в 2006.

Те, у кого был позитивный взгляд на экономическую ситуацию в стране, больше были склонны голосовать за действующего президента. Также имела место быть связь между улучшением материального положения семьи респондента и голосами за Лукашенко, хотя она и имела меньшее статистическое значение. Те, кто считал, что уровень коррупции среди должностных лиц невысок и

¹ Белорусский негосударственный исследовательский центр. – Режим доступа: http://www.iiseps.org/?page_id=16

коррупция уменьшилась по сравнению с советским периодом, голосовали за Лукашенко более охотно.

Еще более поразительные результаты получались, когда авторы проверяли связь между голосованием за Лукашенко и тезисом, что «сильный, всемогущий лидер может дать стране больше, чем любые законы», и еще в большей степени верой в президента как в политический институт. То есть те, для кого роль лидера, президента является приоритетной, отдавали свои голоса за Лукашенко.

Однако авторы, проанализировав взаимосвязи этих утверждений и статистические данные, пришли к выводу, что личное одобрение Лукашенко со стороны электората влияет на результаты больше, чем просто вера в сильного лидера, положительные оценки деятельности правительства или социальные характеристики респондента.

Будущее Лукашенко как президента

Президентское лидерство в постсоветских республиках имеет ряд общих характеристик. Типично, что президентов избирали прямым голосованием. У них была обширная, даже «суперпрезидентская» власть. И иногда (как в самой Белоруссии после 2004 г. или в Казахстане после 2007 г.) не было конституционных ограничений периода исполнения их обязанностей.

Определение новых режимов как суперпрезидентских было, однако, только началом соответствующего анализа. Власть президента может, например, быть внушительной на бумаге. Но на практике было трудно отделить саму должность от «исключительных личностей», которые занимали ее «относительно короткий период посткоммунистического правления». Даже значительное личное возвышение Владимира Путина в России потребовало некоторой деконструкции. В течение всего лишь пары лет после своего первого избрания Путин предстал в серии событий как «человек дела». Анализ на личностном уровне наводит на мысль, что «феномен Путина» на самом деле имеет мало общего с самим Путиным: скорее «высокий уровень базировался на экономическом процветании, которое связывалось с лидерством Путина» (с. 373).

Из доказательств, что мы приняли во внимание, было менее очевидно, что лидерство Лукашенко зависит полностью от его экономической деятельности. Само личное одобрение Лукашенко было наиболее тесно связано с голосованием в его пользу, больше чем одобрение государственной деятельности, вера в сильного лидера

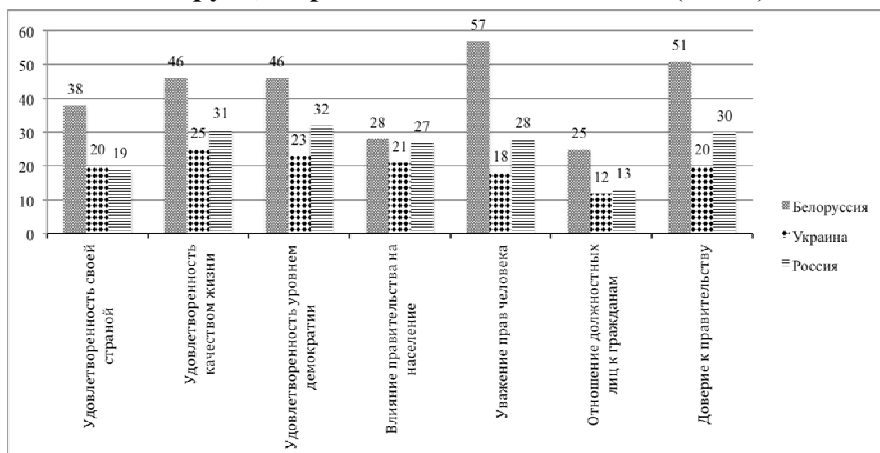
или социальные характеристики респондента. Но белорусский президент мог также утверждать, что он помог своей стране преодолеть испытания международного финансового кризиса 2008–2009 гг. Во время своего выступления в парламенте в 2013 г. он признавал, что это был сложный период; не было возможности избежать финансового кризиса, который был глобален по масштабу и значимости, а текущие события в Греции и на Кипре не давали поводов для оптимизма. Но стабильность была восстановлена, доходы выросли, и Белоруссия оказалась среди 50 топ-стран всего мира по показателям развития человеческого потенциала согласно данным ООН; это была наибольшая эффективность среди всех членов Содружества Независимых Государств.

Сторонние наблюдатели, конечно, относились очень скептически к качеству процесса белорусских выборов. В отчете ОБСЕ по президентским выборам 2010 г. утверждалось, что страна проделала «значительный путь навстречу обязательствам ОБСЕ по демократическим выборам», но наблюдался «недостаток независимости и беспристрастности выборной администрации и ограниченность медиасреды, так же как постоянный недостаток прозрачности на ключевых стадиях избирательного процесса», а подсчет голосов «оставлял желать лучшего в почти половине осмотренных избирательных участков» (с. 373). Сами выборы сопровождалась массовой общественной демонстрацией, которая была жестоко подавлена, а тюремные заключения устранили большую часть потенциальных соперников Лукашенко с политической арены. Госсекретарь США Хилари Клинтон и верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности Европейского союза Кэтрин Эштон выпустили совместную декларацию, порицающую насилие и описывающую сами выборы как «несчастливый шаг назад в развитии демократического управления и уважения к правам человека в Белоруссии» (с. 373–374).

Сами белорусы, судя по данным опроса, не были столь критичны. Примерно половина респондентов (51%) сочли, что выборы дали «возможность людям влиять на управление страной», это немного больше того количества, которое приняло эту точку зрения в России и Украине (около 47% в обоих случаях). Схожее число людей считали, что выборы могут «определенно или скорее всего изменить ход событий в стране» (58% придерживались этой точки зрения в Беларуси, 52 – в России и 59% – в Украине). Две трети (65%) полагали, что президентские выборы были «в значительной степени» или «полностью честными» в отношении подготовки из-

бирательных бюллетеней и подсчета голосов, что было существенно больше, чем 52%, придерживающихся данной точки зрения в России и 48% – в Украине. Все это было справедливо и в отношении проведения избирательной кампании «в конкретном месте», и в отношении честности освещения на телевидении. В общем и целом 56% белорусских респондентов сочли, что президентские выборы были проведены «честно и справедливо»; это был намного более позитивный вердикт, чем в Украине (где лишь 35% придерживались такой точки зрения) или в России (31%).

Диаграмма
Степень влияния на политические процессы
и удовлетворенность населения:
Беларусь, Украина и Россия 2011–2012 (с. 375)

Белорусы чувствовали особенный недостаток возможности политического влияния. Они придерживались взглядов, что их возможность влиять на правительство была гораздо меньше, чем у жителей стран западных демократий, где 36% обычных жителей имели хотя бы «некоторое» влияние. Но по этим же данным, белорусы были больше удовлетворены своей собственной жизнью и устройством их страны, чем жители Украины или России. В контексте большинства западных суждений, они были больше удовлетворены тем, что они понимали как «уровень демократии», чем жители Украины или России. Они в два и три раза больше верили, что права человека уважают, и вдвое больше – что госу-

дарство относится к жителям «равноправно». И они были более склонны доверять своим гражданским институтам – не только правительству, но также судам, политическим партиям и торговым объединениям, полиции и армии, СМИ и своим местным советам.

Это, конечно, одна из определяющих черт авторитарного режима: манипулировать потоками информации внутри государства и за пределами его границ. В Беларуси государственное телевидение всегда было продолжением самого режима, а независимые СМИ работали в трудных обстоятельствах. Но с развитием электронных СМИ правительство, где бы то ни было, имеет меньшие возможности для контроля над потоками информации, чем раньше. Белорусы могут получать доступ к российскому и украинскому телевидению, напрямую или через Интернет, и к западным каналам через спутники, Космос-ТВ и Евроньюс. Они могут ездить за границу и понять западную политическую практику на месте. По данным опроса, 36% белорусов посещали хотя бы одну из Прибалтийских республик (в России – только 18% жителей, в Украине – 14%). И почти 1 млн шенгенских виз, позволяющих без ограничений путешествовать по странам Евросоюза, было выдано белорусам в 2014 г. – больше на душу населения, чем в любой другой стране мира. Маловероятно, что лидирующая позиция Лукашенко на протяжении нескольких выборов определялась его способностью контролировать потоки людей и политических идей.

Сам факт того, что Лукашенко провел так много времени у власти, сохранял и укреплял его позиции. Ход времени, как подметили Роуз, Мишлер и Манро¹, «медленно подталкивает людей приспособляться к новым институтам» (с. 375). И как только новый режим демонстрирует, что он может удержаться, «поддержка возрастает за счет политической инертности... Сохранность режима также снижает ожидание того, что еще одна смена режима возможна, поддерживая смиренное принятие статус-кво» (с. 375). Многие из бывших советских республик успешно сохраняли авторитарное правление на протяжении более чем двух десятилетий. Государственные устройства такого рода, вероятно, будут способны поддерживать свои позиции формой «мягкого авторитаризма». Послания к национальным СМИ помогали им устранять некомпетентных и коррумпированных претендентов, так же как и политически независимых; ограниченное верховенст-

¹ Ричард Роуз, Уильям Мишлер – американские политологи, Нейл Манро – американский журналист, политический обозреватель.

во права помогало им уменьшать должностные злоупотребления; дружественным режиму партиям было позволено бороться за места в парламенте, эта борьба могла быть даже сфабрикована. Если новый строй был способен пережить испытания нескольких первых лет, то «по прошествии времени авторитарный режим мог аккумулировать достаточно народной поддержки, чтобы стать безальтернативным, несмотря на недостатки» (с. 376).

Политические лидеры в обстоятельствах такого рода использовали определенные механизмы, которые помогали им оставаться в должности без неприкрытых жестоких мер. В белорусском случае были некоторые предпосылки того, что авторитарный, но в то же время широко поддерживаемый президент будет искать способ расширить свой политический базис, реформируя сами политические институты. Направляя чиновников из столицы, Лукашенко настаивал в своем президентском обращении, что они должны чаще встречаться лицом к лицу с обычными людьми на заводах и рабочих местах: «Люди должны видеть нас!» Его обращение 2012 г. расширило акцент на «дальнейшее развитие политической системы» и было устремлено в будущее к «нормальной цивилизованной партийной системе», которая будет играть большую роль в избирательном процессе (в противном случае президент будет продолжать нести ответственность за все). Его обращение 2015 г. к Национальному законодательному собранию подчеркнуло важность прямых коммуникаций, таких как еженедельные телефонные разговоры, которые были все больше и больше организованы региональными чиновниками (за предыдущие два месяца их было больше 10 тыс.). А выборные органы на всех уровнях должны были прилагать усилия, чтобы гарантировать, что они представляют полный спектр народного мнения: «Лучше обсуждать данные проблемы в парламенте, чем на улицах» (с. 376).

Возможно, это была самая большая загадка, заданная Александром Лукашенко: по общему мнению, «последний диктатор в Европе» все равно выиграл бы подлинное соревнование, если бы такое имело место быть. Также стало очевидным, что осознанная способность влиять на правительство (которая в Белоруссии сильнее, чем в России или Украине) необязательно требует наличия конкурентных выборов; она может осуществляться другим способом. Возможно, было проще найти альтернативы конкурентным выборам в относительно маленькой и сплоченной стране, с унитарной правительственной системой, чем в намного более крупных федерациях, раскинувшихся на несколько часовых поясов и

множество культур. Вероятно, авторитарные формы политики сдерживали олигархические силы, которые в других постсоветских республиках оставили обычных граждан вне самого политического процесса. Так или иначе, данные говорят о президенте, который был зависим от продолжающегося экономического подъема меньше, чем его коллеги, где бы то ни было на постсоветском пространстве, и который мог ожидать дальнейшего продления своего срока.

А.Ф. Дырина

Клаус В.
ЧТО МЫ ЧУВСТВУЕМ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
ПОСЛЕ КРАХА КОММУНИЗМА //
КЛАУС В. МЫ, ЕВРОПА И МИР
(Реферат)

Klaus V. Pocity po více než dvou desetiletích od padu komunismu //
Klaus V. My, Evropa a svět. – Pr., 2013. – S. 11–41.

Написать эту книгу Вацлав Клаус задумал в последний год своего президентского срока (2012). Это не мемуары, к ним, как написал сам автор, он пока не готов. Это, по его словам, несколько пространные рассуждения о времени, которое было для него, как и для миллионов людей в Чехословакии и Чехии, бесценным периодом жизни «без тяжелого панциря, которым на протяжении десятилетий сковывал, тормозил и подавлял коммунизм. Большому числу людей он радикально изменил жизнь, а некоторых ее даже лишил» (с. 7).

Для В. Клауса это были 23 года существования в политике, чего перед ноябрем 1989 г. он не мог предположить и не планировал. Он мечтал о возвращении к академической карьере, которую безжалостно прервал август 1968 г. В дни «бархатной революции» он неожиданно быстро был вовлечен в политику, что имело множество последствий. Более 20 лет его лицо ежедневно мелькало на экране телевизора, о нем постоянно писали в средствах массовой информации.

Ниже приводится реферат первой главы книги, в которой он хотел бы поделиться со своими читателями чувством разочарования. Проистекает оно из того, что современный мир все более отдаляется от идей общества «Мон Пелерин», от идей свободы, парламентской демократии, рыночной экономики. В. Клаус отме-

чает, что у него не было предвзятого критического отношения к политической, экономической, социальной и в целом общественной ситуации в стране. Напротив, в первой половине 1990-х годов ему казалось, что под влиянием происходивших тогда фундаментальных изменений страна приближается к миру, сформированному на основе этих идей. Теперь он испытывает совершенно противоположные чувства как от развития в Чехии, так и в Европе, да и во всем западном мире.

В. Клаус с огорчением констатирует, что мир, в котором он живет, гораздо более социалистический и даже коммунистический, в любом случае менее свободный, чем тот, какой он представлял себе в порыве первоначального энтузиазма накануне «бархатной революции».

Человеку, который жил при коммунизме и безмерно радовался его падению, сегодня в иные минуты кажется, что во многом он опять возвращается в эпоху, которую уже однажды пережил и о которой думал, что она окончательно ушла в прошлое.

Западный человек, пишет В. Клаус, не имея непосредственного личного опыта радикального осуждения прошлого своей страны, живет в «нирване» беззаботности и ему кажется, что государство не может предпринять ничего существенного, и потому не удивлен сегодняшним развитием и не разочарован так, как он.

«Двадцать лет тому назад мы наблюдали и на собственной шкуре ощущали, что прямо перед нашими глазами и при нашем личном участии (а возможно, и благодаря нашим заслугам) происходит радикальное и бесспорно в своей основе позитивное движение по оси несвобода–свобода, государство–рынок. Мы хотели больше свободы и меньше государства, что и происходило в реальности. Это не было иллюзией. И тогда, так же как и сейчас, максимум свободы и минимум вмешательства государства казались нам решающими для человеческой жизни» (с. 14–15). «Мы не хотели большего равенства в доходах, позитивной дискриминации, минимизации выбросов CO₂, более короткой рабочей недели и более длительного отпуска, большей или меньшей исламизации мира и тому подобного. Все это должно было стать результатом свободного общественного взаимодействия, а не вынесенной за скобки целью. Именно в этом мы видим основное различие между нами и социалистами всех сортов» (с. 15).

В. Клаус отмечает, что источником оптимизма было и то, что «бархатная революция» происходила в уникальную с исторической точки зрения эпоху Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер.

Благодаря Рейгану и Тэтчер, а в мире идей Хайеку, Фридману, Стиглеру и другим мыслителям, мы поддались заблуждению, указывает В. Клаус, что на Западе капитализм – по крайней мере на определенный период – был защищен от постоянно повторяющегося «восстания масс» Ортеги, собственно от мирового социализма. Далее он отмечает, что теперь у него уже нет такого чувства, так как, по его мнению, от капитализма и свободы опять понемногу отщипываются куски. И приближение Чехии к ЕС также означало и означает отступление от капитализма.

Невероятно быстро в Чехии была создана система политической свободы и парламентской демократии, которая сменила предшествующий несвободный, авторитарный, а в определенные периоды и тоталитарный политический режим. В экономике стали доминировать рынок вместо планирования и частная собственность вместо государственной. Настали всеобщая либерализация, отмена регулирования и субсидирования не только в экономической области. Во всех своих ролях государство отступило на второй план, а свободный индивид, наоборот, вышел вперед.

В начале второго десятилетия XXI в. ситуация представляется В. Клаусу совершенно иной. Поэтому у него возникает вопрос: были ли у него 20 лет назад неуместные и неоправданные иллюзии? Отвечая на него, он подчеркивает, что у него была сильная и оптимистическая вера в долгосрочно действующую силу принципов свободного мира, в силу рынка, в силу идей свободы и в способность претворить эти идеи на практике, как только падет тоталитарная система. Клаус не разделяет иллюзий о возможной конвергенции капитализма и социализма, так полюбоившихся Западу с начала 1960-х годов, или заблуждений о возможном третьем пути.

С 60–70-х годов XX в., с момента возникновения Римского клуба и публикации первых, катастрофических и, по мнению Клауса, в целом абсурдных и, возможно, идеологических, но ни в коем случае не научных взглядов, у него был страх перед «зеленой» идеологией, перед энвайронментализмом, в котором он видел пагубную альтернативу традиционной социалистической доктрине. По сути, эта доктрина в глазах Клауса представляет собой попытку изменить человеческое общество по направлению к несвободе и этатизму.

На протяжении своей жизни при коммунизме В. Клаус опасался левых интеллектуалов, поскольку постоянно убеждался в том, что именно интеллектуалы, хотя они этого не признают, были и остаются главным локомотивом коммунизма и близких ему доктрин

(а в прошлом были самыми надежными гарантами его существования). Настоящими борцами за коммунизм никогда не были реальные представители рабочего класса, того – Марковского пролетариата.

У В. Клауса вызывает тревогу то, как благодаря все увеличивающейся массовости высшего образования на Западе растет «перепроизводство недоучившихся интеллектуалов». Сегодня, отмечает он, мы являемся свидетелями последствий этой недообразованности – поверхностность общественного дискурса достигла выдающихся масштабов (с. 23).

По мнению Клауса, социализм (а точнее коммунизм) с самого начала был заложен на торжестве науки и на твердой надежде на то, что наука разрешит все существующие человеческие и общественные проблемы. Из этого ключевого положения многие делали вывод: менять систему нет необходимости. Достаточно сделать ее немного более просвещенной, управляемой и регулируемой. Амбиции науки В. Клаус сравнивает с намерением «порадовать» бога Мардука, построив Вавилонскую башню. Как известно, эта попытка провалилась и так же должна провалиться нескромная попытка науки организовать человеческое общество. Социальная инженерия всегда казалась Клаусу пагубным проектом, и он считает, что коммунизм был «только» одним из примеров этого подхода.

В. Клаус испытывал при коммунизме страх перед технократией или, другими словами, перед верой в правильность доминирования науки и техники в рациональном (а главное, свободном) устройстве человеческого общества и перед пренебрежением нежелательными (а может, кем-то и желаемыми) общественными последствиями такого подхода. Вдобавок он опасался власти компьютеров (и вообще современных информационных технологий) или же взгляда на мир, который люди, их воспевающие, разделяют. Его удручает, что героями современности являются Бил Гейтс, Стив Джобс или Марк Цукерберг, а не толкователи общественных взаимосвязей этих и любых других технологических революций.

Вацлав Клаус считает, что, хотя в коммунистическую эпоху он и такие, как он, обращали внимание на проходившие в мире процессы, некоторые явления они недооценили. Сегодня, по его мнению, многое стало яснее и очевиднее. Он объясняет недооценку некоторых уже тогда проявлявшихся тенденций тем, что такие, как он, вступали во взрослую жизнь в «золотые» 1960-е годы. То десятилетие, особенно его вторая половина, принесло как на Западе, так и в странах со-

ветского блока, а в Чехословакии особенно, глубокие изменения, которые оказывают свое влияние вплоть до настоящего времени.

Сегодня каждому мыслящему человеку становится очевидным, пишет Клаус, что те романтические годы знаменовали наряду с изменениями в культурной сфере период целенаправленного подрыва авторитета традиционных ценностей и проверенных демократических общественных институтов. 1960-е годы, как это видно сегодня, были скорее победой идей якобинцев и коммунистических революционеров, нежели защитой традиций и унаследованного (и спонтанно созданного) строя. Было положено начало масштабной деградации цивилизованного поведения, уважения, почтительности и воспитанности и, в конце концов, качественной культуры. Они многое «в нас» освободили, многое и похоронили. Последствия этого очень сильно сказываются и сегодня.

«Тогда и долгое время после преобладала тенденция рассматривать события 60-х годов как однозначно позитивные, что, естественно, не относится к трагическому завершению полных надежд 60-х годов в августе 1968. Политическая активность “коммунистов-реформаторов” и связанное с ней пробуждение миллионов, известные как “Пражская весна”, которая, по всей вероятности, могла перерасти в действительно демократическую революцию (если бы на это имела время) и которую смогла подавить только советская военная интервенция, нас немного “ослепила”. Мы думали, что если мы переживаем бунт в его метафизическом понимании, по Камю, то так происходит везде. Долгое время мы не осознавали, что в странах Западной Европы происходит весьма своеобразная революция, начатая в 1789 г., достигшая своей кульминации в 1917 г., революция против человеческой свободы. Осознанная человеческая свобода не безответственная анархия, чуждая обязанностей, проистекающих из элементарного уважения к сформировавшемуся в ходе эволюции строю. Хотя мы и предчувствовали, что парижские баррикады радикальных левых студентов, так же как и американское движение против войны во Вьетнаме, никакой борьбой за свободу не являются, в целом мы недооценивали фатальные проблемы 60-х годов. И не только мы» (с. 28).

В результате, делает вывод В. Клаус, за то десятилетие мир явно сдвинулся влево. Наряду с целым рядом достойных внимания художественных произведений осталось лишь совсем немного первоначальных, незаменимых ценностей, на которых с самого начала было основано западное общество. Помимо этого родилось поколение, которое абсолютно не понимает значения цивилизации

онного, культурного и этического наследия и посему не имеет никакого компаса для своего поведения. Им утрачена забота о прошлом и поэтому, что парадоксально, и о будущем. Либерализм приватизировал и в своих политических целях деформировал левых, вынудив их бороться против свободы, против демократии. Хотя советский коммунизм чах и разрушался, однако некоторые его черты – несколько в измененной форме – переселились на Запад. И эта инфекция 60-х годов все расширяется и укрепляется и снова начинает доминировать в современном мире.

В. Клаус считает, что была недооценена сила власти разных сторонников так называемого гражданского общества или коммунитариев – коллективистских сообществ, начиная от Вацлава Гавела до Амитаяя Этциони. Недооценили и то, что власть большинства часто представляет собой лишь власть суммы – не несущих ответственности за целое – меньшинств (как неоднократно напоминал Милтон Фридман) и поэтому большой проблемой демократии является краткосрочность временных горизонтов и неизбежная в этом случае недальновидность политических решений, которые эти меньшинства, – на деятельности которых основана политика этого типа, – принимают.

В прошлом В. Клаус опасался продолжающегося уже длительное время постепенного, внешне никого не беспокоящего перехода от гражданских прав к правам человека и связанной с этим и возникшей на этой основе идеологии «правозащитизма», «гражданского общества» (как он считает, в Чехии наиболее ярко ее воплощал В. Гавел).

Права человека, как это собственно и обозначено в словах «human rights», – это идеология, у которой нет ничего общего с практическими вопросами индивидуальной свободы человека-гражданина и свободой политического дискурса. Это в своей основе притязания на нечто, что кто-то (подразумевается государство) должен обеспечить человеку из средств кого-то другого: притязание на хорошее жилье, на труд, на качественное медицинское обслуживание и т.д. Поняты такие образом права – пусть многие это и не понимают – очень часто являются производными членства в какой-либо группе (этим совершенно логично ослабляются позиции независимой и свободной личности). Классические либералы и либертарианцы – вымирающая сегодня группа людей – обращают недостаточно внимания на то, что условием свободы является подчинение этих групповых прав личным правам индивида.

К стандартным гражданским правам, о которых мечтали поколения наших предков, права человека («human rights») не имеют никакого отношения. По своим последствиям они фактически являются революционным отказом от гражданских прав. Так называемые права человека по своей сути являются правами универсальными, общепланетарными и если бы это было возможно, то их объявили бы и вселенскими. А это не предполагает необходимости какого-либо гражданства. Идеологи прав человека хотят разрушить принцип гражданства как устаревшую рухлядь. Поэтому «хьюманрайтизм» становится прямым предлогом для постепенной ликвидации суверенитета государств, особенно в современной Европе.

В. Клаус усматривает связь «хьюманрайтизма» с формированием современной эпохи политической корректности и отмечает всю губительную силу последней. Он считает, что политическая корректность несет угрозу самой основе свободного общества – открытым и масштабным дискуссиям в форме свободного обмена мнениями.

С «хьюманрайтизмом» и политической корректностью тесно связан радикальный подъем еще одной современной альтернативы или суррогата демократии, для обозначения которой Клаус использует специальный термин – юстициократия. Сегодня, пишет он, мы являемся свидетелями того, что политическая власть, хотя медленно и почти незаметно, но весьма последовательно отбирается у прошедших через выборы политиков и передается никем не избранным судьям. Иначе говоря основу юстициократии составляет отсутствие демократии.

Юстициократия является следующим шагом к созданию постполитического общества. В прошлом в пропаганде борьбы за права человека этого положения не было или, может, на это не обращали должного внимания. Хотя борьбу В. Гавела и всех гавелистов против чешской нарождающейся еще слабой политической и парламентской демократии Клаус и его сторонники видели очень отчетливо. И видели, как этим самым чешская демократия ослабляется и почти уничтожается.

В. Клаус сокрушается, что не предвидел того, насколько сильные позиции в мире получают NGO (негосударственные организации), или институты так называемого «гражданского общества», и насколько непримиримой будет их борьба против парламентской демократии, которая по прошествии времени представляется все более успешной. «Институты типа NGO как продукт организованных групп, стремящиеся неполитическим путем получить различные

льготы и привилегии, являются прямым попранием той самой революционной либерализации общества, которая совершалась в западном мире последние два столетия. Уже не помню, где впервые я увидел высказывание, что эти институты знаменуют собой новую рефеодализацию общества, но считаю его абсолютно точным» (с. 34).

После падения коммунизма, отмечает В. Клаус, мы недолго наслаждались истинной свободой личности, поскольку наша демократия очень быстро превратилась в медиакратию, которая представляет собой еще одну альтернативу демократии, вернее еще один путь уничтожения демократии. В последнее время этому феномену уделяется большое внимание. В своем нашумевшем выступлении в 1978 г. в Гарварде Александр Солженицын сказал, что «средства массовой информации стали сильной властью в западных странах, превосходящей власть законодательную, исполнительную и судебную». Возможно, поэтому его выступление никогда не одобряли в западных, особенно медийных и академических, кругах. Его сочли критикой в адрес Запада с Востока, чего они не могли допустить. Однако это была очень качественная и необходимая критика отрицательных аспектов развития западной цивилизации. «В полузакрытом, полуавтаркическом коммунистическом мире, в котором в силу печального опыта, полученного вследствие империалистической политики Советского Союза, нами категорически отрицалось все наднациональное, навязываемое нам из Москвы, мы не увидели **силу и опасность постепенного перехода от национального и интернационального к транснациональному и сверхнациональному**, совершающегося в “свободном” мире. Тогда по понятным причинам мы детально не изучали европейскую интеграцию и не видели в ней опасность сверхнациональности, уничтожающую демократию и суверенитет страны, а видели преимущественно лишь ее либерализующий, делающей Европу открытой аспект. Последствия коммунитаризации или европейского и глобального правления со всеми его нынешними угрозами я тогда и, правда, не предвидел» (с. 37).

Критикуя современное состояние европейской интеграции и Европейского союза, В. Клаус высказывает недоумение в связи с позицией многих классических либералов, которые выступают против всего национального (неправомерно связывая его с государственным). По его мнению, транснациональный и сверхнациональный мир является более подходящей почвой для застоя и несвободы, чем национальный и интернациональный.

«Я не ожидал, будучи в то время на взлете, вызванном усилиями создать в нашей стране предпосылки для возможности эволюционного развития в направлении к действительно свободному обществу, что защита идей капитализма, свободного рынка и минимизации роли государства будет настолько слабой. Я не ожидал, что капитализм и рынок станут почти неподходящими, но в любом случае, политически некорректными словами, которые современный “порядочный” политик постарается не использовать.

Я не ожидал такой ненависти к словам прибыль, обменный курс, кредитная ставка, капитал, банк, финансовые институты. Я думал, что нечто такое было только обязательной колоратурой марксистской или коммунистической доктрины, в которую не верили даже ее толкователи. Только теперь я вижу действительную глубину ненависти к богатству и к продуктивному труду, только теперь я осознаю, что идеология антикапиталистических рассуждений вызвана человеческой завистью и в целом примитивной мыслью, что богатство другого получено за мой счет» (с. 38).

В. Клаус пишет, что он не ожидал встретить такую любовь к public goods, к общественной собственности, к общественному сектору, к видимой руке государства против невидимой руки рынка, к перераспределению, к мудрости избранных по сравнению с мудростью остальных, на основе предположения, что люди знают лучше нас, что для нас хорошо.

В. Клаус сожалеет, что так быстро забылись идеи монетаризма в пользу кейнсианства, так быстро забыто, что слово регуляция представляет собой не что иное, как планирование, что социальная политика настолько разбухнет, что будет мало отличаться от коммунизма, что забыто, что рынок или есть, или его нет, поскольку рынок возникает спонтанно (а не конструируется европейскими комиссарами). Он с удивлением констатирует, что люди так неохотно берут в свои руки ответственность за свою жизнь и так боятся свободы (которая по-хорошему означает жизнь без защищенности), что будут так доверять государству.

Ю.А. Щербакова

**Кайзер Д.
ВАЦЛАВ ГАВЕЛ
(Реферат)**

Kaiser D. Vaclav Havel // Českoslovenští prezidenti – Pr., 2016. –
S. 291–318.

В книге «Чехословацкие президенты»¹ представлены политические портреты деятелей, стоявших во главе независимой республики, возникшей после распада Габсбургской империи и объединившей исторические чешские земли, Моравию и Силезию, а также Словакию (в течение нескольких десятилетий вместе с Подкарпатской Русью или Закарпатской Украиной). Пост президента этого государственного образования, просуществовавшего более 70 лет, занимали девять мужчин. Личности, которые стояли во главе чехословацкого государства, не только делали историю, но и на себе испытывали ее влияние.

И хотя данная книга охватывает не слишком продолжительное время – период, сравнимый с продолжительностью жизни одного человека, в ней отражены драматические события тех лет. Бурным было само возникновение независимого государства, непростыми первые годы его существования, сменившиеся в конце 20-х годов XX в. экономическим и постепенно углубляющимся политическим кризисом, который привел к расчленению республики, утрате ею независимости и, наконец, ко Второй мировой войне. Послевоенное развитие Чехословакии также отмечено сложностями. Помимо коренных изменений в общественно-государственном строе страны были и репрессии в отношении своего народа, и попытка реформирования социализма, пресеченная военным вмешательством стран –

¹ Českoslovenští prezidenti / Ryantova M. a kol. – Pr., 2016. – 344 s.

членов Варшавского договора, «бархатная революция» и за ней трансформация, приведшая к разделу единого государства чехов и словаков. Само название книги «Чехословацкие президенты» ограничивает круг личностей, которые в ней описаны, начиная с Томаша Гаррика Масарика – первого чехословацкого президента и заканчивая Вацлавом Гавелом – последним чехословацким президентом.

Большинство материалов книги «Чехословацкие президенты» основано на лекциях, прочитанных в 2010–2011 гг. в рамках цикла, организованного Содружеством историков ЧР – Историческим клубом 1872. Авторский коллектив возглавляла чешский историк Мария Риантова.

Деятельность Вацлава Гавела стала предметом анализа Даниэла Кайзера, редактора еженедельника «Эхо 24», журналиста, в прошлом сотрудника чешской редакции BBC. Он – автор книг «Вацлав Гавел. Президент»¹ и «Вацлав Гавел. Диссидент»², масштабного исследования о бывшем главе государства, которое считается одним из самых объективных. Оно основано на большом количестве источников. Д. Кайзер попытался посмотреть на своего героя со стороны, рассказать о фрагментах жизни Гавела, не только восхваляющих его. Особое внимание уделено роли Гавела в сохранении общего государства чехов и словаков.

Среди чехословацких президентов В. Гавел является единственным уроженцем Праги. Гавелы представляют собой старинную пражскую семью, которая уже с XIX в. не только участвовала в общественной жизни города, но и способствовала формированию его облика: дед Гавела, тоже Вацлав, строил доходные дома.

С юных лет В. Гавел проявлял интерес к гуманитарным наукам и к театру. Однако поучиться на гуманитарном факультете высшего учебного заведения ему не довелось, а театр с 1959 г. прочно вошел в его жизнь. Он начинал как рабочий сцены в театре Яна Вериха «АВС», но уже в начале 60-х годов его пьесы, поставленные в пражских театрах, стали сенсацией не только в Чехословакии, но и за границей, преимущественно на Западе. Либеральные 1960-е годы, указывает автор, В. Гавел использовал с максимальной для себя пользой. Он много путешествовал, приобрел репутацию и контакты в западных художественных кругах, получал в западных странах солидные гонорары.

¹ Kaiser D. Prezident Václav Havel. – Pr., – 2014. – 320 s.

² Kaiser D. Disident. Václav Havel. – Pr., – 2009. – 280 s.

Автор указывает, что оппозиция режиму нормализации в Чехословакии зародилась в самом начале 70-х годов. Одним из ее первых выступлений была кампания 1971 г., направленная на бойкот выборов. На нее власти ответили массовыми репрессиями (с. 292). Письмо Гавела Гусаку 1975 г. не было первой акцией оппозиции, как утверждает иногда. 1974–1975 гг. были очень «урожайными» на письма протеста. «Письмо Гавела выделялось среди них своим объемом, слогом и глубиной анализа» (с. 292). В то же время Д. Кайзер указывает, что выступление Гавела не было точкой отсчета в деятельности чехословацкого оппозиционного движения. 1975 г. — год Хельсинкской декларации стал важным рубежом для самого Гавела, для определения им его позиции в отношении режима нормализации. Именно в этом году Вацлав Гавел стал проявлять себя активно в рядах оппозиции режиму нормализации в Чехословакии. И когда зимой 1975–1976 гг. было арестовано более 30 чехословацких представителей оппозиционного движения во главе с историком искусства Иваном Йироусом, Гавел организовал кампанию по их освобождению. Вместе с философом Иржи Немцем он подготовил письма с протестами, которые по его просьбе подписали несколько ветеранов чешской культуры, включая Ярослава Сейферта. При помощи Павла Когоута он обеспечил появление аналогичного письма на страницах влиятельного немецкого издания «Frankfurter Allgemeine Zeitung».

Далее пути оппозиции привели Гавела к Хартии-77, история создания которой хорошо известна. Гавел вместе с Немцем и Когоутом инициировали появление этого документа с призывом к чехословацкому правительству выполнять обязательства, которые оно взяло на себя, подписав международные договора о правах человека. «С самого начала Гавел был неформальным руководителем неоднородной группы некоммунистических интеллектуалов, преимущественно писателей, которые в ряде случаев опирались на заветы первой республики» (с. 293).

Д. Кайзер отмечает, что, основываясь на опыте создания и распространения хартии, В. Гавел в дальнейшем будет придавать излишне большое значение написанному и произнесенному слову. Эта привычка, по мнению Д. Кайзера, станет своеобразным тормозом в его практической политической деятельности (с. 294).

Место Хартии-77 в общественной жизни на протяжении 13 лет оставалось практически неизменным, пишет автор. Чего нельзя сказать о положении и роли В. Гавела в диссидентском движении. Жизненные перипетии Гавела Д. Кайзер связывает с его

тюремными заключениями. Гавел отбывал срок несколько раз. В первый раз он был арестован в январе 1977 г. Арест и пребывание в тюрьме заставили Гавела снизить диссидентскую активность и отказаться от лидирующих позиций в оппозиционном движении. Он сложил с себя полномочия одного из руководителей Хартии-77, перестал апеллировать к Западу с критикой режима нормализации. Но уже во время второго заключения он проявил себя как стойкий и последовательный противник режима. Д. Кайзер описывает случай, который, по его мнению, был «ключевым моментом в жизни Гавела» (с. 295). Во время его второго заключения ему пришло приглашение от Милоша Формана принять участие в театральном фестивале в Нью-Йорке (США). «Все стороны молчаливо предполагали, что годовая командировка автоматически превратится в постоянную эмиграцию» (с. 295). Создавалось впечатление, что Гавел хотел бы уехать в Америку. Он говорил своему адвокату, что если ему назначат срок заключения более пяти лет, то он уедет. Однако позже он отказался от идеи эмигрировать. Причины этого решения Д. Кайзер видит в том, что английский язык был сложен для Гавела, и он опасался, что в эмиграции ему пришлось бы прекратить свою литературную деятельность.

Возвращение Вацлава Гавела в диссидентское движение после второго заключения было триумфальным. Он занял в нем место духовно-интеллектуального лидера, к нему обращались за советом в самых сложных ситуациях. Благодаря преследованиям на родине выросла его популярность на Западе. Гонорары, получаемые им за постановки пьес на радио и телевидении, в пять-семь раз превосходили средний размер зарплаты в Чехословакии (с. 297).

Д. Кайзер отмечает, что в завершающем периоде нормализации в Чехословакии, под влиянием событий в Советском Союзе наиболее инициативная часть «серой зоны» стала более активно и открыто помогать оппозиции. И именно Гавел обладал большим потенциалом для того, чтобы «расшевелить» «серую зону». Его неоспоримыми преимуществами были относительная молодость и широкий круг знакомств в богемной среде (с. 297).

Ход «бархатной революции» 1989 г. определили, по мнению Д. Кайзера, вместе с Вацлавом Гавелом «молодые оппозиционеры» — Саша Вондра и Иржи Кржижан. Гавел дистанцировался от ветеранов борьбы за права человека. Основную задачу момента он видел в том, чтобы воспользоваться революционными настроениями среди студентов и актеров, которые под влиянием расправы над студентами объявили забастовку. Создание Гражданского форума (ГФ) было

«срежиссировано» Вацлавом Гавелом, который стал его бесспорным лидером и «к которому за разъяснениями могли обратиться иностранные, а вскоре и чехословацкие журналисты» (с. 298).

Д. Кайзер задается вопросом, существовала ли альтернатива Гавелу в качестве президента страны. Отвечая на него, он пишет, что среди диссидентов и определенной части «серой зоны» у него не было конкурентов. Дополнительным и очень существенным бонусом была его известность на Западе, которую в диссидентских кругах даже отчасти преувеличивали. Однако его кандидатура, известная в среде интеллектуалов, мало о чем говорила простым людям. И это вызывало в рядах ГФ определенную нервозность. На пост президента претендовали также Вальтер Комарек, Зденек Млынарж, Честмир Цисарж. Все они в прошлом были коммунистами-реформаторами и не представляли для Гавела серьезной угрозы. Реальным противником на пути Гавела к президентскому посту был Александр Дубчек, первый секретарь ЦК КПЧ в 1968 г. Даниэль Кайзер характеризует его как сентиментального и нерешительного человека и пишет, что его взгляды представляли в тот период некую «смесь демократии и реформаторского коммунизма. Причем соотношение этих двух составляющих не было ясным» (с. 300). По мнению автора, «с Дубчеком в роли президента политический переворот был бы половинчатым. Гавел представлял собой лучший выбор и с других сторон: воодушевлявшийся во время публичных выступлений, энергичный, благодаря Хартии-77 он являлся моральным образцом» (с. 300).

«Объективным недостатком Гавела было то, что в отличие от Дубчека, который производил впечатление, что он хочет лишь того, что у него было несправедливо отнято, тот публично отказывался от политической власти... При этом на самом деле быть президентом он уже хотел» (с. 300). Д. Кайзер подчеркивает, что у Гавела был реальный интерес к президентскому посту, и это не было с его стороны жертвой, как он неоднократно говорил, а вполне осознанным стремлением к власти.

Еще одним важным доказательством этого Д. Кайзер считает договоренность Гавела с председателем федерального правительства Марианом Чалфой о том, что последний организует его выборы на пост президента коммунистическим составом Федерального собрания, а в благодарность депутатам будет позволено находиться на своих постах до истечения срока действия их мандатов. «В этом мезальянсе критики Гавела будут искать причины первоначального греха “бархатной революции” и ответ на вопрос, почему

не было покончено с Коммунистической партией Чехословакии» (с. 301). Гавел до самой своей смерти отрицал наличие подобной договоренности.

Падение коммунистического режима вызвало в обществе небывалую эйфорию. В первые полгода президентства положение Гавела в политике было сравнимо с положением божества. Он вместе с узким кругом своих друзей определял, кто будет министром, кто станет мэром Праги, руководителем Чехословацкого телевидения, радио, Чехословацкого телеграфного агентства и т.д. Д. Кайзер пишет, что в эти шесть месяцев существовали намерения преобразовать парламентскую политическую модель в президентскую (с. 302).

Что же удалось совершить Гавелу, находившемуся в столь выгодном для политика положении? Д. Кайзер констатирует, что, хотя он исполнил данное им обещание привести страну к свободным парламентским выборам (лето 1990 г.), во внутренней политике это время он не использовал в полной мере. Последовавшее за «бархатной революцией» развитие показало, что основной государственной проблемой являлось создание условий для удовлетворения требований со стороны Словакии, так как в соответствии с Конституцией, существовавшей в этот период в Чехословакии, даже самая незначительная часть словацких депутатов могла заблокировать принятие Федеральным собранием важнейших решений. «Хотя Гавел и признавал остроту этой проблемы, но он не был полностью сосредоточен на ее решении» (с. 302).

Огромная энергия команды президента была направлена в сферу внешней политики. «Град предпринял дипломатическое наступление очарованием, благодаря которому Чехословакия, а после нее и Чешская Республика все 90-е годы считались самыми надежными среди новых демократий» (с. 302).

После выборов 1990 г. закончился период безоговорочного доминирования Гавела во внутренней политике. Результатом этих выборов стало возникновение нового Федерального собрания, депутаты которого являлись носителями совершенно иной легитимности, нежели их предшественники, избранные еще в коммунистической Чехословакии. И хотя новый состав депутатов второй раз избрал Гавела президентом, тот уже больше не мог предполагать, что они будут подчиняться ему как ведущей силе революции. Одновременно обнажились реальные и очень серьезные проблемы, требующие своего решения.

Одной из них стало противостояние с Вацлавом Клаусом, который занял главенствующее положение в Гражданском форуме. Как уже отмечалось выше, Гавел стоял у истоков этой организации, которая с течением времени все больше выходила из сферы его влияния, становясь в своем большинстве на позиции близкого Клаусу правого либерализма. Гавел попытался отстранить Клауса от участия в новом правительстве, обосновывая свою попытку тем, что на него якобы «жалуются его коллеги-министры» (с. 312). Д. Кайзер считает, что у Гавела были силы устранить Клауса, однако он не воспользовался ими в полной мере. И это позволило Клаусу сохранить свои позиции и даже укрепить их (с. 312).

По мнению автора, В. Гавел примирился с тем, что Гражданский форум под руководством В. Клауса все больше смещался к правой стороне политического спектра, тем более что последний обещал ускорить экономическую реформу и реформу в сфере имущественных отношений. Большую опасность, которая могла сказаться на судьбе государства, основанного Масариком, которого Гавел безмерно уважал и почитал, представлял словацкий лидер Владимир Мечиар. До Гавела доходили слухи, что Мечиар является агентом и чехословацкой социалистической, и советской служб безопасности и получил задания развалить единое чехословацкое государство. «С конца 1990 г. борьба за сохранение единой Чехословакии стала главной задачей, которую В. Гавел поставил перед собой на посту президента» (с. 312). «Гавел, естественно, понимал, что словацкое движение за эмансипацию становится все динамичнее, и боялся (вполне оправданно), что споры о государственном устройстве будут отнимать энергию и силы, необходимые для проведения в стране реформ. Ему также было ясно, что если не удастся решить эти проблемы до выборов летом 1992 г., то сохранить федерацию будет уже поздно» (с. 315).

Он предпринял попытку разработать новую конституцию, в которой изменялись бы правила функционирования Федерального собрания. Проект этой конституции, направленный в Федеральное собрание, исчез в нем как в «черной дыре» (с. 316). Потерпев неудачу в федеральном парламенте, В. Гавел попытался активизировать деятельность национальных правительств и национальных советов в деле укрепления единого чехословацкого государства. Под его патронатом весь 1991 г. проходили переговоры их представителей, которые не привели к желаемому результату. В ходе этих переговоров, пишет Д. Кайзер, словацкие представители в лице Яна Чрногурского, который сменил на посту премьер-

министра В. Мечиара, рассуждали о самостоятельном вступлении Словакии в Евросоюз во второй половине 90-х годов и о заключении «межреспубликанского договора, который будет иметь международно-правовой характер», что вызывало настороженность и недоверие у чешских политических элит (с. 316).

В начале ноября 1991 г. В. Гавел предпринял последнюю отчаянную попытку разрешить затянувшийся спор национальных элит и заявил, что если до определенного времени не будет принято совместное решение о будущем чехословацкого государства, то он дистанцируется от процесса переговоров и берет тайм-аут для обдумывания ситуации. Решение не было принято, и Гавел в своем выступлении по случаю второй годовщины «бархатной революции» констатировал, что, исчерпав в этих переговорах свои возможности, он предлагает Федеральному собранию рассмотреть проекты закона о референдуме и конституционного закона, позволяющего президенту в случае роспуска парламента до момента новых выборов управлять с помощью декретов. Законодательная инициатива президента, отмечает Д. Кайзер, была встречена депутатами Федерального собрания настолько неприязненно, что В. Гавел сам отозвал предлагаемые им законопроекты, не дожидаясь их обсуждения. «Так потерпело неудачу последнее публичное выступление В. Гавела за общее государство» (с. 317).

Д. Кайзер отмечает, что Гавел в последние полгода до летних парламентских выборов 1992 г. не капитулировал в стремлении сохранить общее государство. В его окружении обсуждался вопрос о создании президентской партии, которая выступила бы на выборах с программой защиты единой Чехословакии. Однако его советники не были единодушны в этом вопросе, половина выступала в поддержку создания президентской партии, половина – против. «Все два года президентства можно охарактеризовать как постоянное движение от образа “моральной революции” к прагматичному пониманию политики. Однако Гавелу не импонировала идея стать нормальным политиком, и когда его ближайшее окружение однозначно не высказалось в поддержку концепции президентской партии, он от этой идеи отказался» (с. 317).

По мнению автора, проявленные Гавелом инициативы не позволяют оспорить его стремление к сохранению единой Чехословакии.

17 июля 1992 г., через две недели после своего повторного избрания президентом Чехословакии, в знак протеста против принятия Словацким национальным советом Декларации о суверени-

тете, Гавел подал в отставку. Д. Кайзер пишет, что мало из того, что было задумано Гавелом как президентом, ему удалось осуществить. Хотя и была установлена демократия, но демократия партийная, а не демократия, которую бы обеспечивали группы гражданского общества и их харизматичные лидеры. Более того, сильнейшую чешскую партию возглавлял лидер, с которым у президента было разное видение проблем и задач. Во внешней политике не удалось добиться роспуска всех военных блоков. Был распущен Варшавский договор, но НАТО сохранила свои позиции, и Запад остался таким же, каким он был во времена железного занавеса. И приход В. Гавела в политику не вызвал там экзистенциальной революции.

Несомненную заслугу В. Гавела Д. Кайзер видит в том, что ему удалось «начать внедрять чешскую составляющую федерации в западные структуры» (с. 318). «Благодаря его плавному переходу с позиций чехословацкого на позиции чешского президента в Чехии преобладало чувство, что, хотя что-то очень хорошее закончилось, но то, что рождается, также будет жизнеспособным» (с. 318).

Ю.А. Щербакова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

В.Н. Бабенко – доктор ист. наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Т.Г. Биткова – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Е.Л. Валева – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

А.Ф. Дырина – младший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Е.Б. Калоева – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Л.С. Лыкошина – доктор ист. наук, главный научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Н.А. Подчасов – аспирант МГУ, младший научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

И.С. Путятин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела научно-библиографической информации ИНИОН РАН.

Л.Н. Шаншиева – канд. филос. наук, зав. сектором Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Ю.А. Щербакова – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 27/II – 2017 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 12,0 Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 300 экз. Заказ № 164

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел.: +7 (925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

